

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 2 (68) №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки»
является историческим правопреемником журнала
«Ученые записки Таврического университета»,
который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2016

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол №12 от 27 декабря 2016 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Яценко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 27.12.2016. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/46
Тираж 50 экз.

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-philol.cfuv.ru>
Тираж 50 экз. Цена свободная

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 070

ЗАМЫСЕЛ ЖУРНАЛИСТСКОГО МАТЕРИАЛА: ИДЕЯ, МЕДИАПОТЕНЦИАЛ, ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД, ФОРМУЛИРОВАНИЕ

Волокитин Д. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: dmitrijvolokitin@yandex.ru*

В статье рассматриваются этапы и структура оформления замысла журналистского материала как первого шага по планированию и последующей реализации обучающимися собственного медиапродукта. Практика показывает, что без детального планирования создание журналистского материала значительно осложняется, поскольку у автора отсутствует ориентированная на заданный результат пошаговая стратегия. Детальный анализ всех предварительных этапов творческой пирамиды (идея – медиапотенциал – информационный повод – замысел) дает возможность безошибочно определить медийность ситуации, масштаб ее информационной перспективы, а также актуальность, новизну и востребованность аудиторией потенциального журналистского материала. Все это приведет к четкому пониманию тех задач, которые предстоит решить. При разработке и оформлении замысла как фундамента будущего медиапродукта автор предлагает взять на вооружение методику создания замысла сценариев классической кинодраматургической школы Голливуда.

Ключевые слова: идея, тема, медиапотенциал, информационный повод, замысел, планирование, медиапродукт.

ВВЕДЕНИЕ

На факультетах журналистики при создании своих первых творческих работ обучающиеся нередко сталкиваются с трудностями. Это, на наш взгляд, в определенной мере связано с методикой преподавания журналистики, которая, в целом, сформировалась на базе литературоведения.

Согласно Большому энциклопедическому словарю, литературоведение – наука о художественной литературе, объединяющая ее историю, теорию и критику. Изучает своеобразие литературы как особой формы духовной и художественной деятельности, структуру художественных текстов, факторы и слагаемые литературного процесса и творческого метода. Исследует процессы развития мировой литературы. Истолковывает и оценивает преимущественно современные произведения. Определяет их эстетическую значимость и роль в текущей литературно-общественной жизни [1, с. 418].

Резюмируя вышесказанное, литературоведение, таким образом, на разных уровнях изучает и оценивает уже написанные тексты, тогда как неотъемлемой частью процесса обучения на факультетах журналистики является необходимость планирования и создания обучающимися собственных медиапродуктов, что требует особого методологического подхода.

На трудности, возникающие при этом, указывает А. В. Колесниченко [2, с. 5]. При всем многообразии учебной литературы по журналистике ни одного

системного курса по практической, прикладной стороне журналистского труда в России до сих пор нет.

Г. В. Лазутина объясняет это, во-первых, молодостью мировой журналистской профессии, не насчитывающей и пяти веков. А, во-вторых, бытующим в журналистской среде мнением о том, что теории журналистики, в принципе, быть не может - учить новичков следует прямо на практике, по ходу работы. Автор сетует на то, что, несмотря на обилие в мире центров подготовки журналистов, принцип обучения в них от этой традиции существенно не отличается. Программы строятся не столько на теоретическом обобщении опыта профессии, сколько на его описании, а это, в свою очередь, не дает достаточно надежных критериев для различения всех «плюсов» и «минусов» практики [3, с. 4].

Особый акцент стоит сделать на то, что в настоящее время в редакциях подавляющего большинства СМИ практическим навыкам профессии новичков вообще не обучают. Связано это с тем, что с распадом Советского Союза прекратила существование так называемая система распределения – практика обязательного трудоустройства на определенный срок выпускников, в том числе, высших учебных заведений. По закону в течение двух лет работодатели не имели права уволить молодого специалиста. Поэтому при отсутствии у него надлежащих знаний и умений были вынуждены «подтягивать» до соответствующего профессионального уровня. Теперь же трудовые коллективы, включая редакции СМИ, заинтересованы исключительно в подготовленных специалистах. И если выпускники журналистских факультетов не способны сразу же создавать качественный информационный продукт, они сталкиваются с серьезными проблемами при трудоустройстве. Таким образом, в нынешних условиях ответственность преподавательского состава факультетов журналистики при подготовке молодых специалистов многократно повышается. Цель данной статьи – исследование этапов и поиск эффективной структуры оформления замысла журналистского материала как первого шага по планированию и последующей реализации обучающимися собственного медиапродукта.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Если вести отсчет будущего журналистского материала от возникновения идеи, или темы, то уже на этом этапе у исследователей возникают серьезные разночтения в трактовке данных терминов.

Так, Колесников, не соглашаясь с общепринятой точкой зрения о том, что тема журналистского произведения – это то, о чем статья, понимает под нею проблемную ситуацию, или то, против чего статья [2, с. 14].

По мнению автора, это - любое подмеченное журналистом неблагополучие жизни. Если тема статьи - проблемная ситуация, то ее идея - вариант решения проблемы. Исходя из этого, Колесников делает любопытный вывод о том, что журналистика почти всегда рассказывает о несчастливых людях, поскольку о счастливых рассказывать практически нечего. Ведь, считает автор, даже статья об успехах будет «против», поскольку любой успех можно было бы достичь меньшими усилиями и к тому же всегда остаются недостигнутые вершины.

Действительно, можно согласиться с тем, что практически любой социальный конфликт – толчок для создания журналистского материала, но как быть с ситуациями «бесконфликтными»? В качестве примера приведем акцию «Бессмертный полк», свидетельствующую не о конфликте, а наоборот – о гармонии, единении общества. Не совсем понятно, о каких «меньших усилиях» при организации данной акции может идти речь, как и о «вершинах», «Бессмертным полком» еще не достигнутых? Другой пример. Если городские власти в рекордно короткие сроки возвели новый многоквартирный дом с минимум затрат, то высочайшей недостигнутой «вершиной» в этой ситуации может быть лишь бесплатное строительство при нулевых вложениях, что, с точки зрения экономики и здравого смысла, вообще является абсурдом.

По нашему мнению, тему, то есть предмет изображения, при планировании с обучающимися их медиапродукта целесообразнее употреблять в общепринятом понимании, а вот идеей журналистского материала считать не конфликтную (проблемную) ситуацию, а любую ситуацию или условия, обладающие медийным потенциалом, то есть величиной новостной мощи, определяющей степень (масштаб) информационного повода (причину, основание, побуждение, мотив) для его создания. Максимально вычерпать медиапотенциал из конкретных информационных обстоятельств, в наибольшей степени удовлетворив любопытство читателей, телезрителей или радиослушателей, – одна из главных задач профессионального журналиста.

Исследования показывают, что после возникновения идеи будущего журналистского материала следующим шагом по его планированию является формулирование замысла.

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, замысел – задуманный план действий, деятельности, намерение [4, с. 215]. Практика подтверждает, что коллективное обсуждение при участии педагога замысла дает возможность обучающимся достаточно быстро и эффективно преобразовать свои бессознательные, разрозненные мыслительные ощущения (обрывки мыслей) в конкретные ключевые позиции, позволяющие в процессе систематизации сформулировать план необходимых действий, или концепцию будущего информационного продукта, – то, что М. Н. Ким называет «конкретизацией рабочей идеи» [5, с. 103].

При этом поиски наиболее эффективной структуры оформления замысла журналистского материала, на наш взгляд, обнаруживают прямые параллели с методикой создания замысла сценария классической кинодраматургической школы Голливуда [6, с. 15].

Замысел киноистории укладывается в одну фразу: Это история *про* ____, *который* ____.

Первый промежуток обозначает героя или героев, второй – действия. Например. «Это история про женщину, которая хочет выращивать кофе в Кении и влюбляется в знаменитого охотника (фильм «Из Африки» (Out of Africa), США, 1985 г.)». Или. «Это история о состоятельном торговце вешалками для одежды, который хочет дружить с бомжем (фильм «Без гроша в Беверли-Хиллз» (Down and Out in Beverly Hills), США, 1986 г.)».

Несмотря на то, что структура замысла киноистории сводится к простейшей синтаксической конструкции «подлежащее – сказуемое», она, тем не менее, на протяжении десятилетий доказала свою эффективность в качестве первого шага на пути создания сценария.

Данный принцип целесообразно использовать и в работе над замыслом журналистского материала: Это материал о _____, который (-ая, -ые) _____.

Первый промежуток – *тот-та-те*, о которых обучающиеся собираются рассказать. Второй промежуток – что они сделали такого, или, чем привлекли внимание, что побудило сообщить о них аудитории (при необходимости данная синтаксическая конструкция может усложняться)?

Например. «Это материал о субтропических фруктах, которые собираются выращивать в Крыму в промышленных масштабах». Или. «Это материал об известном художнике (таком-то), который через месяц отпразднует юбилей и готовит выставку своих лучших картин».

Особо подчеркнем - как в замысле сценарной истории должен угадываться драматический конфликт, так и замысел журналистского материала, как говорилось выше, должен содержать информационный повод как результат развития идеи, содержащей медиapotенциал. А. Н. Дедов, для определения, насколько новость достойна публикации, предлагает ответить на три вопроса: «Ново ли это?», «Важно ли это?» и «Интересно ли это?» [7]. Другими словами, информационный повод – это сумма новизны, актуальности и востребованности аудиторией той или иной новости.

Однако, формулируя замысел, состоящий лишь из одного предложения, обучающиеся, тем не менее, сталкиваются с серьезными трудностями.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

Пример 1.

«Это материал о проблеме нехватки воды в Севастополе как реакция на заявление вице-губернатора о существовании опасности в городе ее дефицита».

Сразу же бросается в глаза то, что структура данного замысла не соответствует конструкции «подлежащее-сказуемое». Но дело не только в этом. При бесспорном наличии в нем информационного повода (заявление вице-губернатора о проблеме городского масштаба), главная ошибка состоит в том, что замысел не вычерпывает содержащийся в идее медиapotенциал.

Тут уместно привести главный постулат Протагора: «Человек – мера всех вещей». Любой замысел, какой бы идеи он не касался, в конечном итоге выводит на конкретных людей (респондентов, ньюсмейкеров), автоматически оказывающихся в его центре. Даже при сообщении о падении гигантского метеорита в пустыне аудитория сможет оценить масштаб возможных последствий только после того, как автор опишет, чтобы произошло, если бы метеорит упал на густонаселенный городской квартал. В этом случае читатели, телезрители или радиослушатели невольно поставят себя на место потенциальных пострадавших и, таким образом, острее оценят масштабы возможной трагедии. Следовательно, ценность данной новости в их глазах многократно повысится.

Представленный же замысел четко ориентирует на интервью с вице-губернатором, хотя идея имеет, как минимум, три вовлеченной стороны: руководство города (вице-губернатор), коммунальные службы и горожане. Очевидно, что одно интервью с вице-губернатором не раскроет медиапотенциал ситуации в целом. От дефицита воды страдают конкретные рядовые потребители, незримо присутствующие в информационной картине. Если их мнение не будет представлено, аудитория интуитивно почувствует информационный вакуум (пробел). Это же касается и коммунальных служб - без учета их мнения материал также окажется неполным. Ведь именно они практически решают проблемы, мешающие нормальному водообеспечению города.

В результате коллективного обсуждения был выбран следующий вариант замысла: «Это материал о трудностях, с которыми сталкиваются жители Севастополя из-за дефицита питьевой воды, и тех мерах, которые предпринимают коммунальные службы и городские власти для решения данной проблемы».

Подчеркнем, что замысел зависит от стоящих перед журналистом задач. В данном случае, это мог быть материал не о жителях, а о городских властях или коммунальных службах, которые из-за износа водосетей или засухи не в состоянии обеспечить жителей водой.

Конечно же, в последующей работе над материалом можно сфокусировать внимание на различных аспектах возникшей проблемы: социальных, технических, финансовых и других. Но главная задача на этапе зарождения замысла – дать толчок, импульс, определить нужное направление работы, наметить микромодель будущего журналистского произведения [5, с. 91].

Пример 2.

«Это материал об опасных сэлфи, связанный с недавней смертью жительницы Симферополя, пытавшейся сфотографироваться на скальном выступе и сорвавшейся вниз».

Казалось бы, при наличии в замысле конкретного персонажа и информационного повода (его гибель), это, как ни странно, история без героев. Дело в том, что медиапотенциал данной идеи не может ограничиться рассказом лишь об одном трагическом случае. Конечно же, аудиторию будет интересовать мнение родных и близких покойной, еще - представителей МЧС (горноспасательной службы), психологов, сторонников и противников сэлфи (при необходимости список можно расширить). Высказанные ими мнения по поводу гибели жительницы Симферополя и других любителей экстремального сэлфи, о небезопасности данного увлечения, причинах его популярности и так далее, в конечном итоге, и станут основой материала.

В результате творческой дискуссии замысел приобрел следующий вид: «Это материал о недавней трагической гибели увлекавшейся сэлфи девушки, в причинах смерти которой помогут разобраться ее родные и близкие, представители МЧС, психологи, сторонники и противники экстремального сэлфи, что позволит сделать общий анализ этого небезопасного увлечения».

Пример 3.

«Это материал о новой волне активизации клещей в регионе, о чем два дня назад заявил главный санитарный врач».

Как мы видим, данный замысел также заточен на интервью с главным санитарным врачом. Но сможет ли разговор только с ним вычерпать заложенный в идее медиапотенциал? Для полноты информационной картины, как минимум, нужны впечатления пострадавших от укусов клещей, мнения лечащих таких пациентов врачей, сотрудников ветеринарной службы, борющихся с этими насекомыми, представителей руководства местного здравоохранения (при необходимости список можно расширить).

Поэтому в конечном итоге замысел получился таким: «Это материал о тех, кто пострадал от укусов клещей, с комментариями врачей, сотрудников ветеринарной службы, представителей руководства местного здравоохранения, которые расскажут о том, как избежать укусов клещей и что делать, если это все-таки произошло, поскольку вскоре ожидается их активизация».

ВЫВОДЫ

Трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся на факультетах журналистики при создании своих первых творческих работ, во многом связаны с недостаточной работой по их коллективному планированию.

Медиапродукт – это определенный набор фактов, комментариев и размышлений, выстроенных в оптимальной последовательности и обладающий новизной, актуальностью и востребованностью аудиторией. Он имеет многоуровневую внутреннюю архитектуру, поэтому его создание должно осуществляться поэтапно путем поиска, сбора, анализа и систематизации полученной информации. Можно говорить о своеобразной творческой механике создания медиапродукта.

Начальными этапами его планирования являются:

1. Возникновение идеи - ситуации или условий, обладающих медиапотенциалом, то есть величиной новостной мощи, определяющей степень информационного повода для создания журналистского материала.

2. Формулирование замысла. В основе его структуры лежит синтаксическая конструкция «подлежащее – сказуемое», доказавшая свою эффективность при создании замыслов сценариев в Голливуде. Если уж на «фабрике грез» написание 120-страничного полнометражного сценария под 100 тыс. знаков с пробелами «укладывают» в замысел, состоящий из 25–50 слов, то очертить таким образом контуры стандартного газетного полосного материала в 6–8 тыс. знаков с пробелами, тем более, кажется нам перспективным.

Любой замысел профессионального журналистского материала либо рассказывает о конкретных людях, либо опирается на их мнения. Поэтому в процессе планирования обучающиеся должны определить, кому и примерно какие вопросы они должны задать.

Практика показывает, что, если обучающиеся берутся за создание материала без детального планирования «на бумаге», хотя бы того или нет, им все равно приходится формулировать все предварительные этапы творческой пирамиды

(идея – медиапотенциал – информационный повод – замысел), но уже «в уме», что значительно осложняет рабочий процесс. Поскольку у автора отсутствует как понимание цели, так и то, как ее достичь.

На начальном этапе при знакомстве обучающихся с технологией создания замысла целесообразно использовать метод от обратного, когда они коллективно учатся формулировать его на основе уже готового материала - обсуждают идею, находят информационные пробелы, определяют степень инфоповода, составляют список персонажей, объясняя, почему журналисты обратились именно к ним и все ли необходимые вопросы задали. Это тем более эффективно в отношении обучающихся, в силу своего характера стесняющихся озвучить и тем более обсуждать в коллективе идею и замысел своего первого материала. Обсуждение же «чужого» позволяет им преодолеть первоначальную робость и раскрыться для творческой деятельности.

На наш взгляд, в работе с обучающимися является ошибочным начинать создание медиапродукта (это, главным образом, касается статей для печатных СМИ) с определения жанра, как предлагают некоторые авторы. Если писатели, поэты и драматурги являются хозяевами своих произведений, имея дело с абстрактной «выдуманной» ими информацией, а потому вольны создавать свои произведения в любом жанре – от частушки до многотомной эпопеи, то журналисты, в большинстве случаев, - заложники предлагаемых обстоятельств. Отправляясь на задание, они не всегда знают, куда заведет их творческая кривая, какие факты или комментарии они добудут, какое место и в каком объеме они займут в материале, каким сокращениям он подвергнется в редакции - возможно, его заставят переписать, с учетом резко изменившейся информационной обстановки, сделав акцент совершенно на другом. В целом, на наш взгляд, жанр – это оценочная категория. Обсуждать его можно лишь после того, как медиапродукт уже опубликован или вышел в эфир.

Если фундаментом журналистского материала является замысел, то основа для его создания - заявка есть несущая конструкция (скелет). Именно на ее основе разрабатывается цель, концепция и поэтапный план реализации медиапродукта.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор А.М. Прохоров. – СПб.: Изд-во: Советская энциклопедия, Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – 1632 с.
2. Колесниченко А. В. Практическая журналистика / А. В. Колесниченко. – М.: Изд-во Московского университета, 2008. – 192 с.
3. Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста / Г. В. Лазутина . – М.: «Аспект Пресс», 2001. – 240 с.
4. Толковый словарь русского языка / Ожегов С.И.; Шведова Н.Ю. – М.: «Русский язык», 1991. – 918 с.
5. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения / М. Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 320 с.
6. Червинский А. М. Как хорошо продать хороший сценарий. – М.: Приложение к журналу «Киносценарии», 1993. – 109 с.
7. Дедов А. Н. Новость. Информационный повод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://al-dedov.narod.ru/journalists/jourtech.htm>

*ЗАМЫСЕЛ ЖУРНАЛИСТСКОГО МАТЕРИАЛА: ИДЕЯ, МЕДИАПОТЕНЦИАЛ,
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД, ФОРМУЛИРОВАНИЕ*

**THE CONCEPT OF THE JOURNALISTIC MATERIAL: IDEA, MEDIA CAPACITY,
INFORMATION OCCASIONS, FORMULATION**

Volokitin D.

The article deals with the stages of the design concept of journalistic material as the first step in the planning and subsequent implementation of the learners their own media product.

Practice shows that the creation of the journalistic material is considerably complicated without detailed planning, because the author is not focused on the based strategy of the desired result. A detailed analysis of all the preliminary stages of the creative pyramid (idea - media capacity - newsworthiness - content) allows accurately determine the media situation, the scope of its information perspective, as well as the relevance, originality and popularity of the potential material among the audience. All this will lead to a clearer understanding of the challenges that will lie ahead. In the development and design concept as the formulation of future media products the author proposes to adopt a method of creating a screenplay design based on the classic Hollywood school of the cinematic dramaturgy.

Key words: concept, subject, media capacity, newsworthiness, design, planning, media product.

УДК 316.77; 070

КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

Маркина Ю. В.

*Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону
e-mail: yulia_markina@list.ru*

Проблематика информационного общества последние десятилетия волнует многих отечественных и зарубежных исследователей. Тем не менее, мы считаем актуальным рассмотреть теоретические аспекты понятия «информационное общество», представить эволюцию и закономерности формирования данной концепции, которая на протяжении всего времени своего существования выступает средством принятия конкретных решений на государственном и международном уровнях.

Ключевые слова: информация, коммуникация, информационное общество, информационные технологии, массовые коммуникации.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «информационное общество» (далее ИО), возникший во второй половине XX века, коррелирует с рядом близких и не очень близких понятий: постиндустриализм, «индустрия знаний», сетевая революция, «информационный взрыв», «дигитальное торнадо», постмодернизм и т.д., уже вошедших в арсенал коммуникативистики и в ядро терминосферы теории ИО. Термин появился вначале на Западе и в Японии, но стал вскоре привычным и в РФ. Концептуальное понятие «национальная глобальная информационная инфраструктура» ввели в США после конференции Национального научного фонда и знаменитого доклада Б. Клинтона-А. Гора; тогда же словосочетание «информационное общество» появилось в работах Экспертной группы Европейской комиссии под руководством Мартина Бангеманна, одного из наиболее уважаемых в Европе экспертов по ИО; словосочетания и метафоры типа «информационные магистрали» и «супермагистрали» стали нормой в канадских, британских и американских публикациях.

В 1997 году члены ОЭСР (Организации Экономического Сотрудничества и Развития) создали специальную группу для разработки индикаторов развития информационного общества. С этого момента идет дискуссия на международном уровне относительно понятия и концепции «информационного общества». Трудность заключалась в неоднозначности трактовок и определений центрального понятия. При переходе к анализу понятия «информационная экономика» члены группы сталкивались с не меньшими трудностями. В результате, изначально принятая модель М. Пората уже не была столь эффективным средством разработки стратегических программ, о чем писал В. Иноземцев [1, с. 245]. Одним из решений проблемы стало использование понятия «сектора информационных и коммуникативных технологий» (ИКТ) в качестве основания разработки концепции «информационной экономики» и «информационного общества».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В последние годы в работах отечественных и зарубежных авторов дискуссия о перспективах ИО оживилась, что закономерно [2]. В хрестоматийной книге Ф. Уэбстера представлены многие мнения и некоторые целостные теории ИО, часть из них важна для понимания процессов медиаконцентрации и гипермонополизации в эпоху позднего индустриализма и сегодня [3]. В частности, актуален и в наши дни, несмотря на естественные коррективы, разговор о взглядах Д.Белла, Г. Шиллера, Ж. Бодрийяра, Э. Тоффлера. Последний, как известно, ввел в научный оборот теорию трех революций, согласно которой человечество пережило аграрную и индустриальную революции и находится в стадии информационной революции [4]. Э. Тоффлер, несмотря на то, что он постоянно акцентирует роль культуры в ИО, считает, что все компоненты супериндустриального общества равноправны и равнозначны. В качестве компонентов структуры общества он выделяет, во-первых, техносферу, которая включает энергетическую подсистему, систему производства и систему распределения. Во-вторых, он анализирует социосферу — различные социальные институты (семья, образование и др.). Техносфера и социосфера внутренне взаимосвязаны. В-третьих, что наиболее актуально для теоретиков СМИ, ученый описал инфосферу — подсистему социальной коммуникации и информации. Кроме того, Тоффлер интересовался биосферой, сферой власти (формальные и неформальные институты политики), психосферой (сфера межличностных отношений, субъективности). Можно, думается, добавить сюда и такие сферы бытия, как ноосфера, как ее понимали В.Вернадский, Э. Леруа, Т. де Шарден и др., а также «кримисфера» (неологизм призван выразить уникальность мира преступников, вставших на путь осознанной антиюридической деятельности). Взаимодействие всех этих сфер образует макросферу обитания человека и неизбежно влияет на все общество, в том числе и на коммуникативные процессы.

Одна из особенностей информационного общества — возрастание удельного веса индивидуального труда, почти исчезнувшего в индустриальном обществе. Развитая сеть автоматизированных рабочих мест позволит многим специалистам, не выходя из дома, принимать участие в общественном производстве.

Качественно новым моментом стала возможность управления большими комплексами организаций и производством систем, требующим координации деятельности сотен тысяч и даже миллионов людей. Шло и продолжает идти бурное развитие новых научных направлений, таких как информационная теория, кибернетика, теория принятия решений, теория игр и т.д., то есть направлений, связанных именно с проблемами организационных множеств.

Первоначально модель «информационного общества» создавалась на основе экономических данных [5, с. 278]. Вторая половина XX века была насыщена кардинальными социальными и экономическими трансформациями, изменившими облик цивилизации и картину миропорядка. Пытаясь осмыслить эти масштабные перемены, философы, социологи и экономисты создали ряд концепций, воссоздающих логику прогресса. Необходимо отметить, что ряд западных политологов и политэкономов склоняется к тому, чтобы провести резкую грань, отделяющую концепцию информационного общества от постиндустриализма.

КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

Однако, хотя концепция информационного общества призвана заменить теорию постиндустриального общества, ее сторонники повторяют и дальше развивают ряд важнейших положений технократизма, постиндустриализма и традиционной футурологии.

Неопределенность в формулировках информационного общества заставляет искать признаки, его характеризующие. Ф.Уэбстер выделял пять, потом шесть основных критериев для характеристики информационного общества: технологический, экономический, связанный со средой занятости, пространственный, культурный, позже некий интегративно-качественный [3, с.318-325]. Эти критерии, на наш взгляд, имеют разные основания. Так, в центре первых пяти критериев лежит убеждение, что количественные изменения в сфере информации привели к возникновению качественно нового типа социального устройства — информационного общества. Качественный критерий подчеркивает, что характер массовой информации изменил, независимо от ее количества (не все потребляют большие количества сообщений), образ мира и стиль жизни людей. Эта деталь позволяет предполагать, что в основе социальных коммуникаций, и в значительной мере – норм человеческого поведения, первоначально лежит знание о мире и — как одна из его составляющих — адекватная медийная информация. Согласно концепции постиндустриального общества, история цивилизации делится на три большие эпохи: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. При переходе от одной стадии к другой новый тип общества не вытесняет предшествующие формы, но делает их второстепенными.

Ф. Уэбстер, отталкиваясь от идей Д. Белла, М. Пората, Ф. Махлупа и др., подчеркивает важность политэкономического подхода к массовым коммуникациям (далее - МК) и в качестве примера современных толкований «информационного капитализма» (М. Кастельс) анализирует категорию «информационного труда» [3, с.163], в основе которого лежит научно-рациональное понимание экономики знаний, для которой принципиален закон постоянного пожизненного обновления знаний работников. Уэбстер, описывая фордистско-кейнсианскую систему накопления капитала и классовый характер труда интеллектуалов, подробно характеризует «корпоративные и классовые интересы и приоритеты рынка» [3, с.172], а в некоторых местах книги прямо или косвенно-ненавязчиво, формулирует важный, хотя и известный многим исследователям медийной концентрации, тезис о несовместимости идеалов Большого Бизнеса и свободной журналистики. В качестве предварительного аргумента в спорах о плюсах и минусах монополизации СМИ хотелось бы сразу сформулировать тезис о неисправимой противоречивости рыночной экономики, не оставляющей сомнения в обострении конфликтов и в электронных, цифровых масс-медиа, где транснациональные корпорации (ТНК) усугубили недостатки стихийно-синергетического движения медийного бизнеса. Тезис не доказывает полезность планово-административной формы развития СМИ, тем более не оправдывает существование тоталитарной модели культуры. Но и рынок не дал желаемой гармонии.

К концу прошлого века сфера информационного бизнеса и информационных услуг резко выросла. Например, в сельском хозяйстве США было занято 3% работающих, в промышленности — 20%, в сфере обслуживания — 30% и 48%

людей было занято в создании средств для работы с информацией и непосредственно самой работой с нею. Симптоматично, что ряд ведущих исследователей, сформулировавших теорию постиндустриального общества, в настоящее время выступает в качестве аналитиков информационного общества. Как утверждает Белл, «в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового уклада, основывающегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением постиндустриального общества». Причем, считает Белл, для понимания этой революции особенно важны три аспекта постиндустриального общества. Имеется в виду переход от индустриального общества к обществу услуг, определяющее значение кодифицированного научного знания для реализации технологических нововведений и превращение новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решения.

Для Д. Белла концепция ИО стала этапом развития теории постиндустриального общества. Как констатировал Белл, «революция в организации и обработке информации и знания, в которой центральную роль играет компьютер, развивается в контексте того, что я назвал постиндустриальным обществом» [6]. А если учесть, что Белл видел враждебность Большого Бизнеса по отношению к наемному работнику, то можно продолжить рассуждение экономиста по отношению к процессам концентрации капитала в масс-медиа: монополизм игнорирует личность, не замечает одного **конкретного** человека, заботясь о потребителе вообще. Думается, этот факт созвучен тому, что медийный текст является особым товаром, журналистика имеет точки соприкосновения с искусством, духовный потенциал ее таков, что унификация конвейерного производства далека от профессиональных идеалов профессии, хотя она и является законом для медийной индустрии.

Можно утверждать, что «экономика знаний» (knowledge-based economy) способствовала переходу от культа производства к философии массового потребления. Особо значим момент перехода от гонки производителей товаров к гонке производителей услуг: например, информационные услуги таких корпораций, как Гугл, Яндекс, Фейсбук и т.п., привлекают большее внимание потребителей, чем традиционные товары, причем товаропроизводители чаще делали упор на рекламу, а работники сферы услуг чаще прибегали к тактике умелой организации связей с общественностью, пиар стал важнейшим конкурентным преимуществом.

Информационное общество — порождение постиндустриального общества; это особая историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания, наблюдается увеличение роли информации в жизни общества, возрастание доли коммуникаций в процессе труда, увеличение доли услуг в валовом внутреннем продукте. Очевидно появление и/или создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное взаимодействие людей, их доступ к мировым духовным ресурсам и удовлетворение потребностей в информационных продуктах и услугах [7].

КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

Учитывая глубину и размах технологических и социальных последствий компьютеризации и информатизации различных сфер общественной жизни, их нередко называют компьютерной или информационной революцией. Более того, западная общественно-политическая мысль выдвинула различные варианты так называемой концепции «информационного общества», имеющей своей целью объяснение новейших явлений, порожденных новым этапом научно-технического прогресса, компьютерной и информационной революцией. О значимости и растущей популярности концепции ИО на Западе свидетельствует все более нарастающий поток публикаций на эту тему. В настоящее время в западной общественно-политической мысли она постепенно выдвигается на то место, которое в 70-х годах занимала теория постиндустриального общества.

Говоря об изменениях и сдвигах, способствующих переходу современного западного общества в качественно новую стадию, теоретики опираются на объективные процессы развития наукоемких, энерго- и трудосберегающих отраслей экономики, процессы роботизации производства, компьютеризации и информатизации важнейших сфер политической жизни. Это влияет на перспективу общественно-исторического развития человечества, на судьбу человека, на его место и роль в этом процессе. Развитие киберкультуры как фундамента ИО требует специального рассмотрения и разработки соответствующей концепции в единстве социальных, технических, политических, экономических и правовых факторов.

Анализируя теории ИО, можно выделить некоторые обобщенные критерии. Первым стоит назвать наличие систем телекоммуникационных технологий. Телекоммуникационная технология выделяется в качестве самостоятельной подсистемы и элемента ИО потому, что она выходит за рамки значения техники, используемой в различных отраслях экономики. Это не паровая машина Уайта, «знак» экономики на первом этапе развития промышленного общества, не машинная конвейерная технология, определившая эмблематику второго этапа. Телекоммуникационная технология существует самостоятельно, причем не как техническая подсистема экономики. Она является видом социальной технологии, определяющей способы взаимодействия разных подсистем общества и возможности разных его слоев для активного участия в общественной жизни. Более того, телекоммуникационные технологии влияют на государственно-политическую сферу организации и управления, сферы труда, культуры и символического воспроизводства социальной реальности. Во-вторых, в качестве относительно независимой подсистемы общества выделяется сфера образования (а не институт в рамках конкретной социальной подсистемы того или иного государства). Более того, эта сфера начинает доминировать: образование становится непрерывным. Являясь стратегическим ресурсом в рамках функционирования государственных и политических структур, оно предопределяет сферу труда и экономики. В то же время оно выступает доминирующим фактором в процессе группового и статусного образования, а также фундаментальной основой инноваций в процессах социализации.

ИО рассматривается как в синхронно-атемпоральном, так и в диахроническом, историко-динамическом аспекте. Ряд исследователей представляют его в качестве особой стадии в историческом развитии человечества. Вместе с тем историческое

место информационного общества в эволюции человечества определяется по-разному. Согласно Ю. Хабермасу, Э. Гидденсу, Ф. Ферраротти информационное общество рассматривается как фаза индустриального общества, наступившая вслед за фазой индустриализации (конец XVIII — начало XX в.) и фазой массового производства и массового потребления, иначе — так называемого «массового» общества (начало XX в. — 60—70-е годы XX в.).

Статус субъекта глобального информационного общества и интерес аудитории к индивидууму определяется в первую очередь его компетентностью и ценностью имеющихся у него сведений. При соблюдении этих условий «маленький человек» вполне может соперничать с информагентствами и всемогущими медиаимпериями, особенно в ситуации информационного вакуума, нереализованной потребности в информации о тех или иных событиях либо в отношении (само)изолированных сообществ и целых государств.

Главным недостатком гражданских журналистов являются их ограниченные ресурсы. *Преимуществом* — доверие аудитории, которое объясняет мировую известность интернет-дневников, рассказывающих о жизни в Китае, Иране, на Кубе, популярность их авторов-диссидентов, получающих признание международного сообщества, в том числе в виде различных наград в области журналистики, литературы, общественной и правозащитной деятельности.

Зная об этом, необходимо помнить о возможностях манипулирования общественным мнением с помощью подобных «частных историй», «свидетельств очевидцев» и «репортажей с места происшествия». Сегодня блог «участника событий» может производить даже более сильное впечатление, чем видеосюжет, показанный по CNN в прайм-тайм.

Переход к информационному обществу не сулит каких-либо перемен в социальных благих, останется расслоение населения на более обеспеченных и менее обеспеченных, в различной мере способных воспользоваться плодами информатизации. Сфера информационных услуг, конечно, будет дифференцирована, и ряд наиболее важных услуг по своей стоимости будет выше возможностей среднего члена общества. Проблема равного доступа к информации возникает не только внутри одной страны, но будет проявляться.

Особый взгляд на проблему у воронежского автора В.И. Сапунова. Исследователь СМИ высказывает в своих работах достаточно спорную мысль о тотальном господстве в мировых СМИ финансово-спекулятивного капитализма, который, мол, резко интенсифицировал «неолиберальную организацию производства», а та, в свою очередь, становится «неотъемлемым компонентом медиастратегий, усиливая такие тенденции, как коммерциализация, унификация и примитивизация информации» [8, с.109-110.].

Оппоненты медиаглобализации пишут о потере самобытности национальными СМИ. Сближение стандартов в масс-медиа Севера и Юга, Востока и Запада нельзя понимать как тотальную унификацию журналистского труда. Массификация идет рядом с демассификацией, с диверсификацией медийного продукта. С данной точки отсчета понятна одна из ключевых идей: мир масс-медиа, как и мир в целом, - это чередование разных событий. Журналистов мир вещей волнует в первую очередь как воплощение антропологичности любой деятельности, как часть мировой

событийности. «Журналистика как социальный институт, подвержена трансформациям, детерминируемым эволюционным развитием общества; социальная реальность, а также авторское видение миссии журналиста в контексте исторической эпохи определяют характеристики образа журналиста, интерпретации профессии в творческом, гражданском, духовно-личностном направлениях» [9, с. 306].

«Глокализация СМИ – это соединение общих достижений в данной сфере с самобытной местной традицией, которую нельзя терять: уникальность коммуникативных практик такова, что любой язык создает неповторимые коды общения, утрата которых обедняет мировую культуру» [10, с. 79]. Добавим, что концентрация капитала в СМИ стала магистралью медиаэкономики, поэтому противопоставлять глобализацию и глокализацию не стоит: процессы эти сливаются в реальной практике в неразложимое целое.

ВЫВОДЫ

Итак, глобальным *информационным пространством* называют совокупность информационных ресурсов (источники информации), технологий информационного взаимодействия (программное обеспечение) и информационных телекоммуникационных систем (оборудование), функционирующих на основе общих принципов и формирующих информационную инфраструктуру, обеспечивающую информационное взаимодействие между людьми.

Информационным обществом именуется явление более высокого порядка — новая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства и обмена выступают информация и знания.

Несмотря на контекстуальную близость этих понятий, принципиальное различие между ними состоит в том, что составляющими элементами пространства являются неодушевленные объекты, результаты человеческого труда, тогда как главным активным элементом общества, его субъектом является человек.

Таким образом, цели участников информационного общества и методы их достижения не совпадают и часто противоречат друг другу. Вместе с тем ключевой ресурс, за который происходит борьба, общий — это аудитория, ее внимание и потенциальная социально-политическая и экономическая активность. Это служит основаниями для соперничества и конфликтов в информационном обществе. Сегодня термин информационное общество прочно занял свое место, причём не только в лексиконе специалистов в области информации, но и в лексиконе политических деятелей, экономистов, ученых. В большинстве случаев это понятие ассоциируется с развитием информационных технологий и средств телекоммуникации, позволяющих на платформе гражданского общества (или, по крайней мере, декларированных его принципов) осуществить новый эволюционный скачок и достойно войти в следующий информационный век уже в качестве информационного общества или его начального этапа.

Список литературы

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В.Л. Иноземцев. - М.: Academia, 2000. - 640 с.
2. См., напр.: Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии. 1999. - 289 с.; Болц Н. Алфавит медиа / Н. Болц. - М.: Европа, 2011. - 136 с.; Варганова Е. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ // Вестник МГУ. Сер.10. Журналистика. 2012. №1; Добросклонская Т. Медиакульт: теория и методы изучения // Вестник МГУ. Сер.10. Журналистика. 2003. № 2; Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Славой Жижек. - Пер с англ. М.: «Дело», 2014. - 538 с.
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Варгановой. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 400 с
4. Тоффлер Э. Третья волна. Глава 13. Демассификация средств массовой информации / Э. Тоффлер. - М.: АСТ, 2004. 781 с.
5. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986. С. 394.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. См. Маркина Ю.В. Трансформация понятия «информационное общество» // Гуманитарные научные исследования. - Февраль. 2014. - № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21227310>
7. См.: Бодрунова С. С. Либеральный идеал как точка отсчета в моделировании взаимодействия политической и журналистской систем // Ценности журналистики и достоинство журналиста (аксиология журналистики): материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г. В. Жиркова, В. А. Сидорова. СПб: ИД СПбГУ», 2010. С. 80–86; Бодрунова С. С. Западная медиа-аксиология и либерально-демократический идеал работы СМИ // Журналистика. Общество. Ценности / ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 94– 169; Hjarvard S. The Mediatization of Culture and Society / S. Hjarvard Охон: Routledge, 2013. - 340 p.
8. Сапунов В.И. Монополизация в медиасекторе в 2011 году // Проблемы массовой коммуникации. ВГУ, 2012. - Ч.1.- С.109-110.
9. Смеюха В.В. Вопросы медиалогии / В.В. Смеюха. - Ростов н/Д., 2013. - 324 с.
10. Хорольский В.В. Коммуникативистика и теория журналистики в контексте медийной глобализации: методологические загадки // Вестник ВолГУ. - Серия 8: Литературоведение. Журналистика. - 2009. - №8. - С.79 -88.

THE CONCEPT «INFORMATION SOCIETY»: EVOLUTION AND MODERN UNDERSTANDING

Markina Yu.V.

Last decades many domestic and foreign researchers concern the problems of the Information Society. Nevertheless, we consider it is very relevant to consider the theoretical aspects of the concept "information society", to represent the evolution and laws of the concept's formation, which for the entire time of its existence, is a means of taking concrete decisions at the national and international levels.

Key words: information, communication, information society, information technology, mass communications.

References:

1. Inozemtsev V.L. The modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects / V.L. Inozemtsev. - M.: Academia, 2000. - 640 p.
2. See, eg.: Jean Baudrillard. Requiem for media // *The Poetics and Politics: The almanac of the Russian-French center of sociology and philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. - M.: Institute of Experimental Sociology. 1999. - 289 p.; N. Bolz Media Alphabet / H. Bolz. - M.: Europe, 2011. - 136 p. ; Vartanova E. On the necessity of modernization concepts of journalism and media // *Vestnik MSU. Ser.10. Journalism*. - 2012. - №1; Dobrosklonskaya T. Media Texts: Theory and methods of study // *Vestnik of MSU. Ser.10. Journalism*. - 2003. № 2; Žižek S. Touchy Subject: the Absent Center of Political Ontology / Slavoj Žizhek. - Translated from English. M.: "Delo", 2014. - 538 p.

**КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И
СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ**

3. Webster F. Theories of the Information Society / F. Webster /Translated from English by M.V. Arapova, N.V. Malykhina; ed. E.L.Vartanova. - М.: Aspekt Press, 2004. – 400 p.
4. Toffler E. Third Wave. Chapter 13. Demassifikatsiya media / E. Toffler. Moscow: AST, 2004. - 781 p.
5. Stouner T. Information Wealth: Profile Postindustrial Economy / T. Stouner // *New Technocratic Wave in the West*. М.: Progress. 1986. 394 pp.
6. Bell D. The Coming Post-Industrial Society / Bell D. - М., 1999. See. Markina Yu.V. The Transformation of the Concept "Information society" / Yu.V. Markina // *Humanities Research*. - February 2014. - № 2. [Electronic resource]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21227310>
7. See Bodrunova S.S.: Liberal Ideal as a Starting Point for Modeling the Interaction of Political and Journalistic Systems // *Values of Journalism and the Dignity of the Journalist (Axiology Journalism): Proc. scientific-practical. Conf.* / Ed. G.V. Zhirkov, V.A. Sidorov. - St. Petersburg: SPbSU. - 2010. - P. 80-86; Bodrunova S.S. Western Media Axiology and Liberal-Democratic Ideal for Media // *Journalism. Society. Values* / ed.V.A. Sidorov. St. Petersburg: SPbSU. - 2012. - P. 94-169; Hjarvard S. *The Mediatization of Culture and Society* / S.Hjarvard. - Oxon: Routledge, 2013.
8. Sapunov V.I. The monopolization of the media sector in 2011 / V.I. Sapunov. *Problems of Mass Communication*. VSU, 2012. CH.1. - P.109 -110.
9. Smeyukha V.V. Questions Medialogia / V.V. Smeyukha. - Rostov on/D., 2013. - 324 p.
10. Khorolsky V.V. Communicative and theory of journalism in the context of media globalization: methodological puzzles / Khorolsky V.V. // *Vestnik of VolGU.- Series 8: Literaturovedenie. Journalism*. 2009. - №8. - P.79- 88.

УДК 070

ПОПУЛЯРНОСТЬ ВЛОГОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Сунко Е. С.

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», Ростов-на-Дону
E-mail: leliksipko@yandex.ru*

Явление видеоблоггинга – одно из самых популярных веяний в сети Интернет. Большая часть интернет-пользователей позиционирует себя как блоггеры. Стремясь повысить интернет-популярность и увеличить признание (количество подписчиков, количество просмотров), блоггеры создают мощнейшую площадку для развития абсолютно нового продукта и, возможно, элемента культуры. В статье рассматриваются: хронология развития видеоблоггинга, основные виды данного явления, выделяемые по содержательному признаку (обучающее видео, видеобзор, многосерийные видеоролики, музыкальные видеоблоги), выявляются причины популярности видеоблоггеров и их каналов, показываются основные площадки для деятельности блоггеров, приводятся варианты возможных путей развития видеоблоггинга, как элемента культуры. Тема популярности влогов – практически не изучена на сегодняшний день. Именно новизна явления и определяет основную причину выбора данной темы.

Ключевые слова: блог, влог, видеоблог, видеоблоггинг, Интернет, блоггер, информация, информационное пространство, социальные сети, видеохостинг, youtube, instagram.

ВВЕДЕНИЕ

Современную жизнь сложно представить без Интернета. Традиционное чтение остается в недалеком в прошлом (см.: М. Ю. Гудова, В. В. Смеюха [1,2] и др.). Сегодня намного проще использовать для поиска информации, чтения, образования интернет-ресурсы, что позволяет значительно экономить время и расширять возможности деятельности в информационном пространстве. «Четвертая коммуникационная революция, обозначившая начало нового информационного этапа в жизни социума, привела к развитию новейших электронных средств массовых коммуникаций, упростивших процесс изготовления и распространения информации, изменивших формы и виды взаимоотношений коммуникантов, а также модифицировавших сферы профессиональной, общественной и личной деятельности, создав внутри них профессиональные, корпоративные, культурно-рекреативные, межличностные и другие медиасистемы» [3, с. 38], одним из порождений последней медиакоммуникационной революции [4] стало изменение функций аудитории, которая может самостоятельно создавать медийный контент, в результате чего получил распространение блоггинг (блоггинг с научной точки зрения рассматривается в работах Д. Е. Колезева, Е. И. Горшковой [5;6] и др.). Общество стремится к максимальному использованию медиаресурсов в собственных интересах, и место текстовых блогов постепенно начинают занимать видеоблоги (как когда-то телевидение стало популярнее печатных СМИ). Целью данной статьи является изучение истории развития видеоблоггинга и выявление его типологии (определение видов видеоблогов). В научной сфере были рассмотрены: потенциал использования видеоблогов в образовательных и просветительских целях [7; 8], феномен их популярности [9], а также типология отдельных видов [10].

Попытки проанализировать типологическое многообразие видеоблогов и составить их классификацию до сих пор не предпринимались.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

История развития явления видеоблоггинга

Видеоблог или влог (сокращенное название) – форма блога, в которой видео является основным способом передачи информации. Современный период можно назвать этапом развития видеоблоггинга.

Несомненно, основной для становления рассматриваемого явления стало блоггерство. Ведение собственных онлайн-дневников было на пике популярности в середине прошлого десятилетия. Блоггеров читали и продолжают читать, их цитируют известные СМИ, им доверяют, их мнение считают авторитетным. Блоггеры стали своего рода народными журналистами-аналитиками, не имеющими при этом специального (журналистского) образования.

Первым видеоблогом стал влог американца Адама Контраса, появившийся в сети 2 января 2000 г. Тогда Адам выложил в блог видеопослание своей семье, в котором он сообщал, что направляется в Лос-Анджелес через всю страну в поисках шоу-бизнеса. Сегодня этот блоггер продолжает выкладывать подобные послания на своем канале.

Стоит отметить, что явление видеоблоггинга начало приобретать массовый характер в 2005 г., когда только появился видеохостинг youtube.com. Спустя небольшой промежуток времени, 13 млн пользователей стали обращаться к видеопорталу и просматривать около 70 млн видеороликов в день. Зрителей привлекал тот факт, что на портале выкладывались небольшие видеоролики, снятые на мобильный телефон, демонстрирующие фрагменты из жизни обычных людей. С тех пор блоггерами был проделан путь от любительской съемки до превращения ее элемент культуры и средство заработка (причем немалого). Первые ролики для блогов были сняты на любительские камеры в домашних условиях, тогда еще блоггеры не стремились зарабатывать на контенте, а только самовыражались.

На Западе явление влог появилось значительно раньше, чем в России. Но, несмотря на это, сегодня отечественный блоггинг абсолютно ни по каким показателям не уступает зарубежному.

Основной площадкой для развития видеоблогов является видеохостинг youtube.com, большую популярность набирает сегодня социальная сеть Instagram. Первый дает возможность вести блоги, которые длятся достаточное количество времени, второй позволяет размещать небольшие ролики длиной в одну минуту. Часто бывает так, что блоггер становится популярным именно в сети Instagram, а затем начинает работать на площадке youtube.com.

Секрет популярности видеоблога достаточно прост: креативная подача информации, новизна контента, качественный юмор, неординарность автора, специфичность.

Основные виды влогов

Представим основные виды видеоблогов, выделенные по их содержанию:

1. Обучающее видео. Один из самых распространенных видов видеоблогов. Главная задача данного вида влога ответить зрителю на вопрос «как?» (*Как завязать галстук? Как приготовить шарлотку? Как заплести французскую косу?*

ПОПУЛЯРНОСТЬ ВЛОГОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Как починить стиральную машинку? и т.д.). Ярким примером являются так называемые Beauty vlogs (как правильно наносить макияж, как делать прически, как ухаживать за собой и т.п.). Если в поисковую строку youtube.com ввести запрос «бьюти блог», будет получено более 2 млн 800 тыс. ответов (см. рис. 1).

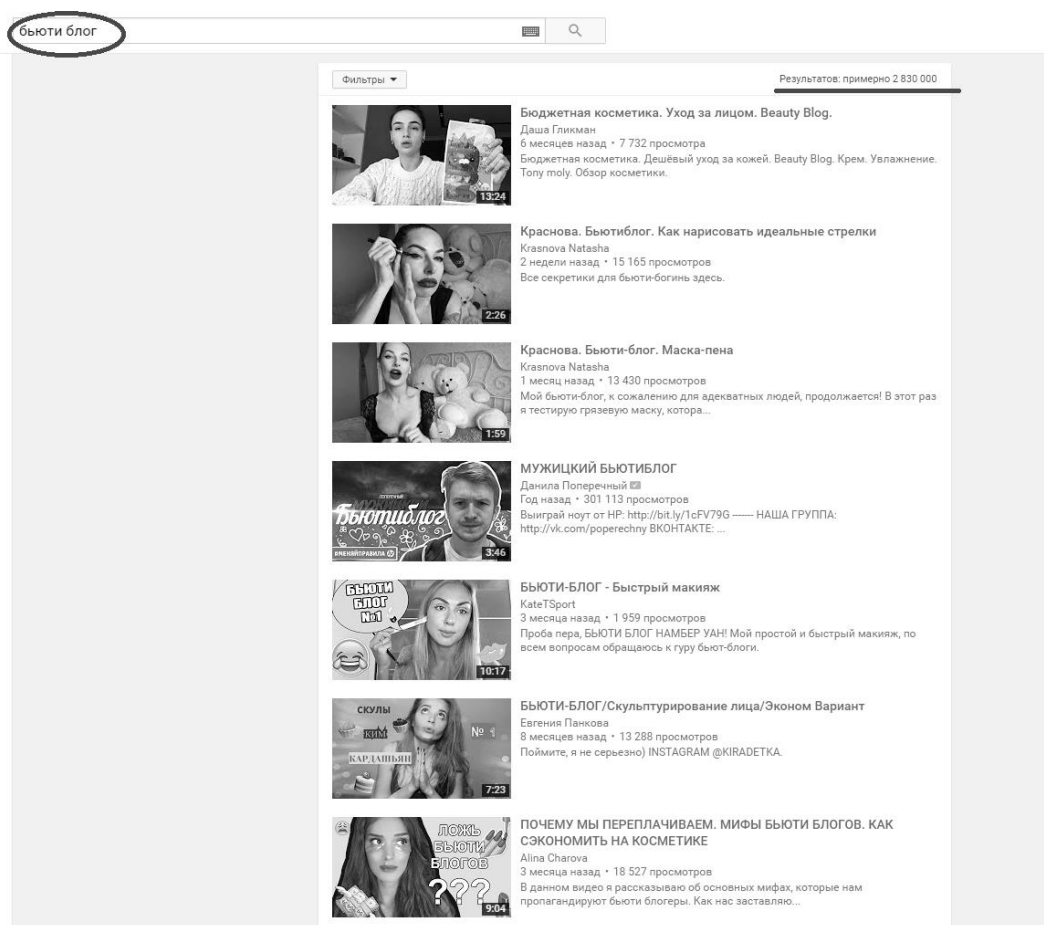

Рис. 1. Поисковой запрос «бьюти блог» на youtube.com.

2. Видеообзор. Еще один, не менее популярный, вид видеоблога. Основная функция обзора – представить тестирование товара (мобильный телефон, автомобиль, краска для волос, бытовая техника и т.д.). Сегодня очень популярны видеообзоры компьютерных игр. Например, влог популярной онлайн-игры World of Tanks (см. рис. 2). Обзор проводит непосредственно сам автор блога. Зачастую целью подобных видео является реклама товара.

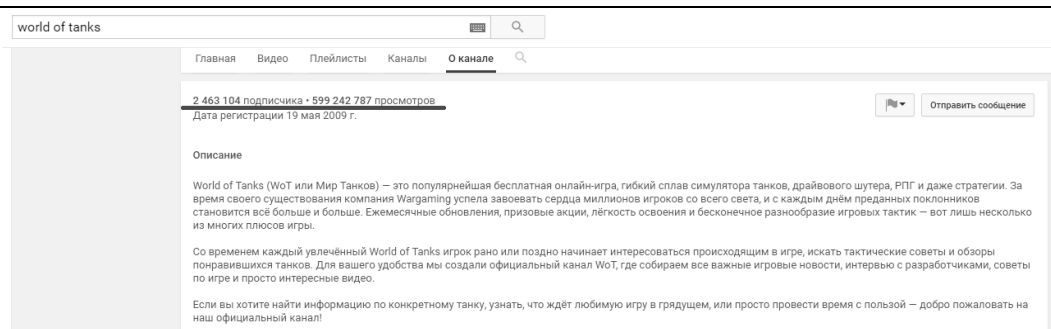

Рисунок 2. Информация об официальном канале онлайн-игры «World of Tanks» на youtube.com.

3. Многосерийные видеоролики. Задача таких роликов - привлечь как можно больше подписчиков. Эффективно воздействуют на зрителя, поскольку все видео объединены общей темой, а в конце каждого присутствует рекомендация к просмотру предыдущего ролика, что гарантирует большее количество просмотров. Примером многосерийных видеороликов является знаменитый в России проект «Павлик», выходящий на канале «Comedoz». Проект стал популярным в достаточно короткие сроки и набирал больше миллиона просмотров за каждую серию (см. рис. 3).

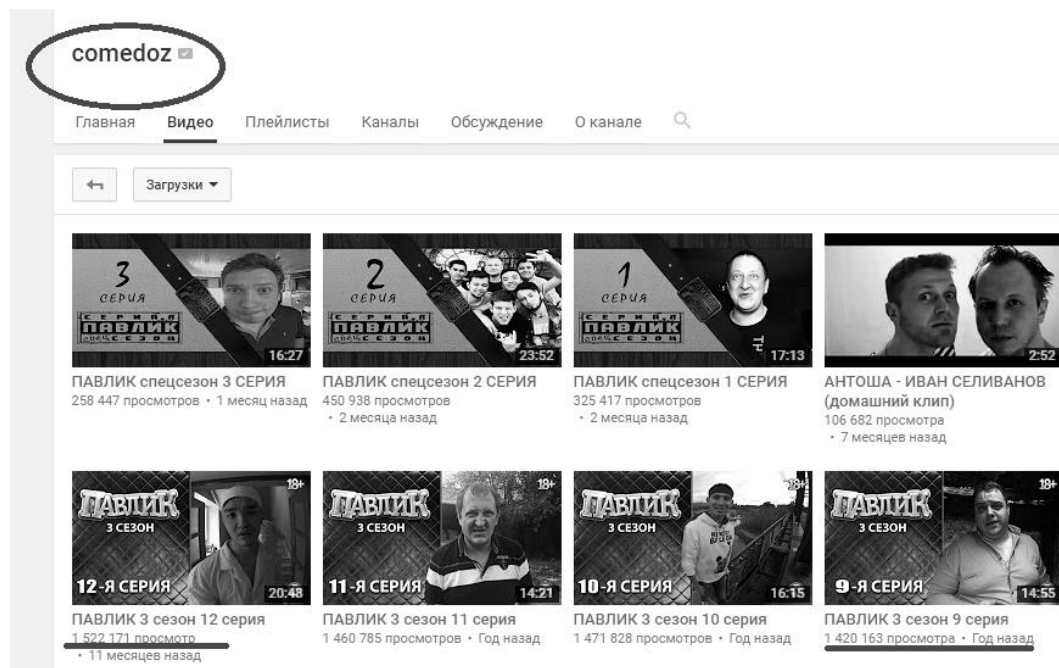

Рис. 3. Страница канала «Comedoz» на youtube.com.

4. Музыкальные видеоблоги. Основываются на обзоре музыкальных клипов и деятельности известных исполнителей, композиторов и т.д. Таким влогам свойственен юмористический характер. В России популярны видео под общим названием «Иностранцы слушают русскую музыку». Суть таких влогов в том, что

иностранцам показывают клипы русских звёзд и те, в свою очередь, высказывают свое отношение к клипам и исполнителям. Таких влогов в сети youtube.com значительное количество. Кроме того, они набирают достаточно большое количество просмотров (см. рис. 4).

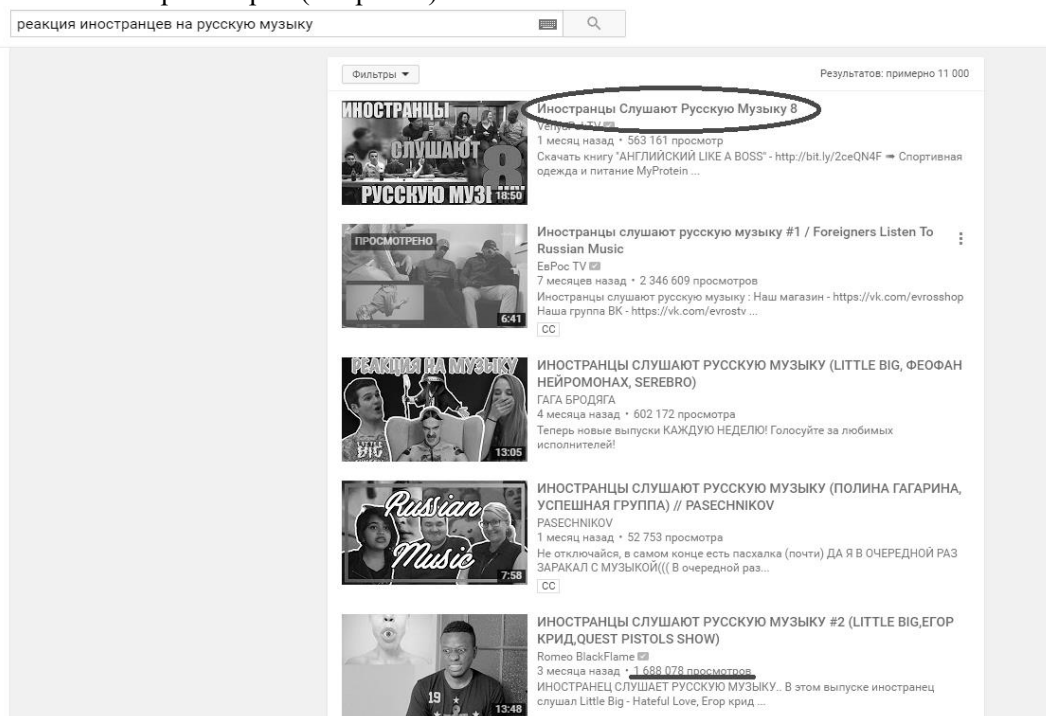

Рис. 4. Результаты по запросу «иностранцы слушают русскую музыку» на youtube.com.

Кроме дифференциации видеоблогов по их содержанию, можно рассматривать их классификации, произведенные на основании следующих факторов: характер ведения блога, тематика, техническая основа видеоблога и т.д.

ВЫВОДЫ

Видеоблоггинг – один из самых эффективных и популярных каналов коммуникаций. Количество блогеров увеличивается. Каждый пользователь сети может записать видеоролик, разместить его в Интернете и стать популярным. Однако получить массовое признание возможно только в том случае, если контент окажется действительно уникальным и актуальным. Благодаря техническому прогрессу, распространению видеоблоггинга расширяется тематика интернет-пространства.

Влоги – один из инструментов маркетинга и PR. Компании, целевой аудиторией которых является молодежь, распространяют рекламу именно через блоггеров. Поэтому, на наш взгляд, данное явление еще будет развиваться и, возможно, в недалеком будущем станет основным источником информации.

Список литературы

1. Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ. Дис. ... д-ра культурологи: 24.00.01 / М.Ю. Гудова. – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 329 с.
2. Смеюха В.В. Возможности развития образовательных процессов: от чтения книг к общению в социальных медиа / В.В. Смеюха // Высшее образование XXI века. Материалы Международной научной конференции. – М.: Московский гуманитарный университет, 2015. – С. 101–106.
3. Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия / В.В. Смеюха // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. Т. 27. – № 18. – С. 38–42.
4. Беспалова А.Г. История мировой журналистики / А.Г. Беспалова, Е.А. Корнилов, А.П. Короченский, Ю.В. Лучинский, А.И. Станько. – М.–Ростов н/Д: ИЦ «Март», 2003. – 432 с.
5. Колезев Д.Е. Журналистика и блоггинг: взаимодействие и взаимовлияние / Д.Е. Колезев // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 71. – С. 31–30.
6. Горшкова Е.И. Блог как вид интернет-коммуникации. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.И. Горшкова. – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб., 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/blog-kak-vid-internet-kommunikatsii>.
7. Кузнецова Д.Д. Принципы работы с видеоблогами с сат-системами при обучении переводу / Д.Д. Кузнецова, А.Б. Тархова // Вестник Международного института рынка. – 2016. – № 1. – С. 165–172.
8. Вахед Э.А.М.А. Современные технологии Интернета в расширении сознания о культуре туризма через сайт youtube / Э.А.М.А. Вахед // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. – 2016. – № 1. – С. 60–62.
9. Шилиманова М.С. Анализ факторов спроса на рынке интернет-видеоблоггинга / М.С. Шилиманова // Экономика и менеджмент систем управления. 2016. Т. 19. № 31. С. 347–352.
10. Белова Л.И. Российские спортивные видеоблоги и их типология / Л.И. Белова, Д.Г. Пеньковских // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – Т. 11. – С. 981-985.

VLOGS POPULARITY IN THE INFORMATION RUSSIAN SPACE

Sipko E.

Video blogging phenomenon - one of the most popular trends and the Internet. Most of the internet users has positioned itself as bloggers. In an effort to increase the popularity of the Internet and increase the recognition of (the number of subscribers, number of views), bloggers created a powerful platform for the development of an entirely new product, and perhaps cultural element. The article deals with the chronology of the development of video blogging, the main types of events allocated on substantive grounds (training video, videobzor, serials videos, music video blogs), identifies the reasons for the popularity of videobloggerov and channels showing the main site for the activities of bloggers, are possible options for the development of video blogging as an element of culture. Subject popularity vlogs - has not been studied to date. It was the novelty of the phenomenon and determine the root cause of the choice of the topic.

Keywords: blog, vlogs, video blog, video blogging, internet, blogger, info, information space, social networks, video hosting, youtube, instagram.

**ТЕМАТИКА МАТЕРИАЛОВ «ТАВРИЧЕСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ
ВЕДОМОСТЕЙ» И «ТАВРИЧЕСКОГО ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО
ВЕСТНИКА», ПОСВЯЩЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ
СОБЫТИЯМ В РОССИИ В 1905-1907 И 1917 ГОДАХ**

Сметанина М. О.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
e-mail: Mariya-journ@mail.ru*

Статья посвящена отражению общественно-политических событий в России в 1905-07 и 1917 г.г. на страницах «Таврических епархиальных ведомостей» и «Таврического церковно-общественного вестника». Революционные события 1905 года в России существенно повлияли на тематику издания: наряду с публикациями на религиозные темы в нем появляются общественно-политические материалы. Необходимость реагировать на события в стране привела к тому, что в 1906 году неофициальная часть «Таврических епархиальных ведомостей» была преобразована в «Таврический церковно-общественный вестник». Представляется интересным проследить и то, как были отражены события 1917 года на страницах издания, особенно в преддверии 100-летия Февральской и Октябрьской революций. В статье обозначена тематика публикаций за указанный период.

Ключевые слова: «Таврические епархиальные ведомости», «Таврический церковно-общественный вестник», Россия, Крым, Русская революция 1905 года, Манифест от 17 октября, Февральский переворот, Октябрьская революция.

ВВЕДЕНИЕ

«Таврические епархиальные ведомости» начали выходить в Крыму в 1869 году и, как и другие издания подобного типа, содержали две части – официальную и неофициальную, последняя носила публицистический характер (проповеди, поучения, материалы, посвященные миссионерским темам и другим актуальным церковным вопросам, краеведческие публикации). В меньшей степени публикации издания были посвящены общественным темам.

Революционные события 1905 года в России существенно повлияли на тематику издания, в нем появляются общественно-политические материалы. И в 1906 году неофициальная часть была преобразована в «Таврический церковно-общественный вестник», а «Таврические епархиальные ведомости» стали включать только официальную информацию (распоряжения, документы, отчёты, протоколы съездов духовенства и другое).

Представляется интересным проследить и то, как были отражены события 1917 года на страницах издания и как они повлияли на его развитие, особенно в преддверии 100-летия Февральской и Октябрьской революций.

Цель научной статьи — определить тематику публикаций «Таврических епархиальных ведомостей» и «Таврического церковно-общественного вестника» на фоне общественно-политических событий в России в 1905-1907 и 1917 гг. — обусловила задачи исследования: провести мониторинг публикаций за отмеченный период; рассмотреть материалы, посвященные общественно-политическим темам; сравнить отражение революционных событий на страницах издания в 1905-07 и 1917 гг.

Материалы исследования — публикации «Таврических епархиальных ведомостей» за 1905 год и «Таврического церковно-общественного вестника» за 1906-1907 и 1917 годы. Метод исследования — мониторинг архивных данных.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Основными материалами изданий в эти годы остаются публикации на религиозные темы, тематический спектр их широк: проповеди, поучения, материалы миссионерского характера, отчёты, события епархиальной жизни, исторические очерки и другие. Нашли своё отражение на страницах издания и общественно-политические события в России, именно данные публикации будут рассмотрены в статье.

В начале 1905 года в «Таврических епархиальных ведомостях», кроме материалов на религиозные темы, выходят публикации, посвященные русско-японской войне (1904-1905): ход военных действий, сбор пожертвований на нужды войны и помощь раненым, культура японцев и другие. Например: «Подвиги священно-служителей на войне», «Пожертвования на Таврический Лазарет» (ТЕВ, № 2, 1905.), «Молитвы о победе» — исторический очерк о возникновении таких молитв (ТЕВ, № 3, 1905), «Попечение Таврической епархии о призрении и образовании детей офицеров и нижних чинов, умерших от ран и болезней в войну с Японией» (ТЕВ, № 5, 1905), «Религиозные воззрения японцев» (ТЕВ, № 6, 1905), где речь идёт в том числе о Православной миссии в Японии, и о миссионере Преосвященном Николае, который не смотря на возможность эвакуации в Россию во время войны, пожелал остаться со своей паствой [12] и другие материалы. Вплоть до конца военных действий данная тема появлялась на страницах издания, в основном это были публикации о пожертвованиях на нужды войны. А в № 20 от 15 октября 1910 года была опубликована «Речь, сказанная в Симферопольском кафедральном соборе по прочтении Высочайшего манифеста о мире с Японией» Епископа Таврического Алексия [1].

Революционные события, начавшиеся в Санкт-Петербурге в январе 1905 года, были отражены в материалах рубрики «Известия и заметки»: «Гнусный обман рабочих» и «Запрещение священно-служительской деятельности священнику Гапону» (ТЕВ, № 3, 1905). В первой публикации, в частности, со ссылкой на информацию из Парижа речь идёт о том, что беспорядки в России организованы англо-японскими провокаторами с целью ослабить Империю на фоне русско-японской войны: «Объясните русскому народу истину. Всякая симпатия беспорядкам *(здесь и далее сохранена орфография оригинала — примеч. автора)* есть преступление, измена» [7, с. 194].

В последующих номерах помещены публикации, посвященные политической ситуации в стране и осуждающие революционные настроения: «Чего они хотят и что надо делать» (ТЕВ, № 5, 1905, перепечатано из «Московских ведомостей»), «Обращение к учащимся и всем вообще верным сынам св. Руси, по поводу последних горестных политических событий» (ТЕВ, № 7, 1905, перепечатано из «Волынских епархиальных ведомостей»), публикация священника Н. Гроссу «Об отношении духовенства к современным общественным движениям» (ТЕВ, № 13 перепечатано из «Киевских епархиальных ведомостей») и другие.

Несколько материалов посвящены памяти великого князя Сергея Александровича Романова, погибшего от бомбы революционера: «Поучение в день отпевания Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича» священника Николая Бортовского (ТЕВ, № 4, 1905), Заупокойные Богослужения по Его Императорском Высочестве Великом Князе Сергие Александровиче (ТЕВ, № 4, 1905).

Уделено внимание учреждению Государственной Думы: «Речь, сказанная в Симферопольском кафедральном соборе по прочтении Высочайшего Манифеста об учреждении Государственной Думы», «Высочайший Манифест 6-го августа» (ТЕВ, № 17, 1905).

Отдельное внимание было посвящено Высочайшему Манифесту от 17 октября, который непосредственно затронул церковную жизнь и вызвал необходимость разъяснения его положений для священнослужителей и верующих: так, Епископ Таврический Алексей в своей Речи, посвящённой принятию Манифеста 17 октября отметил, что, принимая новый закон, важно помнить, что главная свобода — это свобода от греха, без которой другие свободы становятся произволом [2], а священник Николай Бортовский пояснил, какие новые задачи перед пастырями ставит провозглашение религиозной веротерпимости [5].

Принятие Манифеста и реакция на него в обществе непосредственно отразились на жизни Таврической губернии. Заслуживают внимания публикации за октябрь-ноябрь 1905 года, посвященные событиям в Крыму: в материале «Страшные дни в Симферополе (из воспоминаний очевидца)» Балабуха Н.Н. описывает, как город был отрезан от внешнего мира в течение 2 недель, после 9 октября не ходили поезда, с 10 числа горожане жили без писем, газет и телеграфного сообщения, начались всеобщие забастовки, на фоне которых выросли цены на продукты, 18 октября в Симферополе прошли 2 манифестации, которые закончились стычками и переросли в погромы (домов и магазинов евреев) [3]. Трагические события этого дня отражены в материале «Погром в Симферополе 18 октября» (ТЕВ, № 22, 1905), а также многочисленных докладах на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Епископа Таврического Алексея и других материалах, где речь идёт о погромах не только в Симферополе, но и Севастополе, Феодосии [4; 9].

В качестве оценки случившихся в России событий, приведен материал, перепечатанный из газеты «Новое время»: «Английские газеты поздравили нас с хартией свободной России. Эта хартия наделала у нас больших бед и чуть не вызвала междоусобную войну. Точно это не свобода, а мировая язва пронеслась по стране, оставляя за собой трупы и похоронные процессии. Мы взяли ее, как дикари, которым дали редкий невиданный прибор, и которые разломав его, стали кричать, что их обманули» [11, с. 1601].

Тот резонанс, который вызвали политические события в стране, необходимость давать им оценку, в том числе нравственную, и назревшие неразрешенные вопросы церковно-общественной жизни привели к тому, что Епископ Таврический Алексей признал необходимым обновление епархиального печатного органа. И в № 24 от 15 декабря 1906 года сообщалось, что «Таврические епархиальные ведомости» будут выходить на новых началах: неофициальная часть

издания будет преобразована в «Таврический церковно-общественный вестник», а официальная останется под прежним названием. Оба издания будут выходить в одной брошюровке 3 раза в месяц (ранее выход осуществлялся 2 раза в месяц). Программа и отделы преобразованного издания: богословский и религиозно-нравственный, по вопросам церковной и общественной жизни, отчеты о деятельности приходских братств, церковно-приходских попечительств и других учреждений, корреспонденции, хроника, известия и заметки [13].

«Таврический церковно-общественный вестник» начал выходить с января 1906 года. До 1908 года включительно на страницах издания наряду с публикациями о религиозной жизни размещались материалы, посвященные революционным и общественно-политическим событиям в России и Крыму: о смуте, выборах в Государственную Думу, начавшихся гонениях на веру, последствиях революционных настроений, духовном осмыслении происходящего в стране. Например: «Открытие Государственной Думы» (ТЦОВ, № 14, 1906), «Известия и заметки. О политических убийствах» (ТЦОВ, № 16, 1906), «Кто виноват?» старца Зосимы (ТЦОВ, № 17, 1906), «Кому и для чего нужна революция в России» Степана Куликова (ТЦОВ, № 20, 1906, перепечатано из «Царскосельской газеты»), «Епархиальная хроника. Нападение на священников» (ТЦОВ, № 26, 1906), «Русские люди пред выборами в новую Государственную думу» из речи Алексия, Епископа Таврического, сказанной на молебне в Симферопольском кафедральном соборе (ТЦОВ, № 4, 1907), «Духовенство и его обвинители» Алексия, Епископа Таврического (ТЦОВ, № 5, 1907).

В первом номере 1908 года опубликовано стихотворение «Новогодняя дума» священника А. Веселицкого (предположительно – Вятской епархии), в произведении автор осмысливает события двух последних лет и призывает к покаянию, текст интересен не только в контексте истории прошлого, но и в контексте современности:

«...Боже мой! Что творилось у нас в этот год,
Чем все время у нас занимались:
Добивались все новых и новых «свобод»,
Мы огулом над прошлым ругались.

Мрачный шел карнавал и ума и души,
Раздавались безумные речи:
«Не щади ничего, всё ломай и круши, -
Пусть расправятся рабские плечи»!..

И кровавые шли за словами дела,
Мятежи, возмущенья, разгромы,
По родимой земле кровь родная текла,
Ум теряли мы, смутой влекомы...» [6]

Перейдем к событиям 1917 года. Как и в 1905, революционным событиям предшествуют военные действия и часть материалов «Таврического церковно-общественного вестника» посвящена им: в издании размещают публикации о Первой мировой войне, призывы к пожертвованиям на нужды фронта и помощь

раненым, отчеты о поступивших средствах: «Таврическое духовенство и война», «В Таврическом Епархиальном Лазарете» протоиерея С. Добромыслова, «Жертвы школьников на нужды войны» («ТЦОВ», № 1, 1917), «“Прелести” вражеского плена» («ТЦОВ», № 2-3, 1917), «От Таврического Епархиального Комитета для оказания помощи больным и раненым воинам» («ТЦОВ», № 4, 1917), «Святая Русь несет крест свой» священника Андрея Коренева («ТЦОВ», № 5-6) и другие.

Отдельным приложением к изданию вышел Манифест о Восшествии на Престол Великого Князя Михаила Александровича и Манифест об отречении Великого Князя Михаила Александровича от Престола.

В марте появляется реакция на государственный переворот: подобные материалы призывают принять сложившуюся ситуацию, сплотиться в сложное для страны время, помогать фронту и не устраивать беспорядки, а также выражают поддержку Временного правительства и надежду на улучшение ситуации в стране: «Нынешняя кровопролитная великая отечественная война ясно, до очевидности для всех, обнаружила, что страна наша и Русский народ стоят на краю пропасти, жадно раскрывшей пасть свою для поглощения нашего Отечества. Создалась эта ужасная бездна и верховная власть вернулась к Русскому народу, великому и пространством земли, и своей численностью, и духом, — устраивать на новых началах свою государственную жизнь. Совершилась воля Божия о новых судьбах Отечества нашего. Кто противостанет воле Его? (Римл. 9, 19)» [8, с. 176].

В публикациях, осмысливающих произошедшие события, делается акцент на необходимости забыть распри и поддерживать единство, спокойно выражая свою позицию: «Будем отныне честно, открыто, правдиво исповедовать наши убеждения, но вместе с тем будем высказывать их без ненависти, без злобы, без нетерпимости. Заставим себя терпеливо выслушивать самые крайние мнения, веря, что таким путем достигнем и сами истинного человеколюбия и других приведем к нему» [15, с. 235].

В период революционных настроений 1905-08 г.г. материалы издания были направлены на защиту существовавшей власти и поддержку монархии, в публикациях 1917 года наблюдается иное настроение: действиям Императора Николая II не дают оценок, но состав бывшего правительства и советники Царя подвергаются критике как приведшие государство к разрухе: «Окруженный сонмом дурных советников, скрывавших от него (*Императора — примеч. автора*), а то и совершенно извращавших правду, заставлявших принимать решения, не соответствующие действительным нуждам народа и страны, и игнорировать советы и решения народных избранников, неограниченный монарх даже при благих намерениях не мог осуществить задачу служения истинным интересам родины. Он был орудием в чужих и не всегда добросовестных руках» [14, с. 235].

Если весной материалы издания выражали поддержку Временного правительства и надежду на перемены к лучшему, то уже осенью в «Таврическом церковно-общественном вестнике» выходит публикация, отражающая разочарованность результатами переворота: «Прошло уже 8 месяцев со времени революционного переворота, который должен был знаменовать собой новую великую эру в нашей жизни, принести желанные блага свободы. Но, увы, до сих пор нет ни того, ни другого. Великий переворот оказался бесконечно малым в смысле

влияния на психологию духа народных масс. Стадо по прежнему осталось стадом, также без пастыря добраго, без Бога в душе и любви в сердце. Сменились идолы, но осталось идолопоклонство. И относительно большинства свободных рабов и их слепых вождей можно только сказать: «Прости им, Господи, ибо они не ведают, что творят». Да и творят ли они вообще? Можно ли считать разрушение творчеством? Все кричат: «мир, мир», а в действительности война, при том не только на фронте, но и внутри страны и в душах многих «миротворцев»...» [10, с. 225-226]

В 1917 году «Таврический церковно-общественный вестник» выходит нерегулярно: Губернская типография отказывается печатать издание, а другие не берутся из-за нехватки рабочих рук, позже типография губернии все же соглашается на печать, но с ограниченным объемом листов. Издатели вынуждены временно печатать только официальную часть — «Таврические епархиальные ведомости», в которых иногда размещают и материалы публицистического характера. Возможно, именно трудности с печатью объясняют более сдержанную реакцию на события в стране и меньшее, по сравнению с 1905 годом, количество публикаций на общественно-политические темы: из-за ограниченных объемов полос и редкого выхода издание не могло всесторонне осветить происходящие в России события и дать им расширенную оценку.

Последний номер «Таврического церковно-общественного вестника» выходит осенью 1917 года и не успеваает отразить события Октябрьской Революции. В 1918 издавались только «Таврические епархиальные ведомости», которые стали включать не только официальные материалы: появлялись сообщения о первых арестах и расстрелах священнослужителей, о начавшихся гонениях на Церковь, смене власти в губернии и политических столкновениях. Это был последний год выхода издания в свет.

ВЫВОДЫ

Наряду с религиозными, «Таврические епархиальные ведомости», а позднее — «Таврический церковно-общественный вестник», затрагивают и общественно-политические вопросы. Так, темами публикаций 1905-07 г.г. стали: русско-японская война, революция в стране, учреждение Государственной Думы, принятие Высочайшего Манифеста от 17 октября, революционные события в Крыму, оценка происходящих в России событий. В 1917 году одной из тем общественно-политических материалов была Первая мировая война. Февральский переворот на страницах издания получил более сдержанную реакцию, чем революция 1905-07 г.г.: основная задача первых публикаций на эту тему — призвать народ к единению и не допустить распри и смуту. После появляются материалы, выражающие разочарование результатами переворота. Однако из-за проблем с типографией в этом году выходит ограниченное количество номеров, что предположительно помешало изданию всесторонне осветить данную тему.

Список сокращений

ТЕВ — Таврические епархиальные ведомости
ТЦОВ — Таврический епархиальный вестник

Список литературы

1. Алексей, Епископ Таврический. Речь, сказанная в Симферопольском кафедральном соборе по прочтении Высочайшего манифеста о мире с Японией / Алексей, Епископ Таврический // Таврические епархиальные ведомости, №20. Симферополь, 1905. — С. 1410-1416.
2. Алексей, Епископ Таврический. Речь, сказанная в Симферопольском соборе по прочтении Высочайшего Манифеста 17 октября / Алексей, Епископ Таврический // Таврические епархиальные ведомости, № 21. Симферополь, 1905. — С. 1478.
3. Балабуха Н.Н. Страшные дни в Симферополе (из воспоминаний очевидца) / Н.Н. Балабуха // Таврические епархиальные ведомости, № 22. Симферополь, 1905. — С. 1563-1577.
4. Беспорядки в Севастополе (Из донесений, поступивших на имя Его Преосвященства) // Таврические епархиальные ведомости, № 23. Симферополь, 1905. — С. 1675-1679.
5. Бортовский Николай. Вероисповедная свобода в России и предстоящая православным пастырям деятельность / Священник Николай Бортовский // Таврические епархиальные ведомости, № 21. Симферополь, 1905. — С. 1487-1497.
6. Веселицкий А. Новогодняя дума / Священник А. Веселицкий // Таврический церковно-общественный вестник, № 1. Симферополь, 1908. — С. 1-3.
7. Гнусный обман рабочих // Таврические епархиальные ведомости, № 3. Симферополь, 1905. — С. 194-196.
8. Дмитрий, Архиепископ Таврический и Симферопольский. Все для спасения Отечества. Послание пастве Таврической / Дмитрий, Архиепископ Таврический и Симферопольский // Таврический церковно-общественный вестник, № 8-9. Симферополь, 1917. — С. 175-182.
9. Из доклада Его Преосвященству, Преосвященнейшему Алексию, Епископу Таврическому и Симферопольскому, благочинного церкви Феодосийского округа, протоиерея Николая Владимирского (О погроме в Феодосии) // Таврические епархиальные ведомости, № 22. Симферополь, 1905. — С. 1596-1601.
10. Набатов А. Духа не угашайте / Аполлон Набатов // Таврический церковно-общественный вестник, № 30-32. Симферополь, 1905. — С. 224-230.
11. Первые политическая бури // Таврические епархиальные ведомости, № 22. Симферополь, 1905. — С. 1601-1609.
12. Религиозные воззрения японцев / М.Ш. // Таврические епархиальные ведомости, № 6. Симферополь, 1905. — С. 410-422.
13. Таврический церковно-общественный вестник // Таврические епархиальные ведомости, № 24. Симферополь, 1905. — С. 1803-1804.
14. Формы правления // Таврический церковно-общественный вестник, № 11-12. Симферополь, 1917. — С. 255-266
15. Углицких А.Н. Думы христианина / А.Н. Углицких // Таврический церковно-общественный вестник, № 10. Симферополь, 1917. — С. 233-236

Smetanina M. O.

The article is devoted to reflection on Russian socio-political events in 1905-07 and 1917 in the pages of «The Taurida eparchial sheets» and «The Tauride church-public messenger». The revolutionary events of the year 1905 in Russia significantly influenced the edition theme: along with publications on religious themes appear socio-political materials. The need to respond to events in the country led to the fact that in 1906 the informal part of the «The Taurida eparchial sheets» was transformed into «The Tauride church-public messenger». It is interesting to trace how the events of 1917 reflected in the pages of the publication and how they have influenced its development, especially on the eve of the 100th anniversary of the February and October revolutions. The purpose of the scientific article - determine themes of publications in the «The Taurida eparchial sheets» and «The Tauride church-public messenger» against the backdrop of social and political events in Russia in 1905-1907 and in 1917. The article is designated themes of publications of this period.

Keywords: «The Taurida eparchial sheets», «The Tauride church-public messenger», Russia, the Crimea, Russian revolution of 1905, the Manifesto of October 17, February revolution, the October Revolution.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.01/09

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИИ

Зябрева Г. А., Капустина С. В.,

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь*

e-mail: kaf_rizl@mail.ru; Kapustina_S_V@mail.ru

В статье обобщаются теоретико-методические подходы к текстуальному (событийному, сюжетно-образному, композиционному) изучению романа «Преступление и наказание» иностранными студентами: систематизируется опыт специалистов РКИ при анализе данного произведения Ф. М. Достоевского; выстраивается целостный алгоритм этого анализа на разных этапах формирования филологической компетенции; предлагаются наиболее продуктивные принципы и способы постижения сложной художественной реальности, воплощенной автором.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», русский язык как иностранный (РКИ), художественный текст, индивидуально-авторский концепт.

ВВЕДЕНИЕ

В 2016 году исполнилось 150 лет с момента первой публикации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». За это время текст произведения был неоднократно переведен не только на основные языки Европы, Азии, стран Ближнего, Среднего, Дальнего Востока, но даже и на искусственно созданный язык эсперанто. Осмысление ключевых идей романа, его образно-поэтической структуры в целом, по мнению современных зарубежных исследователей, приближает к познанию «феномена Достоевского» как уникального аналитика «загадочной славянской души» и судьбы России. Именно поэтому иностранный студент проявляет особую заинтересованность при изучении наследия классика, стремление столь свободно овладеть русским языком, чтобы ознакомиться с главной книгой автора в оригинале.

Основной **целью** данной статьи является обобщение «наработок» предшественников в области монографического осмысления романа «Преступление и наказание» иностранными учащимися, а также составление методических рекомендаций, адекватных современным научным трактовкам первого «звена» Великого Пятикнижия.

Реализации поставленной цели способствует решение следующих **задач**:

- 1) систематизировать опыт специалистов РКИ при первичном прочтении романа;
- 2) выстроить целостный алгоритм его углубленного разбора на разных этапах обучения;
- 3) смоделировать наиболее эффективные подходы к постижению содержания и художественного мира произведения;

4) охарактеризовать на основе выработанных у студента умений и навыков идейно-философскую концепцию и поэтику книги.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Студентов, владеющих русским языком на базовом и первом сертификационном уровнях, целесообразно познакомить с адаптированным текстом «Преступления и наказания», обратив внимание на ключевые сюжетно-фабульные узлы повествования, чтобы дать самое общее представление о содержании романа, судьбах его героев. На данном этапе обучения весьма действенным оказывается использование разного рода мультимедийных средств: презентаций PowerPoint, представляющих историю замысла писателя; видеофайлов с отрывками из соответствующих фильмов; живописных слайдов (иллюстраций) с городскими пейзажами, интерьерами жилищ, портретами главных действующих лиц.

Немаловажную помощь на данном этапе освоения первоисточника может оказать комплексное учебное пособие З. Н. Потапурченко и Ю. Ю. Ушаковой «Федор Достоевский». Здесь представлена система последовательного изучения иностранцами жизни и творчества великого писателя. Она включает в себя:

- *во-первых*, просмотр учебного фильма, освещающего основные вехи биографии Ф. М. Достоевского;
- *во-вторых*, прочтение графически оформленного закадрового текста и выполнение после этого ряда заданий, связанных с ответами на устные вопросы и письменные тесты, составленные авторами, а также с пересказом основных фрагментов данного текста;
- *в-третьих*, разбор сокращенного варианта «Преступления и наказания», адаптированного под языковую культуру учащихся обозначенного уровня.

В результате у них развиваются навыки аудирования, чтения и говорения, что представляется необходимым не только для совершенствования полученных знаний, но и для дальнейшего обогащения последних.

Вместе с тем подчеркнем, что непосредственный процесс приспособления сложной художественной реальности к пониманию начинающих студентов предполагает как «упрощение» лексико-грамматической и событийно-фабульной «канвы» повествования, так и акцентуацию тех его смысловых «скреп», соединение которых не должно искажать концептуального ядра произведения. Решить проблему выбора конкретных эпизодов для анализа крайне сложно, ведь в искусстве Ф. М. Достоевского важна совокупность и последовательность всех имеющихся деталей и подробностей. Любая произвольная трансформация текста великого мастера чревата искажением авторского замысла, чего, к сожалению, не удалось избежать и создателям упомянутого выше пособия. Так, признание Родиона Раскольникову Сонечке Мармеладовой в совершенном преступлении они подают излишне прямолинейно: «Он отправился на квартиру к Соне, чтобы рассказать ей, кто убил старуху и Лизавету» [10, с. 61]. В оригинальном же тексте главный герой до последнего момента сомневается: «В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом: "Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?"» [2, с. 312] – и именно это неразрешимое сомнение является одним из проявлений того

нравственного чувства, которое терзает душу убийцы, определяет муку его самоказни.

Здесь уместно напомнить, что «истинным наказанием в романе» известный достоевед О. Ю. Юрьева считает «страшную картину разрушения мира, увиденную Раскольниковым в его болезненном сне-грезе» [12, с. 151]. Эту же идею, но иной гранью, «поворачивает» один из самых тонких исследователей «Преступления и наказания» Б. Н. Тихомиров. Он пишет: «В снах Раскольникова открывается *целесообразность, жизненная необходимость, спасительность* для человечества разрушенных и отвергнутых им религиозно-нравственных абсолютов» [11, с. 36]. Тем не менее, при «переложении» эпилога З. Н. Потапурченко и Ю. Ю. Ушаковой сон Раскольникова о микроскопических трихинах неоправданно изымается. Причиной этого, по всей вероятности, являются сложности восприятия языковой «стихии» финальных сцен для студентов, слабо владеющих русским языком.

Действительно, оригинальный текст послесловия насыщен особым рода лексикой: *Великий Пост, Святая Неделя; говеть, бесноватый; бить в набат; горячешный, быть в жару, поветрие (моровая язва), болезный* и др. Однако, думается, эта сложность преодолима за счет синонимизации указанных слов и выражений, а также пояснений лингвострановедческого, культурно-исторического характера. К слову сказать, всё это в дальнейшем позитивно скажется на обогащении эрудиции учащихся-иностранцев.

Показательно, что к четвертому сну Раскольникова специалисты по РКИ обращались неоднократно. Продуктивным видится опыт В. В. Волкова и И. В. Гладилиной, предлагающих полный вариант этого сна для анализа иностранным студентам магистратуры, обучающимся по направлению «Филология». Поясняя необходимость их знакомства с пророческим видением главного героя, авторы дают следующий – весьма убедительный – комментарий: «профетизм, нередко болезненный, как бы апокалипсический – вообще характерная черта русской литературы. <...> В этом смысле сон Раскольникова, виденный "в жару и бреде", предсказывает *болезнь* всей страны, которая пандемически охватила все ее географическое, социальное, мировоззренческое пространство. Так медицинский и психологический концепт "Болезнь" обретает масштабы поистине космические» [1, с. 136–137].

Если продолжить раздумья этих исследователей, то неизбежно рождается вывод, что в последнем сне Раскольникова эксплицируется не только указанный «мыслеобраз», но и другие значимые «единицы» индивидуально-авторской концептосферы, составляющие концепт-оппозицию: «бесовщина», «беспорядок», «безобразия» / «живая жизнь», «богатырство», «благообразие» и т. д., которая позволяет ощутить и особенности русской ментальности, и духовные идеалы ее выразителя – Ф. М. Достоевского.

Учащимся, достигшим в освоении русского языка второго сертификационного уровня, рекомендуются к прочтению точные, хотя и лаконичные фрагменты авторского текста, усвоить содержание которых помогает выполнение заданий, предваряющих и завершающих знакомство с этими фрагментами. На данном этапе должна быть проведена скрупулезная лексическая работа, принципы которой прошли удачную апробацию в методической практике Н. А. Лобановой и И. П. Слесаревой. Обе они совершенно оправданно

концентрируют внимание обучающихся на определении семантики историзмов (*заклад*; *процентщица*; *коллежская секретарша* и т. п.), просторечных слов и выражений (*чахоточный*; *без зазору совести* и т. п.); характеризуют основные словообразовательные модели, применяемые писателем, и их смысловую нагрузку в контексте происходящего (*старуха-старушка-старушонка*; *бледный-бледноватый-бледенький* и т. п.) [8, с. 224–231].

Для иностранных читателей, свободно оперирующих знанием русского языка (третий и четвертый сертификационные уровни) открывается возможность углубленного анализа «Преступления и наказания». Специалисты в области РКИ сходятся во мнении, что в данном случае крайне важно совершенствование лингвокультурной компетенции обучающихся, в связи с чем следует активизировать лингвоконцептологический подход к художественному материалу. В этом плане показательна точка зрения Е. Р. Переслегиной, высказавшей общее убеждение в том, что «презентация ключевых национально маркированных концептов <...> языка в иностранной аудитории является эффективным средством оптимизации учебного процесса» в целом [9, с. 342]. К сказанному, однако, следует добавить, что серьезное освоение текста любого классического произведения позволяет реконструировать также единицы индивидуально-авторской концептосферы, отражающей мировоззренческие и поэтологические предпочтения того или иного писателя, определить его персональный вклад в создание картины мира, свойственной отечественной словесности.

Обоснованию функциональной значимости системного изучения индивидуально-авторских концептов посвящен ряд наших публикаций, где на основе разработанных теоретических положений предложена модель рассмотрения концепта как «базисной категории мировоззрения писателя, запечатленной в художественной ткани его произведения (ряда произведений)» [3, с. 3–12], [5, с. 3–33]. Эта модель нашла успешное применение при анализе творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, в том числе, романа «Преступление и наказание».

Увязывая краткий экскурс в историю с целенаправленным поиском ключевых «мыслеобразов» в структуре данного текста, мы напоминаем учащимся, что время создания романа справедливо называлось «беспорядочной эпохой». Ведь на заре 1860-х годов завершились реформы Александра II, наступил «переходный период», настораживающий Ф. М. Достоевского своей необратимостью, разрывом с прошлым, нечеткостью отдаленных перспектив. Именно поэтому в «Преступлении и наказании» писатель масштабно реализует концепт «беспорядок», показывая окружающий мир сдвинутым в самых своих основах, отравленным заботой о «золотом тельце». Культ денег заменил здесь все, благородство происхождения, сословные привилегии, воспитание, образование, честь, талант. Поэтому в текущей действительности процветают и благоденствуют дельцы и мошенники, ростовщики и домовладельцы, лужины и свидригайловы, алены ивановны и амалии людвиговны. Зато совершенно невыносимо живется чиновному и рабочему люду, обедневшим дворянам, студентам и гувернанткам, Мармеладовым и Капернаумовым, Раскольниковым и Разумихиным. Каждый из них стоит перед дилеммой: согласиться с бездушной и безумной реальностью (ростом неравенства, безработицей, распадом семьи, пьянством, преступностью, проституцией) и

попытаться приспособиться к ней или, напротив, отвергнуть больной, разлагающийся мир и вступить в самозабвенную борьбу с ним.

В наитеснейшей связи с концептом «беспорядок» находится у Ф. М. Достоевского концепт «двойственность» / «двойничество». Мы объясняем, что раздвоение человека писатель считал не фатальным, но глубоко укорененным его качеством, а истоки этого феномена видел в поврежденности людей первородным грехом. Возможность же преодоления глубокого внутреннего разлада связывал с наличием в душе каждого веры в высшее начало бытия, с наличием совести и любви как закономерных порождений религиозного сознания.

В ходе анализа подводим студентов к мысли о том, что Родион Раскольников лишен внутренней цельности, поскольку далек от нравственного кодекса многих поколений и руководствуется в своих поступках в первую очередь соображениями «казуистики», а не импульсами нерассуждающего добра, непосредственной привязанности к ближнему. Тем не менее именно стихийное сопереживание обездоленным толкает его к неприятию действительности, к поискам путей ее изменения. Правда, разведывая эти пути, герой одновременно проявляет и презрение к окружающим, которых готов едва ли не силой загонять в будущий рай на крови, на спланированном неравенстве «наполеонов» и «твари дрожащей». Данные «мыслеобразы» в качестве субконцептных по отношению к понятию «беспорядок» также получают всестороннее объяснение.

Чрезвычайно оживляет изучение романа введение в анализ полемического контекста. Иностранному студент узнает, что современные исследователи до сих пор спорят о мотивах убийства студентом-юристом отвратительной, но в целом довольно жалкой старухи-процентщицы. Одни [7] объясняют случившееся его альтруизмом, стремлением освободить мир от зла, олицетворенного в образе Алены Ивановны. Другие [6] трактуют происшедшее как эксперимент индивидуалиста, предпринятый для проверки способности «переступить через кровь», а значит, и возвыситься над «людским муравейником». Мы доказываем, что концепция двойственности образа Раскольникова позволяет совместить обе точки зрения и увидеть трагическую «рассогласованность» его ума и чувств, рации и эмоций.

По мысли Ф. М. Достоевского, подобная «рассогласованность» чрезвычайно опасна как для мира внутреннего, так и для мира внешнего. Человеку она грозит психическими срывами, духовной гибелью, а жизни в целом – укреплением социального и морального беззакония, перспективой Апокалипсиса. Действительно, отвергая несовершенство сущего, «разлаженная», деструктивная личность и ведет себя разрушительно. Заветам «не убий», «не укради», «не пожелай...» она противопоставляет принципы «убей», «укради», «все позволено». Терпению, смирению и кротости предпочитает практику агрессии, волюнтаризма, насилия.

Посредством вопросно-ответной беседы, обсуждения проблемы правоты/неправоты, вины или беды Раскольникова постепенно подводим студента к тому, что Ф. М. Достоевский не мог не искать способов преодоления человеческой «расколотости», достижения единства между чуткой душой и заблудшим разумом. Именно поэтому им задаются и концепты с «положительной» смысловой нагрузкой: «преображение», «воскресение», «живая жизнь», «богатырство» и т. д.

Основополагающей для романа «Преступление и наказание» является концепт-оппозиция, зафиксированная в его названии. В понимании студента-

иностранца преподавателем формируется мысль, что в романе доминирует не «преступление», то есть, «переступание» через нравственный запрет, а «наказание», то есть, страдание из-за содеянного. При этом подчеркивается, что второе предшествует первому. Принято думать, будто таким образом развенчивается теория наполеонизма, карается её создатель и приверженец. Но страшнее наказания, чем участие в преступлении – да ещё двойном убийстве – для автора нет! А в выдвинутой теории на протяжении всего романа Раскольников так и не разочаровывается!

Учащиеся ставят перед дилеммой: почему тогда Ф. М. Достоевский мучает Раскольникова сомнениями в себе, потерей самоуважения; почему терзает страхом, отчуждением от близких и дальних; почему, наконец, изводит галлюцинациями, приступами сумасшествия? В ходе дискуссии устанавливается, что это делается с целью возродить героя, выгнать в его сознании ложное и привести к духовному катарсису – очищению потрясением. В натуре персонажа содержатся все предпосылки к этому, ведь антигуманная идея так и не смогла съесть в нём «гражданина и человека», «Шиллера и идеалиста». Он оказался гораздо сердечнее, милосерднее, чем думал о себе сам. Поэтому-то, прощая Раскольникова, писатель просто освобождает его от дурного мудрствования и погружает в безначальный и бесконечный поток бытия, поток любви Сонечки Мармеладовой.

Заостряя внимание на ее образе, снимаем ореол героизации с поступка девушки и показываем, что ее жертва тоже оборачивается переступанием через заповеди «не убий» (саму себя), «не прелюбодействуй» (даже ради спасения других). Но в отличие от Раскольникова, Сонечка предстает кающейся грешницей, сознающей свое *недостойство* и надеющейся избыть *его*. Вера во Христа, убеждение в милосердии Божием делают Софью Семеновну заступницей несчастных и униженных, спасительницей не только слабосильных детей Катерины Ивановны, но и гордого Раскольникова. В ее лице автором нарисована натура, которой присущи черты духовного «богатырства», разрушающего преграды на пути к «живой жизни», то есть, жизни естественной, дарованной Богом для совершения добра. Именно такая жизнь и поглощает ложную идею главного героя, который на наших глазах переживает преображение души.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ перечисленных и других индивидуально-авторских концептов Ф. М. Достоевского знакомит читателя-иностранца с оригинальным миропониманием русского гения, помогает постичь глубины его христианской мысли и пути воплощения последней в философски насыщенном Русском Слове.

Завершающим аккордом в осмыслении романа является просмотр – теперь уже на новом уровне восприятия – отрывков из известных отечественных и зарубежных экранизаций произведения с итоговым обсуждением их соответствия литературному тексту. Благодаря всему этому, иностранные учащиеся, с одной стороны, повторяют пройденное, а с другой – на основании интерсемиотического подхода получают дополнительное эстетическое впечатление о самом совершенном сочинении Ф. М. Достоевского.

Список литературы

1. Волков В. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: учебное пособие / В. В. Волков В. В., И. В. Гладилина. – Тверь: Издатель Кондратьев, 2014. – 73 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. Т. 6, 1973. – 422 с.
3. Зябрева Г. А. Концепт в литературоведении: к обоснованию дефиниции / Г. А. Зябрева, С. В. Капустина // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей. – Магнитогорск: МаГУ. Вып. 4. 2012. – С. 7–15.
4. Зябрева Г. А. Изучение в школе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Г. А. Зябрева // Методические студии – 2013: сборник научно-методических работ. – Симферополь, 2013. – С. 4–28.
5. Зябрева Г. А., Капустина С. В. «Концепт» в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) / Г. А. Зябрева, С. В. Капустина // Концепт: грани понятия в современной науке [коллективная монография]. – Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2015. – С. 4–44.
6. Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольникова / Ю. Ф. Карякин // Достоевский и Апокалипсис. – М.: Фолио, 2009. – С. 18–227.
7. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова // Избранные работы в трех томах / В. Я. Кирпотин. – М.: Художественная литература. – Т. 3, 1978. – С. 16–163.
8. Лобанова Н. А. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс / Н. А. Лобанова, И. П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1988. – 244 с.
9. Переслегина Е. Р. О некоторых приемах презентации национально маркированных концептов на уроках русского языка как иностранного / Е. Р. Переслегина // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – №6 (1), 2011. – С. 342–344.
10. Потапурченко З. Н. Федор Достоевский: комплексное учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный / З. Н. Потапурченко, Ю. Ю. Ушакова. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 80 с.
11. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий / Б. Н. Тихомиров. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 460 с.
12. Юрьева О. Ю. Достоевский в школе. М.: Дрофа, 2007. – 320 с.

"CRIME AND PUNISHMENT" BY F. DOSTOYEVSKY IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: ANALYTICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

G. A. Zyabreva, S. V. Kapustina

This paper has two main objectives. First, it summarizes the methodological theories of the textual aspect of teaching Crime and Punishment to foreign philologists. Secondly, it contains methodological recommendations, which correspond to modern scientific interpretations of the novel. The achievement of these objectives is linked to solving the following problems: 1) to systematize the experience of RFL specialists in initial analysis of this novel; 2) to build a holistic algorithm of this analysis at different stages of learning; 3) to identify the most productive methods and approaches to understanding the intricate fictional reality constructed by the writer; and 4) to model a consistent philosophical concept of Crime and Punishment on the basis of the existing skills.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, Crime and Punishment, Russian as a foreign language (RCTS), literature, individual author's concept.

References

1. Volkov V.V., Gladilina I.V. *Hudozhestvennyy tekst v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: uchebnoe posobiye* [Literary text in teaching Russian as a foreign language: textbook]. Tver', Kondratiyev's Publ., 2014. 73 p.
2. Dostoyevsky F.M. *Polnoe sobraniye sochineniy: v 30 tomah* [Complete Works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., Vol. 6, 1973. 422 p.
3. Zhabreva G.A., Kapustina S.V. *Koncept v literaturovedenii: k obosnovaniyu definicii* [The concept in literary studies: rationale definitions] // *Khudozhestvennaya konceptosfera v proizvedeniyah russkikh pisateley* [Art conceptual sphere in the works of Russian writers]. Magnitogorsk: Vol. 4. 2012. Pp. 7–15.
4. Zhabreva G.A. *Izucheniye v shkole romana F.M. Dostoyevskogo «Prestupleniye i nakazaniye»* [The study in the school of F. Dostoyevsky's novel "Crime and punishment"] // *Metodicheskiye studii – 2013* [Methodical Studies – 2013]. Simferopol, 2013. Pp. 4–28.
5. Zhabreva G.A., Kapustina S.V. *«Koncept» v literaturovedcheskom diskurse (na materiale tvorchestva N. V. Gogolja i F. M. Dostoyevskogo)* [The concept in the literary discourse (on the material of creativity of N.V. Gogol and F.M. Dostoyevsky)] // *Koncept: grani ponyatiya v sovremennoy nauke* [Facets of the concept in contemporary science]. Noginsk, ANALITIKA RODIS, 2015. Pp. 4–44.
6. Karyakin Yu.F. *Samoobman Raskolnikova* [The self-deception of Raskolnikov] // *Dostoyevskiy i Apokalipsis* [Dostoyevsky and the Apocalypse]. Moscow, Folio Publ., 2009. Pp. 18–227.
7. Kirpotin V.Ya. *Razocharovaniye i krusheniye Rodiona Raskolnikova* [The disappointment and the collapse of Rodion Raskolnikov] // *Izbrannyye raboty v 3 tomah* [Selected Works in 3 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ. Vol. 3, 1978. Pp. 16–163.
8. Lobanova N.A., Slesareva I.P. *Uchebnik russkogo yazyka dlya inostrannikh studentov-filologov* [Russian language textbook for foreign students-philologists] Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988. 244 p.
9. Pereslegina Ye.R. *O nekotorykh priemakh prezentatsii nacionalno markirovannykh konceptov na urokah russkogo yazyka kak inostrannogo* [About some of the techniques of the presentation of the national bulleted concepts on the lessons of Russian as a foreign language] // *Vesnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod N. Lobachevsky University]. No 6 (1), 2011. Pp. 342–344.
10. Potapurchenko Z.N. *Fyodor Dostoyevsky*. Moscow, Russkiy yazik Publ., 2011. 80 p.
11. Tikhomirov B.N. *«Lazar! Gryadi von». Roman F. M. Dostoyevskogo «Prestupleniye i nakazaniye» v sovremennom prochtenii* [The novel by F.M. Dostoyevsky "Crime and punishment" with a modern twist]. St. Petersburg, Serebryanyj vek Publ., 2005. 460 p.
12. Yuryeva O.Yu. *Dostoyevsky v shkole* [Study of Dostoyevsky in school]. – Moscow : Drofa Publ., 2007.

УДК 821.161.1:070

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДОМЫСЛА В ВОЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Курьянова В. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
e-mail: kuryanova_v@mail.ru*

Автор статьи определяет роль художественного доммысла в произведениях Л. Н. Толстого, написанных в период его участия в Восточной (Крымской) войне. Желание будущего великого русского писателя с точностью и объективностью передать события, происходящие вокруг него, дают возможность Толстому создать уникальные художественные произведения.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Севастополь, Крымская война, художественный доммысел, военная журналистика.

ВВЕДЕНИЕ

Представление о Л. Н. Толстом как великом русском писателе невольно умаляет ту роль, которую он сыграл в русской журналистике. Даже «Севастопольские рассказы» (что уж говорить о «Севастопольской песне») воспринимаются сегодня как художественные произведения, как факт литературный, но не журналистский. Внести корректировку в определение степени художественности в них способно понимание различия между вымыслом и доммыслом как специфических особенностях произведений русского классического реализма.

Впервые о роли доммысла в художественной литературе заговорил М. Горький в своей статье 1928 года «Как я учился писать», преследуя цель подтвердить истинность генезиса литературы реализма. Позже А. И. Белецкий фактически разделил всю литературу на «литературу доммысла» и «литературу вымысла», заявив, что «литература доммысла тяготеет к документальности» [1, с. 430].

Именно внутренним стремлением Л. Н. Толстого к документалистике (вспомним, что кавказские рассказы тоже тяготели к очерковости и документальности), пониманием её преимуществ перед вымышленными историями в военную пору объясняется возникновение у него идеи создания журнала «Солдатский вестник» (в окончательном варианте — «Военный листок»). Так, по мнению исследователей, писатель становится на путь военной журналистики. Происходит это не в Крыму, а еще в Кишиневе, и относится это по времени скорее всего к сентябрю—октябрю 1854 года. Сначала в сентябре было предположено устроить общество, преследующее эту цель; потом большинство кружка решило перейти от плана общества к плану журнала, который должен был разделяться на официальную и неофициальную части, каждая из которых имела бы соответствующие разделы.

Тогда, в Кишиневе, писатель «почти сразу занялся работами по журналу, стремясь как-нибудь ускорить его создание. Первые записи Толстого в его Дневнике о журнале относятся к 5 октября, и 5-м же числом обозначен,

сохранившийся в архиве Толстого... литографированный оттиск проекта начальной страницы пробного номера, еще без заглавия и виньетки, для чего оставлен пробел...» [14, с. 407].

О том, насколько был захвачен этой идеей Л. Н. Толстой, говорит «Заметка по поводу военного журнала» («Составить более подробную программу...»), написанная, по мнению В. И. Срезневского, в конце октября 1854 года. Она демонстрирует активную деятельность писателя по созданию журнала: кого привлечь в сотрудники, кому разослать письма с просьбой поддержки, чью статью в уже подготовленном номере заменить и на какую и т.п. Но вся эта деятельность была пресечена ответом военного министра, датированным 7 ноября, в котором говорилось о недозволении издания, поскольку «Его величество... изволил признать неудобным» его разрешить [14, с. 409].

Писатель оказался только раззадорен отказом. С этого момента начинается его поход в журналистику. На этом этапе внешним результатом стала публикация в «Современнике» «Севастопольских рассказов», но попутно осуществлялось многое, хотя далеко не всё осталось завершённым и осуществлённым.

Сразу по вынужденном прекращении работы над так и не осуществлённым журналом Л. Н. Толстой обдумывает целый ряд журналистских действий, которые начинаются «Проектом о переформировании армии» («Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера») — набросками, где страстность подкрепляется правдивостью, открытостью в суждениях. Под критикой солдат, офицеров и генералитета скрывается глубочайшая боль за Отечество, за людей, служащих ему. Л. Н. Толстой пробует разные способы воздействия на читателя, то развивая художественно-риторическую часть, то пряча ее за сдержанностью стиля, через пафосную сторону текста добиваясь большего эмоционального воздействия.

Следом был написан «Проект о переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками». При отточенности, стройности, логичности и ясности стиля «Проект...» лишен и художественности, и публицистичности. Но не лишен художественной страстности, которая не проглядывает в тексте, но содержится в самом факте заинтересованности в решении проблемы, которую можно расценивать как желание достучаться до сильных мира сего, причем не просто привлечь их внимание к существующим в русской армии проблемам, но и предложить пути их решения.

Последней публицистической пробой в Севастополе для Л. Н. Толстого стало «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками». Произведение показывает, как писательское, художественное у Л. Н. Толстого «прорывалось» сквозь текст официального и призванного быть бесстрастным документа.

Но главным следствием журналистской деятельности Л. Н. Толстого этой поры стали, с одной стороны, «Севастопольские рассказы», а с другой — «Севастопольская песня». Показать и доказать решающую роль художественного доммысла в творчестве Л. Н. Толстого-журналиста и является **целью данной статьи.**

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

После неудачи с «Солдатским листком» Л. Н. Толстой обращается к Н. А. Некрасову с просьбой опубликовать в «Современнике» материалы, скопившиеся у него. Толстого занимает не столько потеря материалов, сколько смерть самой идеи издания военного журнала. По мнению Толстого, журнал для военных в России отсутствует и эту нишу необходимо занять. Сам Толстой обязуется давать в печать от двух до пяти печатных листов ежемесячно, рассчитывая не столько на себя, сколько на специалистов военного дела, окружавших его, уверяя Н. А. Некрасова, что проблем ни с качеством материала, ни с цензурой не будет. «Наши выгоды — ежели вы примите мои предложения, будут состоять: 1) в том, что мысль наша основать литературу, служащую выражением военного духа, найдет начало осуществления, которое, надеюсь, со временем примет большие размеры и 2) в том, что статьи наши будут помещаться в лучшем и пользующемся наибольшим доверием публики — журнале», — пишет он в письме 11 января 1855 года [17, с. 297]. Материалы, о которых пишет Л. Н. Толстой, это прежде всего рассказы А. Д. Столыпина, один из которых — «Ночная вылазка в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней» — и был опубликован и открывал седьмую книжку «Современника» за 1855 год. Далее с материалами возникли затруднения. Н. А. Некрасов настаивает на продолжении сотрудничества, и Л. Н. Толстой делает запись в своем дневнике 20 марта 1855 года: «Одно — ответ на полученное от него нынче, в кот<ором> он просит меня присылать ему статьи военные. Приходится писать мне одному. — Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта» [16, с. 40].

«Севастопольские рассказы» вошли в историю прежде всего как художественные произведения, как важный этап развития русского реализма. И это несмотря на обилие документальных материалов, положенных в их основу, и приемов документального повествования. Тем не менее на близость «Севастопольских рассказов» журнальным жанрам несомненно указывают их жанровые особенности. Первый из них может быть отнесен к очерку, два последующих необходимо считать очерками-рассказами, поскольку в документальной своей основе они вполне соответствуют жанровым требованиям очерка, но по повествовательным своим чертам (сюжетике, высокой степени типизации, наличию значительной меры вымысла и т.п.) тяготеют к рассказу, жанровая форма которого в это время только складывалась. Использование Л. Н. Толстым литературных свойств очерка и в то же время «поистине неисчерпаемых возможностей, заложенных в самой природе» жанра рассказа [5], дают возможность проявиться наиболее существенным сторонам толстовского мировоззрения, и на духовном, и на литературном уровне, так или иначе оформляясь в авторские сентенции и художественные детали. То, что в кратких зарисовках и сжатых авторских комментариях выходит на поверхность, скорее способно высветить авторскую позицию, чем произведение в несколько сот страниц, поскольку обладает свойствами живого отклика, который идет не столько от ума, сколько от сердца [подробнее об этом см.: 9, с. 39—117]. Актуальность и эмоциональность произведений указывает на то, что писатель искал прежде всего живого

читательского отклика, то есть такого отклика, который обычно преследует своим материалом журналист.

Только журналистскими устремлениями писателя объясняется появление в севастопольский период ряда коротких незавершенных или до конца не отделанных произведений — «Как умирают русские солдаты (Тревога)», «Дяденька Жданов и кавалер Чернов», «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка», «Характеры и лица» («Командир части — хороший человек»), «Солдатские разговоры» («Разговор духовно-поэтический...»).

Публикацией «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстой приобщился, так сказать, к официальной журналистике, по сути дела став военным корреспондентом.

Однако попутно, он оценивал и анализировал сложившуюся в Севастополе ситуацию на другом, сатирически-бытовом, можно сказать, популярном уровне. Так появляется «Севастопольская песня», написанная по горячим следам кровопролитного сражения, произошедшего 4 августа 1855 года на Черной речке под Севастополем, участником которого он был.

Авторство свое Л. Н. Толстой в данном случае скрыл, поскольку выступать открыто было небезопасно: «Вел.<икий> Князь Михаил, — писал он брату Сергею 10 ноября 1856 года, — узнав, что я, будто бы, сочинил песню, недоволен особенно тем, что, будто бы, я учил ее солдат» [15, с. 107]. Вообще сложилось устойчивое мнение, что песня помешала писателю продолжить военную карьеру: «Взгляд на севастопольскую песню как на главное препятствие в военной карьере Толстого... приводят и один из первых биографов Евг. Соловьев в книге “Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность” (СПб., 1894, с. 54), и даже “Энциклопедический словарь” (изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, СПб., т. XXXIII, 1901, с. 451), где С. А. Венгеров писал: “Окруженный блеском известности и пользуясь репутациею очень храброго офицера, Толстой имел все шансы на карьеру, но сам себе “испортил” ее. Едва ли не единственный раз в жизни <...> он побаловался стихами: написал сатирическую песенку, на манер солдатских, по поводу несчастного дела 4 августа 1855 г., когда генерал Рead, неправильно поняв приказание главнокомандующего, неблагоразумно атаковал Федюхинские высоты. Песенка (“Как четвертого числа нас нелегкая несла горы забирать” и т. д.), задевавшая целый ряд важных генералов, имела огромный успех и, конечно, повредила автору”» [3, с. 550—551].

Поскольку текст песни воспринимался чуть ли не как народный, в 1857 А. И. Герцен в Лондоне издал его как фольклорное произведение. В России небольшой фрагмент песни впервые был опубликован в 1872 году в журнале «Русская старина» (№ 4, с. 682). Н. П. Барсуков, публикуя письмо генерала П. П. Липранди периода Крымской кампании, во вступительном комментарии объяснял, о каком генерале идет речь, и в качестве общеизвестного факта приводил строки о Липранди из двух севастопольских песен (считая их одной), в том числе два куплета из песни «Как четвертого числа...», «приписываемой гр. Л. Н. Толстому», которую назвал «шуткой-сатирой над действиями наших генералов в Крымской кампании».

Только в 1904 году, когда М. Н. Милошевич нашла в записках своего отца о Крымской войне текст песни с пометкой «гр. Толстой» и отправила писателю письмо, в котором спрашивала, действительно ли он автор этого произведения и

песни «Как восьмого сентября...», девятнадцатого февраля Л. Н. Толстой послал ей подтверждение: «...отвечаю, что песни эти точно сочинены мною... Песни эти, сколько мне помнится, никогда не были мною написаны, а заучивались со слов и изменялись и добавлялись. Список вашего батюшки, насколько мне помнится, верен. Против печатания этих песен я, разумеется, ничего не имею» [18, с. 43]. В письме от 18 мая он уточняет, что «первая песня [“Как восьмого сентября...”]. — В. К.] сочинена не мною одним, ...в сочинении ее принимали участие несколько человек» [19, с. 106].

Написана песня точно по историческим событиям и отражает их в тексте, однако Н. Н. Гусев считал, что хотя «весь ход сражения 4 августа, включая “овраги”, которые нужно было переходить, в песне Толстого описан совершенно верно», «Толстой, разумеется, не знал в то время всей закулисной стороны этого сражения. Он не знал того, что главным вдохновителем этого сражения был не кто иной, как Александр II; не знал и того, что главнокомандующий князь Горчаков, как пишет даже официозный историк, начиная сражение, “нисколько не сомневался в его неудаче”, и что поэтому Александр II и Горчаков были более повинны в тысячах жертв этого сражения, чем заплатившие жизнью за свои ошибки генералы Вревский и Ред. Таким образом, окончание песни, относящееся к тем, “кто туда водил”, непосредственно затрагивало и царя Александра II, и главнокомандующего князя Горчакова. Становится совершенно понятным, что песня эта, ставшая известной в Петербурге, должна была, как писала Толстому его жившая во дворце тетушка, оставить в высших сферах “плохое впечатление” относительно её автора» [13, с. 419]. Двадцатилетний Н. А. Добролюбов, отмечая популярность песни, 23 января 1856 года записал её в своем дневнике вместе с песней «Как восьмого сентября...» и отметил: «Не знаю, как в Крыму, но в Петербурге эти песни имеют большой успех. Их читают и списывают. Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть» [6, с. 420].

Мы считаем, что весь комизм изображения сражения в «Севастопольской песне» опирается на принцип карнавализации, предложенный М. М. Бахтиным и развитый его последователями. Это сложное явление, которое включает в себя пародирование и которое возможно объяснить только переплетением комизма и трагизма. Как пишет Ю. Кристева, «карнавальная смех — это не просто пародирующий смех; комизма в нем ровно столько же, сколько и трагизма; он, если угодно, серьезен, и потому принадлежащее ему сценическое пространство не является ни пространством закона, ни пространством его пародирования; это пространство своего *другого*. Современное письмо дает нам ряд поразительных примеров той универсальной сцены, которая есть и *закон*, и его *другое*, — сцены, где *смех* замирает, ибо он — вовсе не пародия, *но умерщвление и революция*» (курсив автора. — В. К.) [7, с. 444—445]. Отсюда-то своеобразная «революционность» песни, то есть перетекание пародии и насмешки в ужас трагизма от произошедшего, а затем в «революционное» возмущение, которое есть и побудительный мотив, и суть произведения — его мысль, образы, смех, о чем мы уже писали ранее, анализируя песню [см.: 8].

ВЫВОДЫ

«Русская классическая литература, — констатировал В. Е. Хализев, — была более литературой “домысла”, чем вымысла как такового» [20, с. 93]. Именно домислом, а не вымыслом, на наш взгляд, и характеризовалось творчество Л. Н. Толстого севастьяпольского периода, как, впрочем, и кавказского. И эта мысль как нельзя более соответствует художественной позиции Л. Н. Толстого. Его отречение к концу жизни от уже написанных художественных произведений и приверженность публицистике, прямому, не приукрашенному слову о жизненных явлениях дополнительно это подтверждает.

Список литературы

1. Белецкий А.И. Вымысел и домysel в художественной литературе, преимущественно русской / А. И. Белецкий // Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы / под общей ред. Н. К. Гудзия. — М.: изд-во «Просвещение», 1964. — С. 430—431
2. Беспалова А. Г. История мировой журналистики / А. Г. Беспалова, Е. А. Корнилов, А. П. Короченский и др. — М.; Ростов-на-Дону, 2004. — 432 с.
3. Бурнашёва Н. И. «Как четвертого числа...» [комментарий] // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. — Художественные произведения: в 18 т. — М.: Наука, 2000—... . Т. 2: 1852—1856. — 2002 — С. 544—564.
4. Глебов П. Н. Из «Дневниковых записей» // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А. Макашин. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 1 / Сост., подгот. текста и коммент. Г. В. Краснова. — С. 66.
5. Гречнев, В. Я. Русский рассказ конца XIX — начала XX века: проблема и поэтика жанра / АН СССР, Ин-т русской лит-ры (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1979. — 208 с.
6. Добролюбов, Н. А. Полное собрание сочинений : в 6 т. / Н. А. Добролюбов; под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. — М.: Гослитиздат, 1934—1941. — Т. 6: Сатира. Стихотворения. Рассказы. Дневники. — 1939. — 852 с.
7. Кристева, Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман / Юлия Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Перевод, сост. и вступит. ст. Г. К. Косикова. — М.: ИГ «Прогресс», 2000. — С. 427—457.
8. Курьянова, В. В. «Севастьяпольская песня» Льва Толстого: историческая основа и литературная интерпретация / В. В. Курьянова // История в подробностях: иллюстрированный научно-популярный журнал, Москва. — 2013. — № 5 (35), май. — С. 56—65.
9. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого: Монография / В. В. Курьянова. — Симферополь: Бизнес-информ, 2015. — 240 с.
10. Мартиросян А. Э. И перья скрипели, когда пушки гремели... (Очерк истории «военной журналистики»: от типографского станка до телеграфа) / А. Э. Мартиросян // Exlibris. — Режим доступа: http://www.exlibris.ru/media/publications/detail/iz_istorii_informatsionnykh_voyn_perioda_vooruzhennykh_stolknoventiy/ (Проверено 09.2016).
11. Мясников В. Лев Николаевич — самый первый русский фронтовой корреспондент / В. Мясников // Независимое военное обозрение. — 10.12.2010. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2010-12-10/12_tolstoy.html (Проверено 09.2016).
12. Позойский, С. Лев Толстой как журналист и редактор / С. Позойский. — Издание 2-е, перераб. и доп.. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1985. — 168 с.
13. Срезневский, В. И. Материалы Севастьяпольского периода [комментарии] / В. И. Срезневский // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 1: Произведения / Под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 1—45. — Т. 4: Произведения Севастьяпольского периода. Утро помещика. — 1932. — XI, 453 с.: 5 л. ил.. — С. 408—423
14. Срезневский, В. И. Проект журнала «Солдатский вестник» [комментарий] // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 1: Произведения / Под общ.

- ред. В. Г. Черткова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 1—45. — Т. 4: Произведения Севастопольского периода. Утро помещика. — 1932. — С. 407—411.
15. Толстой Л. Н. Письмо С. Н. Толстому (10 ноября 1856 г.) / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 3: Письма / Под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 59—89. — Т. 60: Письма 1856—1862. — 1937. — С. 107—108.
 16. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 2: Дневники / Под общ. ред. В. Г. Черткова. При участии ред. ком. в составе А. А. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева и др. Изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 46—58. — Т. 47: Дневники и записные книжки, 1854—1857. — 1937. — XI, 618 с.: 4 л. ил.
 17. Толстой Л. Н. Письмо Н. А. Некрасову (11 января 1855 г.) / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 3: Письма / Под общ. ред. В. Г. Черткова. При участии ред. ком. в составе А. А. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева и др. Изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 59—89. — Т. 59: Письма, 1844—1855. — 1935. — XV, 387 с.: 2 л. ил.
 18. Толстой, Л. Н. Письмо М. Н. Милошевич (19 февраля 1904 г.) / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 3: Письма / Под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 59—89. — Т. 75: Письма 1904—1905 (январь — июнь). — 1956. — С. 43—44.
 19. Толстой, Л. Н. Письмо М. Н. Милошевич (18 мая 1904 г.) / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828—1928). Серия 3: Письма / Под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928—1964. — Т. 59—89. — Т. 75: Письма 1904—1905 (январь — июнь). — 1956. — XXXII, 288 с. — С. 106—107.
 20. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М., 1999. — 240 с.

THE ROLE OF ART CONJECTURE IN MILITARY CORRESPONDENCE LEO TOLSTOY

Kuryanova V. V.

The author defines the role of art speculation in the works of Leo Tolstoy, written in the period of its participation in the Eastern (Crimean) war. The desire of the future great Russian writer with precision and objectivity to convey the events taking place around it, allow Tolstoy to create unique works of art.

Keywords: Leo Tolstoy, Sevastopol, the Crimean War, artistic speculation, military journalism.

УДК 82-311.2

СЮЖЕТ О ВАЛЕНТИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ: ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ

Макаренко С. И.

Таврическая академия (структурное подразделение)

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь

e-mail: mobydic@mail.ru

В статье рассматриваются произведения Е. Г. Криштоф: очерки и документальная повесть, посвященные герою Соцтруда Валентине Козиной. Их анализ позволяет выявить жанровые модификации сюжета – от очерка к повести, выделить характерные жанрово-стилевые черты в изображении образа Валентины Козиной. Произведения анализируются с точки зрения их жанрового своеобразия, приемов и творческих решений автора. Исследование позволяет сделать вывод о новаторских приемах в работе Е. Г. Криштоф.

Ключевые слова: Е. Г. Криштоф, очерк «Встреча с разведчицей», «Повесть о верности», жанр, особенности.

ВВЕДЕНИЕ

В 1978 г. вышла в свет (в 1985 г. переиздана) книга Е. Криштоф «Сто рассказов о Крыме», которая явилась результатом серьезного творческого и краеведческого поиска. Эта книга хорошо известна читателям и воспринимается как лучшее издание Е. Криштоф о Крыме. Здесь описаны люди с уникальной судьбой, а также собраны интересные факты об истории полуострова и его настоящим. Исключительный успех этой книги заставляет нас проникнуть в творческую лабораторию Е. Криштоф и на примере одного из сюжетов выяснить алгоритм работы автора с материалами, легшими в основу указанного издания. В настоящей статье мы восстанавливаем «судьбу» одного из ста рассказов – о крымской партизанке Валентине Козиной.

К биографии В. Козиной Криштоф обращалась неоднократно, причем всякий раз повествование о партизанке менялось и по объему, и по композиции, и по набору использованных автором художественных приемов, и по жанру. **Цель** настоящей статьи – проследить жанровую трансформацию сюжета о Валентине Козиной в творчестве Е. Криштоф и выяснить обусловленность этого факта творческими установками автора. Для этого необходимо решение следующих **задач**: зафиксировать текстовые трансформации сюжета о В. Козиной; выявить жанровые особенности произведений Е. Криштоф о В. Козиной; произвести сравнительный анализ этих текстов; выявить причины жанровой эволюции сюжета о В. Козиной; установить связь между жанровыми модификациями сюжета и использованными при этом творческими решениями писательницы. Также представляется важным обратиться к конкретно историческим особенностям времени и места публикации, оказавшим серьезное воздействие на отдельные преломления сюжета о В. Козиной в творчестве Е. Криштоф.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сплошной просмотр газетных публикаций Е. Криштоф позволяет нам заключить, что впервые писательница обратилась к биографии Валентины Козиной в очерке «Три встречи» (1962), опубликованном в газете «Правда Украины» [13, с. 3]. Почти через 10 лет, в 1971 г., издательством «Крым» в серии «Люди трудовой славы» была опубликована «брошюра» «Герой Соціалістичної Праці В. В. Козіна» [5]. Лишь после, в 1978 г., очерк о В. Козиной «Встречи с разведчицей» попал в книгу «Сто рассказов о Крыме». А вскоре сюжет вырос до масштабов документальной «Повести о верности», в 1979 г. вышедшей самостоятельным изданием. Очевидно, что сюжет о Козиной интересовал Криштоф давно и прошел несколько этапов художественного осмысления.

ОЧЕРК «ТРИ ВСТРЕЧИ»

Очерк «Три встречи» – небольшой по объему (5181 знак, или около 200 газетных строк). Композиционно разделен на три части, каждая из которых является отображением некой «встречи» автора с В. Козиной. Говорим «некой», поскольку Криштоф подразумевает не только личные встречи. В ее интерпретации первой «встречей» следует считать знакомство с юностью Козиной по страницам книги партизанских воспоминаний; второй «встречей» Е. Криштоф называет свое знакомство с послевоенной судьбой Козиной посредством газетной статьи; и лишь третья «встреча» соответствует традиционному пониманию этого слова – это личное общение автора и героини очерка.

Завязкой для очерка служит диалог автора с неуказанным собеседником. Речь заходит о книге И. З. Вергасова (1914 – 1981) «В горах Таврии. Записки партизана» [1] и о Валентине Козиной, биография которой, судя по диалогу, должна быть известна читателю именно по указанной книге партизана. Очевидно, что собственное знакомство с этой книгой Е. Криштоф и считает своей «первой встречей» с Козиной. Далее Криштоф буквально в двух словах «освежает» в памяти читателя сюжет о Козиной – это «история девочки-разведчицы, короткий пересказ ее любви». Саму эту «историю» Криштоф не передает в подробностях, видимо, рассчитывая на то, что читатель помнит содержание книги И. Вергасова, и лишь упоминает вскользь о любви Валентины к командиру партизанского отряда Октябрю Козину. Главная задача Криштоф иная – показать судьбу партизанки после войны.

Обратимся, однако, к книге «В горах Таврии». Здесь нет даже упоминаний ни о Валентине, ни об Октябре Козиных. Очевидно, что Елене Криштоф в этом случае изменила память. С каким же текстом она могла спутать книгу Вергасова? Допустимо предположить, что Е. Криштоф имела в виду какое-нибудь не известное нам публицистическое (например, газетное) выступление Вергасова о Козиной. Но если бы такой текст существовал, то столь же логичным было бы предположить, что о Козиной Вергасов расскажет в своих последующих книгах: «Останется с тобою навсегда» (1977) [3] и «Крымские тетради: Роман-хроника» (1978) [2]. В последней книге, впрочем, находим небольшой эпизод о партизанской операции с участием Октября Козина, однако упоминаний о Валентине Годлевской (Козиной) в обеих книгах нет. Стало быть, неверно указан не только текст о Козиной, но и автор текста.

*СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ*

После просмотра партизанских воспоминаний, опубликованных приблизительно в один период с «Записками...» И. Вергасова, обнаруживаем, что партизанская юность Валентины Козиной отражена в книге Е. Степанова «Партизанскими тропами» [14], вышедшей четырьмя годами ранее. Автор книги находился в крымских лесах и непосредственно участвовал в боевых операциях. Свои впечатления он заносил в дневник, а потом литературно обработал. Из книги становится понятным, что автор был знаком с Валентиной Козиной, поэтому в повествовании находим два эпизода с участием девушки Вали и еще несколько упоминаний о ней, причем фамилия не указывается. Однако очевидно, что речь идет именно о Козиной. Мы узнаем, как Валя примкнула к партизанскому отряду, написав письмо и передав его через подругу партизанам, которая с ними сотрудничала. Затем Вале дают первое задание: следить за переброской немецких войск на Южный берег по дороге, которая проходила через родную деревню. Есть эпизод, когда все население деревни Перевальная уходит в лес, спасаясь от оккупантов. Среди жителей этой деревни была и юная Валя. Тогда командование Северного партизанского соединения решило взять под свою защиту людей, а из всех способных носить оружие жителей деревни организовать отряд, командиром которого назначили Октября Козина. В книге встречаем описание внешности молодого партизана: «Октябрь Козин выглядит совсем юным, хотя это уже бывалый командир. <...> Среднего роста, сухощавый, с черными усиками и цыганскими глазами, он очень красив. Быстрый, порывистый. Говорит четко, без лишних слов» [14, с. 9]. Также есть и описание внешности Вали: «Невысокого роста, плотная блондинка, чуть курносая, она была очень миловидна, даже красива. Особенно, когда улыбалась» [14, с. 111]. Кроме того, автор приводит меткие характеристики, которые давали Козиной другие герои книги (например, пожилая крестьянка): «Огонь девка. <...> Бедовая, страсть. Ей все нипочем. <...> Ну ничего не боится» [14, с. 112].

Один эпизод наиболее ярко показывает характер Вали. Она вместе с подругами приходит к О. Козину и требует, чтобы их включили в боевой партизанский отряд: «Хотим, чтобы, как все, воевать. Запишите нас» [14, с. 110]. Козин решительно отказывает девушкам, объясняя, что война – не женское дело. Валя категорично отвергает его доводы и настаивает на том, чтобы их приняли. В дальнейшем девушка своим упорством, самоотверженностью и выносливостью все же доказывает командиру, что слабый пол может принимать участие в боевых действиях. В книге описаны партизанские вылазки и операции отрядов, в том числе и О. Козина. К рассказу о Валентине Козиной автор возвращается уже в конце повествования. Он пересказывает свой диалог с партизанкой по дороге на боевые позиции. Выясняется, что Валентина и Октябрь Козин решили связать свои судьбы. «...Взялись мы с ним за руки, – рассказывает автору Валентина, – вышли как-то на зорьку, посмотрели, как солнце всходит и рождается день, и показалось нам, что и для нас рождается новая жизнь. И дали мы друг другу торжественную клятву — рука об руку идти вместе и в дни войны, и в дни мира, всегда, всю жизнь...» [14, с. 169]. Свадьбу они отпраздновали прямо в партизанском лагере.

Итак, делаем вывод, что Е. Криштоф, скорее всего, узнала о судьбе Валентины Козиной из книги Е. Степанова, но позднее попросту спутала источники информации.

Возвращаясь к очерку «Три встречи», переходим ко «второй встрече» автора и героини. Эта «встреча» также была заочной: Е. Криштоф узнает о трудовой послевоенной деятельности Козиной из некоей газетной статьи. Однако в этом случае указание на источник вообще лишено конкретики: «Вторая моя встреча с Валею Козиной была вот какая. Статья в газете называлась «“Жена” или “Жена председателя”» [13, с. 3]. О времени публикации статьи Криштоф сообщает лишь то, что вышла она лет за пять до личного знакомства писательницы с Козиной.

Е. Криштоф признается, что после этих двух заочных «встреч» с Козиной у нее возник вопрос: являются ли закономерностью трудовые подвиги партизанки в условиях мирной жизни? «От человека, один раз поразившего нас подвигом, ждешь чего-то особенного», – размышляет Криштоф. И тут же делится сомнением: «Надолго ли? <...> Не надоест ли вставать каждый день ни свет ни заря, бежать, путаясь в тумане или продираясь сквозь метель, на эту самую свиноферму за пять километров. Пройдет время, снимет жена председателя свой халат. <...> “Я свое дело сделала: прощайте”» [13, с. 3]. После этого читателю становится понятным, что третья (и главная) встреча с Козиной призвана разрешить эти самые сомнения, поскольку позволит автору лично пообщаться с героиней очерка.

Эта встреча происходит в совхозе «Южный», куда Криштоф приезжает делать репортаж о передовых птичниках. В тройке ударниц она обнаруживает знакомую ей фамилию Козиной. Писательница акцентирует внимание читателя на «миловидной» и «нежной» внешности бывшей партизанки, что особенно примечательно на фоне описания тяжелого труда птичник. Писательница рассказывает о том, что Козина не боится никакой работы: «Пришла в “Южный”, – передает Е. Криштоф ее слова, – а мне говорят: как раз сейчас нет ни одной свободной должности. А мне смешно стало. Я ведь не должность ищу, работу». Последняя фраза звучит как афористичное обобщение жизненных принципов В. Козиной. При этом Криштоф сообщает и о личной жизни героини: «Она была больше, чем жена, – товарищ, друг, самый мужественный, самый стойкий» [13, с.3].

Словом, после личного знакомства с Козиной у Криштоф не остается сомнений в решительности и твердости ее характера. В завершение очерка автор высказывает надежду на новые встречи с героиней. По предположениям Криштоф, Козина непременно должна будет находиться на каком-нибудь сложном участке «трудового фронта»: «Я нисколько не удивлюсь, если моя четвертая встреча с этой женщиной произойдет где-нибудь в небогатом, отстающем еще колхозе» [13, с. 3].

«ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА В. В. КОЗИНА»

Пользуясь терминологией Е. Криштоф, четвертая «встреча» с героиней была снова заочной и произошла через 9 лет. В 1971 г. в издательстве «Крым» выходит брошюра на украинском языке, целиком посвященная Козиной, – «Герой Социалистического труда В. В. Козина». Текст значительно объемнее только что описанной газетной публикации и составляет 2,25 а. л. В аннотации к брошюре жанр повествования определен как «нарис». Думается, это сделано в полном соответствии с литературоведческим пониманием термина «нарис», который

**СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ**

определяет «повествовательное художественно-публицистическое произведение, в котором изображены подлинные (истинные) факты, события о конкретных людях. По объему приближается к небольшому рассказу, новелле <...>» (здесь и далее перевод с украинского мой. – С. М.) [5, с. 477-478]. Таким образом, термин «нарис» соответствует русскоязычному термину «очерк».

Указанный очерк Е. Криштоф о В. Козиной состоит из шести глав, каждая из которых уже в названии характеризует определенный период жизни Валентины Козиной (девичья фамилия – Годлевская). В первой главе – «На всю жизнь» – рассказывается о партизанской юности Вали, ее первых военных заданиях, смелости, упорстве и настойчивости, однако основное внимание читателя сосредоточено на ее теплых и нежных отношениях с командиром отряда Октябрем Козиным, их партизанской свадьбе. В очерке даже дата свадьбы точно указана: 5 декабря 1943 г. «Он и сам не думал, – говорит Е. Криштоф о партизанском командире, – что в его сердце столько нежности. Нежности и благодарности к этой маленькой девочке, которая теперь стала не просто его любимой, но и законной женой» [5, с. 10]. Внешность своих героев писательница видит как бы их глазами. «Невысокого роста, худощавый. Парень, и все тут. Глаза – быстрые, темные», – реконструирует Е. Криштоф Валины впечатления от встречи с Козиным. «Ни у кого не видел таких кос, как у нее: пушистых, золотистых, цвета осенней листвы», – угадывает писательница впечатления Козина.

Следующая глава – «Первая работа» – посвящена службе Козиной в партизанской разведке. Эту службу Е. Криштоф и называет «первой работой» своей героини. Почти вся глава – это повествование о двух наиболее показательных эпизодах в боевой судьбе партизанки.

Первый эпизод – участие В. Козиной в налете на фашистский гарнизон села Заречного.

Валентина должна была скрытно вывести к своему родному селу Заречному партизанскую бригаду, назначенную для атаки. Переход осуществлялся ночью, по глинистому и скользкому от дождя склону балки. Партизаны постоянно рисковали натолкнуться на неприятельский патруль. Командир партизанской бригады при этом не слишком доверял опыту девушки-проводника. Однако Валентина справилась со своей задачей. Так что, по словам Е. Криштоф, комбриг Федоренко не просто изменил свое мнение о разведчице, но и с похвалой вспоминал о ее профессионализме через много лет, после описанной операции.

Следующий боевой эпизод относится к концу 1943 г., когда немцы устроили «большой прочес», пытаясь уничтожить «третий крымский фронт», то есть крымских партизан. Немецкая пехота прорывалась в лес цепями при поддержке танков. Партизаны сдерживали атаки, не давая оккупантам возможности пройти в глубь леса, где размещались лагеря с гражданским населением. После очередного кровопролитного столкновения с врагом Валентине сообщили, что ее муж Октябрь Козин убит. Е. Криштоф подробно описывает, в каком смятении оказались мысли и чувства партизанки, среди которых наиболее сильным оказалось ощущение, что в смерти мужа отчасти виновата она сама, поскольку в минуту опасности не находилась с ним рядом.

Впрочем, в тот раз все закончилось счастливо для молодоженов. Сведения о смерти Козина оказались ошибочными. Валентина нашла его в лесу, где он помогал раненым товарищам. Однако пережитые чувства навсегда остались в памяти у Валентины и заставляли в ее в любые трудные моменты жизни находиться рядом с мужем.

Третья глава – «Когда отгремела война» – охватывает десятилетие послевоенной жизни В. Козиной: учеба в школе, рождение двух дочерей, работа сначала – библиотекарем в колхозе, где муж был председателем, а затем – заведующей на отстающей ферме того же колхоза.

Важны обстоятельства, заставившие Козину возглавить ферму, которая была «на последнем месте в районе». Среди работников процветали воровство и пьянство, а заведующие менялись ежемесячно и не справлялись с обязанностями. Однако Козина с воодушевлением решила на эту трудную работу и «с удовольствием» покинула тихое и спокойное место библиотекаря. Е. Криштоф объясняет решение героини так: «<...> Это была работа на селе; она же родилась крестьянкой и осталась ею. Крестьянкой с настойчивым, терпеливым характером, который не изменить никакими неудачами, с любовью ко всему живому, что ждет твоей заботы, твоего труда и внимания» [5, с. 32]. Читатель в поступках Козиной на новом поприще узнает все те же черты характера, которые были проявлены девушкой в ее партизанской юности: самоотверженность, настойчивость, мужество и способность находить решения в сложных ситуациях. По сути, Валентина Козина снова оказалась на трудном участке фронта, на этот раз – трудового. Заканчивается глава тем, что в 1956 г. Козину избирают депутатом сельсовета и она с радостью берется за решение бытовых проблем односельчан.

Четвертая глава – «Помоги мне выжить, Валя...» – повествует о тяжелых испытаниях, выпавших на долю главной героини. В 1956 г. умерла мать, тяжело заболел и был отправлен на лечение в Кисловодск Октябрь Козин. И тут произошло то, что Валентина уже пережила однажды в 1943 г., – ей сообщили о смерти мужа. И снова – по ошибке!..

Октябрь Козин не умер, но состояние его ухудшилось. Теперь он уже не мог работать, а только лежал дома. Валентина и работала, и ухаживала за мужем и детьми – «тянула» всю семью. Иногда, как пишет Криштоф, у Валентины «опускались руки», когда муж заводил разговор о смерти. Вот один из таких диалогов:

– Ты понимаешь, – сказал он как-то жене, – я по глазам Нины Петровни (врача. – С. М.) прочитал, что не жилец. <...>

– Поверь мне: пока я тут, ни о какой смерти и речи быть не может...

– Помоги мне выжить, Валя. <...>

«Он серьезно верил, – замечает автор, – что только Валентина сможет защитить его от беды» [5, с. 41].

Заметим, что этот диалог выступает своего рода рефреном к тем мыслям, которые овладели Валентиной в 1943 г. при известии о смерти Козина. Тогда это было чувство вины за то, что не оказалась рядом с ним в роковую минуту, теперь – уверенность в том, что, находясь рядом, поможет ему противостоять смерти.

**СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ**

В целом же читатель ощущает, что в этих новых испытаниях Валентина проявила все те же «партизанские» черты характера: самоотверженность, настойчивость и мужество.

Пятая глава названа так: «Ищу не должность – работу». Как помним, эта афористичная фраза Козиной, впервые процитирована Еленой Криштоф в очерке «Три встречи». Итак, Козина устраивается простой птичницей на птицефабрику «Южная» и окунается в работу, мечтает облегчить тяжелый труд птичницы, строит планы, которые позволили бы этот труд автоматизировать. Уже до нее на фабрике местные умельцы изобрели специальную механизированную установку для кормления птиц, однако Козина стремилась пойти в этом направлении дальше. Она выписывает много специальной литературы, поступает учиться в Прибреженский техникум. Е. Криштоф так определяет ее отношение к работе: «Чтобы каждый день был шагом вперед...» [5, с. 57].

Из шестой главы – «Неспокойные будни» – читатель узнает, что В. Козиной присвоили звание Героя Социалистического Труда. Это была очень большая победа. Козиной стали предлагать должность заведующей. Однако она решила остаться рядовой птичницей, продолжала трудиться, приобщать к крестьянской работе своих дочерей, продолжала учиться и совершенствоваться. Ей было 43 года...

Образ Валентины Козиной – это попытка Е. Криштоф создать яркий (пожалуй, образцовый) характер простой советской женщины, прошедший путь от партизанки до Героя Соцтруда. Отличительные черты этого характера – самоотверженность, смелость, целеустремленность, сила духа, стойкость к жизненным невзгодам и верность, которая в изображении Е. Криштоф предстает в нескольких ипостасях: верность долгу и Родине, верность семье, верность работе. Чтобы подчеркнуть эти черты характера, Криштоф описывает поступки героини во время боевых партизанских операций, в послевоенное время, в условиях трудовых будней. В. Козина не ропщет на судьбу, подготовившую ей серьезные испытания, – смерть матери, тяжелая болезнь мужа, нелегкий труд на ферме. Ее жизнь проходит в постоянном труде, она не боится даже самой грязной работы и своих дочерей приучает к труду с детства, при этом она находит в себе силы самосовершенствоваться и учиться. Идея обоих очерков одна: люди, прошедшие испытания войной, являются двигателями развития страны в мирное время.

«ВСТРЕЧИ С РАЗВЕДЧИЦЕЙ»

Еще одна попытка Е. Криштоф вернуться к образу знаменитый крымской птичницы Валентины Козиной состоялась через семь лет. В сборнике «Сто рассказов о Крыме» появляется очерк «Встречи с разведчицей». Он существенно меньше только что проанализированного нами – около четверти печатного листа (т. е. около 340 газетных строк), по объему он более соответствует газетной публикации «Три встречи» (200 строк).

Очевидно, что перед Е. Криштоф существовала проблема выбора: от какого из двух текстов о Козиной отталкиваться при создании нового очерка для «Ста рассказов о Крыме». С одной стороны, «стандартный» объем произведений в «Ста рассказах...» невелик, поэтому чисто механически проще «дотянуть» объем газетной публикации до необходимого в книге. С другой стороны, в брошюре о Козиной изложен целый ряд фактов и подробностей, авторских рассуждений,

которые автору, по-видимому, было бы жаль терять в новом тексте. Итак, сопоставим тексты.

В новой редакции очерка о Козиной Е. Криштоф явно отталкивается от газетной публикации. Это заметно даже по «созвучию» заглавий: «Три встречи» и «Встречи с разведчицей». Завязка в обоих этих очерках тоже «рифмуется»: некий собеседник автора кратко напоминает о том, что Козина – бывшая партизанка и жена партизанского командира.

Однако заметим, что эти текстовые соответствия формальны. В новом очерке Е. Криштоф полностью уходит от интриги, созданной ею в «Трех встречах». Как помним, тогда писательница на протяжении всего повествования стремилась ответить на волновавший ее вопрос, проявится ли сила характера героини в мирной жизни так же, как проявилась во время войны. Теперь же автор не испытывает по этому поводу никаких сомнений, она лишь иллюстрирует, как соотносятся боевые и трудовые подвиги ее персонажа. А для таких иллюстраций Е. Криштоф, конечно, более подходил в качестве исходного текста насыщенный информацией очерк «Герой Социалистического Труда В. В. Козина».

Новая задача продиктовала автору и новую композицию: теперь в очерке уже нет четкого разделения на три встречи, как это было в газетной публикации. Избран иной прием – Е. Криштоф постоянно чередует хронологические планы. Так, она несколькими фразами описывает современную Козину и тут же без специальных связей, с отточия описывает яркий эпизод партизанской жизни героини – о вылазке в село Заречное. Затем писательница снова буквально в нескольких фразах говорит о том, как Валентина возглавила ферму, и далее снова описывает «партизанский» эпизод – о ложном известии о гибели мужа в бою.

Оба фрагмента о военных буднях Козиной «перекочевали» в очерк из брошюры. Далее идет динамичное описание трудовой карьеры Козиной – это тоже краткое изложение целой главы из той же брошюры. Но обратим внимание на финал очерка. Здесь Е. Криштоф высказывает мысли, которые не звучали в двух предыдущих текстах о партизанке.

«О Валентине Викентьевне, – замечает Е. Криштоф, – тогда говорили привычно. “Железная, упорная, самоотверженная, настоящий партизанский характер, рук никогда при любой неурядице, неудаче не опускает”. Это была удобная формула, и какое-то время человек вмещался в предложенный ею объем. Во всяком случае для меня» [7, с. 367]. В этом пассаже слышится неудовлетворенность автора шаблонной характеристикой, которая давалась ранее ее героине. Причем Е. Криштоф откровенно признает, что и для нее этот шаблон до сих пор был вполне приемлем. Скажем более, ведь именно к доказательству этой «удобной формулы» и сводилась задача ее предыдущих очерков о Козиной.

Далее Е. Криштоф развивает мысль: «Самоотверженная... Когда за этими словами мы прозевали, что работа у нее творческая, умственная? Когда она стала творческой? Когда из молчаливого, добросовестного исполнителя Козина превратилась в страстного пропагандиста? В государственного человека, которому важно движение мысли?» [7, с. 367]. Очевидно, что в данном случае «Самоотверженная...» – это еще одна «формула», трафаретная характеристика, которая, по убеждению Е. Криштоф, не дает представления об истинной индивидуальности характера Валентины, не объясняет ее преображения из простой

*СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ*

крестьянки в человека, привносящего в самый заурядный труд творческое, героическое начало.

У читателя невольно возникает в связи с этим вопрос: какие характеристики действительно верно отражают индивидуальность Козиной?

Е. Криштоф на этот вопрос не отвечает, она не продолжает анализ характера своей героини. Но завершает текст очень колоритным пассажем. «Чего она еще хочет? – задается вопросом автор, а в качестве ответа приводит «картинку-воспоминание» из партизанской юности: – Боже, как это давно было: румынская, блохастая, но и теплая же шуба на снегу, и они вдвоем, завернувшись в нее, спят под розовым, не опавшим дубком...» [7, с. 368].

Заметим, что эта «картинка-воспоминание» уже фигурировала в тексте – как образ наиболее счастливых дней в жизни Козиной. Благодаря повтору этот образ приобретает символическое значение, наполняет очерк автобиографическим, лирическим звучанием. Внимание читателя акцентируется на чувствах главной героини, ее воспоминаниях. Бесспорно, жанр очерка относится к числу эпических, однако Е. Криштоф, «предоставляя слово» героине, апеллируя к ее внутренним ощущениям, эмоциям, сокровенным воспоминаниям, переданным как бы от первого лица, наполняет произведение лирическим содержанием.

Сам стиль изложения в этом очерке напоминает импульсивность и ассоциативность эмоционального сознания. Если прочесть очерк «Встречи с разведчицей», не будучи знакомым с биографией Козиной, то хронологическая линия ее судьбы выстраивается довольно сложно, создается впечатление некой недосказанности, обрывистости, мозаичной фрагментарности образа героини. Это происходит потому, что писательница динамично чередует биографические факты со своими размышлениями и воспоминаниями героини, а это ведет к постоянной смене хронологических планов, позиций восприятия и изложения.

Середина XX века характеризуется стремительным развитием промышленности и технического прогресса. Это формировало определенный заказ литературе: показать сильные характеры, способные выступать «локомотивами» производственного и технологического прорыва. Это неизбежно заставляло делать акцент на социальнозначимых качествах персонажа и уводило в «тень», на дальний план его обычные, вечные чувства и ощущения. Это, в свою очередь, вело к стандартизации литературных героев, поскольку по большому счету перед ними ставились одни и те же задачи, и действовали они в одних и тех же исторических условиях. Массовость бытования таких героев в газетных очерках, радио- и телерепортажах, в художественных текстах вела к возникновению шаблонных описаний, объяснений, характеристик.

Судя по всему, Елена Криштоф почувствовала необходимость ухода от жанрового шаблона и именно для индивидуализации своей героини подвергла детальной проработке эмоционально насыщенные эпизоды, сосредоточила внимание на ее чувствах, не связанных с «производственной биографией», например, на юношеской любви к мужу.

Стилистика очерка включает как типичные для Криштоф приемы, например, использование сравнений и метонимии, актуализацию авторского «Я» («А я думала, он выбрал ее <...> за милую, кудрявую красоту, за тишину, которая окутывала ее,

как облачком, вроде того пухового платка»), так и довольно редкую в творчестве писательницы эскизность изложения.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что в очерке «Встречи с разведчицей» писательница значительно модифицировала стилистику повествования и заново переосмыслила образ героини, усилив его индивидуальные черты.

В книге «Сто рассказов о Крыме» очень много интересных, «заслуженных» персонажей. Но лишь два биографических сюжета в дальнейшем получили продолжение, трансформировавшись в биографические повести: «Соратники» (1975) – о партизане А. Македонском и «Повесть о верности» (1979) – о В. Козиной.

«ПОВЕСТЬ О ВЕРНОСТИ»

Объемная книга (142 с.) – «Повесть о верности» – вышла в 1979 г. стотысячным тиражом в столичном издательстве «Детская литература» в серии «Герои нашего времени». Напомним, что очерк, составивший брошюру «О Герое Соцтруда В. В. Козиной» (1971), вышел в серии «Люди трудовой славы», и отметим схожесть двух серий, а соответственно – содержательных и идеологических требований к текстам. Поэтому, думается, создавая новую повесть, писательница опиралась на текст очерка 1971 г., но в то же время создавала совершенно новое произведение. Прежде всего новый текст о В. Козиной Е. Криштоф определяет как повесть (в отличие от всех предыдущих повествований о бывшей партизанке, представляющих собой очерки). Объем текста при этом приблизительно в четыре раза превышает размеры наиболее объемного очерка «О Герое Соцтруда В. В. Козиной» (1971 г.). Количество глав доведено до 28 (для сравнения: в очерке 1971 г. было всего 6 глав).

Заметим, что в целом ряде случаев Е. Криштоф «шла по следам» своих прежних повествований и порою целые периоды текста повторила почти дословно. Однако при этом следует признать, что большинство сюжетных элементов и персонажей было существенно переработано. Проиллюстрируем и то, и другое наблюдение.

Из первого очерка о Козиной «Три встречи» (1962) в повесть перекочевывают, хотя и с некоторыми изменениями, эпизоды о работе Козиной на отстающей свиноферме, ее диалог с директором совхоза «Южный» по поводу устройства на работу. Из очерка 1971 г. взяты эпизоды партизанской юности. Из очерка в «Ста рассказах...» в повесть перешли наблюдения автора о личных, сокровенных чувствах и мыслях героини. Из этого же очерка заимствован и вопрос Е. Криштоф о том, когда Козина из рядов исполнителей перешла в ряды творческие. Разгадку индивидуальной силы Козиной она снова объясняет интеллектуальными способностями своей героини и ее готовностью совершенствоваться в разных сферах деятельности и на протяжении всей жизни. Но теперь именно подробное описание «производственной судьбы» В. Козиной служит иллюстрацией тому, как формировалась личность Козиной после войны.

Структура сюжета, выделенные из биографии героини факты все те же, что и в предшествующих очерках. Однако детализация многих биографических фактов значительно усилена, чем и объясняется, во-первых, разросшийся объем нового текста, а во-вторых, увеличившееся число второстепенных персонажей. Отношения

*СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ*

героини с этими новыми персонажами порой становятся основой для мини-сюжетов, составивших в повести отдельные главы. Например, отношения с бригадиром Елизаветой Бибик на птицефабрике «Южная» посвящены 14, 15, 19, 22 главы, с птичницей Александрой Гетьман – глава 11, с главным инженером Георгием Серым – 13 и 19 главы, слесарем-оператором фабрики Владимиром Яциком — главы 23, 24, 27, отношения с директором совхоза «Южный» Георгием Хачирашвили подробно описаны в 10, 17, 25 главах.

Кроме того, некоторые второстепенные персонажи из тех, кого читатель уже встречал в прежних очерках о Козиной, «выписаны» более подробно и более характерно. Например, в очерке «Встречи с разведчицей» директор совхоза «Южный» Георгий Хачирашвили лишь упоминается, в очерке 1971 г. в главе «Ищу не должность – работу» его отношения с Козиной посвящены несколько абзацев, а в повести – уже три главы. Еще один пример: слесарь Ватулев, создавший робота-кормораздатчика, в очерке 1971 г. появляется лишь в одном эпизоде, а в повести Е. Криштоф посвящает ему целую главу.

Важно, что не все этапы жизни В. Козиной получили в повести дополнительную детализацию. Описание ее партизанской юности, напротив, даже немного сократилось по объему. Партизанской жизни посвящены лишь четыре небольшие главы (вторая, четвертая, пятая и «последняя»), часть глав восемнадцатой и двадцать второй, а также некоторые вкрапления в других главах. Причем описаны в основном те эпизоды, которые отражают эмоциональное состояние В. Козиной, характеризуют ее отношения с мужем (знакомство Козиной с будущим мужем, ее переживания в связи с ложным известием о его гибели, эпизод, когда юная Валентина вела ночью партизанскую группу на задание, партизанская свадьба в лесу), но несут мало информации о боевых операциях партизанской войны.

В повести Елену Криштоф явно интересует не столько партизанская история Козиной, сколько ее дальнейшая производственная деятельность, эволюция личности в условиях «трудовых будней» – то есть Е. Криштоф продолжает искать ответ на вопросы, сформулированный еще в «Ста рассказах...»: «Когда <...> мы прозевали, что работа у нее творческая, умственная? Когда она стала творческой? Когда из молчаливого, добросовестного исполнителя Козина превратилась в страстного пропагандиста? В государственного человека, которому важно движение мысли?» [7, с. 367].

Именно этот, «рабочий», этап судьбы раскрывается автором с особой тщательностью. По сути, новое произведение Е. Криштоф можно было бы охарактеризовать как «производственную повесть». Последовательно показан путь героини на трудовом поприще, изображены ее отношения с коллегами и руководством, очень подробно описана техническая сторона производственных процессов, затронута проблема соотношения семейных и рабочих ценностей. Целый «арсенал» художественных средств использован писательницей, чтобы «приподнять», даже романтизировать далеко не романтичный и не очень престижный труд птичницы, открыть в нем творческое и увлекательное начало. Конечно, этот уклон в сторону производственной тематики стал новым, но вполне закономерным решением Е. Криштоф в осмыслении биографии Козиной.

Из очерков в повесть перенесено активное авторское «Я». Писательница настойчиво подчеркивает свое многолетнее знакомство с главной героиней и многими другими персонажами книги. Однако в повести Е. Криштоф решает композиционно выделить «авторский голос»: особенно значительные авторские отступления он снабжает подзаголовком «От автора». Таких озаглавленных отступлений в разных частях повести 9. Как правило, в таких отступлениях Е. Криштоф рассказывает о личном знакомстве с тем или иным героем (что дополнительно акцентирует внимание на документальной основе повествования), описывает собственные впечатления от общения с некоторыми героями и дает оценки их поступкам (что позволяет автору воздействовать на читателя посредством субъективированного мнения о персонаже), рассказывает историю героев (что позволяет разгрузить основное повествование от второстепенных подробностей). Кроме того, маркированные авторские отступления зачастую служат автору в качестве «связки» между главами. Помимо отступлений, обозначенных заголовком «От автора», в тексте присутствует более сотни авторских замечаний, «растворенных» в тексте.

Опираясь на изложенное, можно заключить, что «Повесть о верности» явилась для Е. Криштоф не механической переработкой прежних текстов о В. Козинной, а очередным итогом творческих поисков. Однако читательская реакция на повесть, думается, должна была разочаровать автора. По свидетельству близких знакомых Е. Криштоф – крымских писателей О. Азарьева и Ю. Иваниченко – на творческих встречах писательницы с читателями эта книга никогда не обсуждалась. Почему?

Думается, «Повесть о верности» попросту не смогла найти *своего* читателя. Напомним, что она была опубликована издательством «Детская литература». Это автоматически нацеливало ее на детскую и подростковую аудиторию. Согласно аннотации, книга предназначалась для детей старшего возраста. В соответствии с этим она и рубрицировалась для библиотек (Р2 – по первичной каталогизации, 84.4 – по действующей), то есть попадала в разделы детской литературы и фактически в них растворялась. Реальные примеры: в Джанкойской городской библиотеке за тридцать семь лет было всего две выдачи, первая – в 1985 г., и вторая – в 2006 г., в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке им. И. Я. Франко мы нашли две книги. В отделе основного книгохранения на формуляре также значатся две выдачи: в 1986-м и 2013 г., в подсобном фонде отдела краеведения старый формуляр не сохранился, но на основном значатся четыре выдачи, датированные 2010 г. В Крымской республиканской библиотеке для молодежи — один экземпляр книги; первый формуляр также не сохранился, но на нынешнем зафиксированы три выдачи, последняя датирована 2014 г. По свидетельству библиотекарей, книга популярностью не пользуется и находится в отделах книгохранения.

Содержание книги не могло быть особенно привлекательным для этого круга читателей. Чисто формально повесть, конечно, могла быть «прописана» подрастающему поколению, поскольку имела назидательный характер, показывала позитивные и востребованные эпохой черты характера, настраивала на устремленность к совершенствованию себя и общества. Однако фактически в повести почти не было того, что способно притягивать юных читателей:

**СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ**

увлекательности сюжета, романтических перипетий, приключенческой интриги, экзотических картин, главных персонажей подросткового возраста. Даже военная героика, как уже было сказано, была отодвинута автором на второй план. Образа «Челиты», как называли Козину в партизанском отряде, и нескольких партизанских эпизодов явно недостаточно, чтобы увлечь юного читателя, тем более что эпизоды эти представлены как воспоминания взрослого персонажа.

Трудно себе представить, чтобы Е. Криштоф не сознавала этого несоответствия книги горизонту подростковых читательских ожиданий. Имя Е. Криштоф к тому времени было уже узнаваемо в «Детской литературе». В 1968 г. там вышла повесть «Май, месяц перед экзаменами» [8], в 1975-м – повесть «Соратники» о директоре винсовхоза «Коктебель» М. Македонском и бригадире М. Брынцевой [9]. Е. Криштоф была автором и других произведений, которые вполне могли бы заинтересовать детей старшего возраста, например, повесть «Утро каждого дня» (1963) [12] или сборник рассказов «Солнечный день» (1959) [10], к тому же через несколько лет Криштоф напишет роман о старшеклассниках и их взаимоотношениях с учителями и родителями с элементами детектива в сюжете — «Современная история рассказанная Женей Камчадаловой» (1985) [11], изданный в «Детской литературе», да и те же «Сто рассказов о Крыме». Следовательно, она чувствовала особенности подростковых читательских запросов. Почему же «Повесть о верности» получилась, скорее, взрослой, нежели детской?

Представляется наиболее вероятным, что в данном случае сыграл свою роль «нестыковка» между направлением, которое принял авторский поиск, и спецификой издательства «Детская литература». Перед Е. Криштоф снова возник выбор: либо «подогнать» сюжет о В. Козиной под параметры литературы для подростков, либо подчиниться собственным творческим соображениям и создать о бывшей партизанке произведение в духе «производственного романа» и таким образом ответить на вопросы, поставленные в «Ста рассказах о Крыме»? В результате выбор был сделан в пользу последнего.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные нами очерки и повесть Е. Криштоф, посвященные крымской партизанке, Герою Соцтруда В. Козиной, позволяют проследить эволюцию, которую претерпела биография главной героини в творческом осмыслении писательницы. Во всякий очередной текст о В. Козиной Е. Криштоф привносила не просто новые факты и стилистические приемы, но и обновленный подход в интерпретации послевоенной судьбы бывшей партизанки. От упрощенной констатации той закономерности, что героическое партизанское прошлое человека является залогом его трудовых успехов в мирное время, автор приходит к пониманию того, что не все достижения ветерана в послевоенное время могут объясняться только опытом и закалкой, полученными в боевых условиях. Эта мысль заставила Е. Криштоф в «Повести о верности» сосредоточить внимание на «производственной», послевоенной судьбе В. Козиной, чтобы продемонстрировать те побудительные мотивы, личные качества и те условия «трудового фронта», которые позволили участнице партизанского движения стать Героем Социалистического Труда. По сути, «Повесть о верности» можно охарактеризовать

как «производственную повесть», где последовательно показан путь героини на трудовом поприще, изображены ее отношения с коллегами и руководством, очень подробно описана техническая сторона производственных процессов, затронута проблема соотношения семейных и рабочих ценностей. Опираясь на изложенное, можно заключить, что «Повесть о верности» явилась для Е. Криштоф не машинальной переработкой прежних текстов о В. Козиной, а логическим продолжением творческих поисков, направление для которых было заявлено в «Ста рассказах о Крыме».

Список литературы

1. Вергасов И. З. В горах Таврии. Записки партизана / И. З. Вергасов. – С: Крымиздат, 1955. – 256 с.
2. Вергасов И.З. Крымские тетради: Роман-хроника / И. З. Вергасов. – М: Современник, 1978. – 445 с.
3. Вергасов И.З. Останется с тобою навсегда / И. Вергасов. – М: Сов. писатель, 1979. – 304 с
4. Гром'як Р. Т., Ковалів Ю. І., Теремко В. І. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І., Ковалів, В. І., Теремко. – К.: ВЦ «Академія», 2007. – 752 с. (Notabene).
5. Криштоф О. Герой Соціалістично Праці В. В. Козіна. / О. Криштоф – С: Крим, 1971. – 70 с.
6. Криштоф Е. Г. Повесть о верности / Е. Г. Криштоф. – М: Детская литература, 1979. – 142 с.
7. Криштоф Е. Г. Сто рассказов о Крыме. / Е. Г. Криштоф. – 2-е изд. – С: Таврия, 1985. – 381 с.
8. Криштоф Е. Г. Май, месяц перед экзаменами: повесть / Е. Г. Криштоф. – М: Детская литература, 1967. – 111 с.
9. Криштоф Е. Г. Соратники: докум. повесть / Е. Г. Криштоф. – М.: Детская литература. 1975. – 142 с.
10. Криштоф Е. Г. Солнечный день / Е. Г. Криштоф. – С.: Крымиздат. 1959. – 115 с.
11. Криштоф Е. Г. Современная история, рассказанная Женей Камчадаловой / Е. Г. Криштоф. – М.: Детская литература. 1985. – 174 с.
12. Криштоф Е. Г. Утро каждого дня: повесть [Для детей средн., и старш. шк. возраста] / Е. Криштоф – С: Крымиздат, 1963. – 115 с.
13. Криштоф Е. «Три встречи»: очерк / Е. Криштоф – Правда Украины, № 83 (6102), 1962. – 4 с.
14. Степанов Е. Партизанскими тропами / Е. Степанов – С: Крымиздат, 1951 – 304 с.
- 15.

THE STORY OF VALENTINA KOZINA IN THE WORKS E. KRICHTOF: FROM FEATURE ARTICLE TO NOVELS

Makarenko S. I.

In 1978 came out (in 1985 republished) book Krichtof E. «One hundred stories about the Crimea», which was the result of serious creativity and local history research. This book is well known to readers and is seen as the best edition E. Krichtof about the Crimea. It describes people with a unique destiny and collected some interesting facts about the history of the peninsula and its present. The extraordinary success of this book, makes us penetrate into the creative laboratory of E. Krichtof and an example of one of the subjects to find out the algorithm of the author with the materials that formed the basis of this publication. In this article, we will restore the "destiny" of a hundred stories - on the Crimean partisan Valentina Kozina.

By biography V. Kozina Krichtof applied repeatedly, and each time the story of the partisan changed and the volume and composition and in terms of artistic techniques used by the author, and genre. In this article we have traced the transformation of a genre scene of Valentina Kozina in the works of E. Krichtof and found the conditionality of this fact the author of creative settings. A comparative analysis of these texts, identify the cause of the evolution of the genre scene of Kozina, we established a link between genre modifications of the plot and used in this creative solutions writer. Particular attention is paid to the historical features of the time and place of publication, have a serious impact on the individual refractive story about Kozin in the works of E. Krichtof.

Considered essays and the novel E. Krichtof dedicated Crimean partisan, hero of Socialist Labor V. Kozin give an idea of the creative research of the author. By way of Kozina writer appealed four times and each time has changed the narrative style, again reinterpreting the image of the heroine, increasing its individual character traits. Long term personal acquaintance with the heroine of the author allowed to show highlights of her life, and carefully choose the facts for the story. Note that in the first two essays E. Krichtof

**СЮЖЕТ О ВАЛЕНИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ:
ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ**

masterfully creates a portrait of Valentina Kozina, aptly points out details that are able to fully reveal her strong character, an important place in the text took a partisan youth, but already in the essay «Meetings with Scout» to the fore out feelings and personal experiences of the heroine.

In «The Story of Loyalty» E. Krichtof several shifts focus from partisan youth of the heroine on her career. It shows the evolution of the person in the conditions of production. It is this phase of the fate is revealed by the author with the utmost care. In fact, the new work of E. Krichtoph can be described as «production novel». Consistently shows the path of the heroine in the labor field, depicted her relationship with colleagues and management, described in great detail the technical side of the production processes, affected by the ratio of family and work values. Based on the above, we can conclude that «The Story of Loyalty» was for E. Krichtof not mechanically processing the previous texts of V. Kozina, as another result of creative search.

Keywords: E. G. Krichtof, sketch «Meet the Scout», «A Tale of fidelity», a genre particularly.

References

1. Vergasov I. Z. In the mountains of Taurus. Notes partisan / Z. I. Vergasov. – Crimestat, 1955. – 256 p.
2. Vergasov I. Z. Crimean notebook: a novel-chronicle / Z. I. Vergasov. – M: Sovremennik, 1978. – 445 p.
3. Vergasov I. Z. will Stay with you forever / I. Vergasov. – M: Owls. writer, 1979. – 304 p.
4. Gromyak R. T., Kovalev Yu. I., Teremko, V. I. Laracroftnude wordlist-dougnac / R. T. Gromyak, Yu ., Kovalev, V. I., Teremko. – K: VC «Academy», 2007. – 752 p. (Notabene).
5. Krichtof O. Hero Socastee Pratsi Valentina Kozina. / O. Krichtof – Krim, 1971. – 70 p
6. Krichtof E. G. a Tale of loyalty / E. G. Krichtof . – M: Children's books, 1979. – 142 p.
7. Krichtof E. G. a Hundred stories about the Crimea. / E. G. Krichtof . – 2nd ed. With: Taurus, 1985. – 381 p.
8. Krichtof E. G. May, a month before exams: a novel / E. G. Krichtof . – M: Children's literature, 1967. – 111 p.
9. Krichtof E. G. Colleagues: Doc. novel / E. G. Krichtof . – Children's literature. 1975. – 142 p.
10. Krichtof E. G. Sunny day / E. G Krichtof . – P: Crimestat. 1959. – 115 p.
11. Krichtof E. G Modern story told Zhenya Kamchadalov / E. G. Krichtof . – Children's literature. 1985. – 174 p.
12. Krichtof E. G. Morning of each day: a novel [For children middle., and senior. SHK. age] / E. Krichtof – From: Crimestat, 1963. – 115 p.
13. The Krichtof E. "Three meetings": an essay / by E. Krichtof – the Truth of Ukraine, № 83 (6102), 1962. – 4 p.
14. Stepanov E. Guerrilla trails / E. Stepanov – From: Crimestat, 1951 – 304 p.

ТВОРЧЕСТВО ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «ПОЛУОСТРОВ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

Мокренцов Д. С., Резрут С. Н., Лутов В. А.

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», Ялта
e-mail: legora@list.ru*

В статье представлены основные периоды творчества Крымских писателей группы «полуостров». Рассмотрены главные интересы и направления изучения группой «Полуостров» геопозтики и основ Крымской мифологии.

Ключевые слова: постмодернистская культура, геопозтика, культурный полигон, мифология Крыма, лингвистическое пространство.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения на рубеже XX-XXI веков, названные в лингвистике «взрывом», коснулись и поэтического языка современной литературы.

Современная русская поэзия существенно расширяет художественное пространство, активно пополняясь новыми именами и формами выражения, экспериментируя с поэтическим языком, что связано с изменениями в общественной жизни России в конце 1980-х годов: реконструкцией модели политической власти, отказом от диктата идеологической критики, модернизацией издательской системы, утверждением значимости компьютерных технологий и сети Интернет в современном литературно-художественном пространстве; именно в этот период российский читатель получил возможность знакомства с произведениями отечественной литературы (не только официальной, но и неофициальной, эмигрантской), в том числе поэтическими, в различных формах ее существования.

Исследованием творчества литературной группы «ПОЛУОСТРОВ» занимались Е. Дайс, И. Н. Иванова, Г. Кацов и др. исследователи, которые пытались показать различные стороны поиска новых решений. Актуальность исследования заключается в осмыслении творческих путей литературной группы «ПОЛУОСТРОВ», что является важным заданием современных исследователей.

Целью статьи является анализ возникновения фонетических поэтических неологизмов, образованных окказиональным слиянием слов, слогоразделом и строкоразделом.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В июне 1992 года в Керчи была создана крымско-московская поэтическая группа «Полуостров». В неё вошли крымчане Андрей Поляков, Игорь Сид, московские поэты Михаил Лаптев, Николай Звягинцев и Мария Максимова. Литературная группа стала инициатором проведения в Крыму (в Керчи и на острове Тузла в 1993-1995 годы) «Боспорского форума современной культуры» с участием Василия Аксёнова, Владимира Войновича, Ивана Жданова, Николая Звягинцева, Фазиля Искандера, Тимура Кибирова, Дмитрия Кузьмина, Алексея Парщикова,

**ТВОРЧЕСТВО ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «ПОЛУОСТРОВ» В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ**

Льва Рубинштейна, Евгения Сабурова и других известных русских литераторов. Молодёжь устраивала художественные акции и хешпенинги. Стержневая идея программы – преобразование Крымского полуострова в «мировой культурный полигон», т.е. в арену для апробирования и диалога наиболее интересных и продуктивных художественных идей. Центральной идеей группы стала геопэтика – поэтика пространственных образов, преобразующая творческая работа с ландшафтно-территориальными образами, мифами. Исходя из первичного значения греческого слова *миф* – рассказ – А. Поляков и И. Сид создают современную мифологию Крыма – перводействие, перворассказы, предназначенные лечь в основу новой культурной памяти полуострова.

А. Г. Поляков (1968 г. р.) окончил филологический факультет Симферопольского государственного университета. Работал журналистом, преподавал гуманитарные дисциплины, в 1997-1998 был главным редактором крымского дайджеста российской литературной периодики «Толстый журнал», созданного под эгидой Русского Пен-центра. Проживает в Симферополе.

Его стихотворения напечатаны во многих литературных журналах, но чаще всего встречаются в изданиях «Новая юность», «Митин журнал», «Знамя», а также в альманахе «Вавилон». Они переводились на французский, английский, немецкий, итальянский, болгарский и украинский языки. А. Поляков – автор 6 поэтических книг: «Epistulae ex Ponto» (1995), «Орфографический минимум» (2001), «Для тех, кто спит» (2003), «Китайский десант» (2010), «Письмо» (2013), «Америка» (2014). Лауреат первого конкурса имени М. Волошина в номинации «Тексты о Крыме», стипендиат Фонда памяти Иосифа Бродского (2007), лауреат премии А. Белого (2011), весной 2014 г. получил «Русскую премию» и премию «Парабола».

Стихотворения А. Полякова напоминают поэзию акмеистов четко очерченной метрикой и понятной риторической основой, как у А. Ахматовой и Н. Гумилёва. Произведения имеют философский подтекст, но это не лишает их, как считают литературные критики, музыкальности, пластичности и лёгкости. Лирический герой, располагающийся на краю двух традиций, двух ойкумен – средиземноморской и русской – размышляет о течении истории, о магнетизме крымской земли, где переплетены судьбы разных народов, о жизни языка. Тема Крымского полуострова для Полякова, как пишет Е. Дайс, неразрывно связана с темой русского языка. А пространственные перемещения для автора – всего лишь необязательная метафора настоящей жизни, т.е. непредсказуемого движения внутри многомерного лингвистического пространства: «В черной капсуле речи летел я над Крымом вечерним...». Крым как аллегория русского языка, русский язык как аллегория жизни... В этом и состоит интереснейший проект А. Полякова сегодня – отождествление себя (лишь отчасти шизофреническое) с Русским Языком. Превращение автора в ходячий орган «родной речи» – феномен и уникальный, и архетипический по своей природе [2].

Игорь Сид (Игорь Олегович Сидоренко, 1963 г. р.) родился в Джанкое, сейчас проживает в Москве. В 1985 г. окончил биологический факультет Днепропетровского государственного университета. С 1995 г. по настоящее время – создатель и куратор Крымского клуба в Москве (Крымский геопэтический клуб), в рамках которого провел около 300 различных культурологических акций в России и

в Украине. Редактор интернет-проекта Liter.net, обозреватель культуры газеты «Лига наций». В 2011 возобновил в Крыму работу Боспорского форума современной культуры. С 2000 г. по настоящее время – инициатор, организатор и участник многих медиа- и культурных проектов, посвящённых вопросам российско-африканского сотрудничества. Член Русского Пен-клуба.

Первые поэтические публикации – с начала 1980-х (публикации в московской газете «Гуманитарный фонд», позже в сборниках и антологиях, в том числе «Полуостров» (1997), «Строфы века» (1997), «Самиздат века» (1998), «Кордон» (2009), «Полярная антология» (2010).

С конца 2000-х экспериментирует в области верлибра. Первый сольный сборник «Коварные крымцы (Восемь с половиной поэм)» 2011 года отмечен премией «Нонконформизм-2012». Автор представляет на суд читателей случаи из жизни крымских персонажей: поэтов и работников киноиндустрии, биологов, собирающих для фармацевтов яды крымской живности, и практикующих экстрасенсов. Их судьбы драматичны, а настроения, как правило, восторженны под стать морю. Герои Сида – неустроенные, но вдохновенные. Единичные, экстравагантные на грани, иной раз, фантастичности – как раз такие (и истории, и персонажи) становятся мифообразующими. Поэтому и своеобразен и поэтический язык цикла: «Речь забирается сюда во всех своих, какие случатся, состояниях: просторечия и вульгаризмы; словечки из научного идиолекта; скрытые – настолько вросшие в язык, что не нуждаются ни в каких кавычках – цитаты из расхожих текстов советской и постсоветской культуры. И всё это держат вместе и замешивают в одно варево ирония, игра, буффонада – занятия на самом деле серьёзнейшие, потому что – вышибающие предметы из старых лунок, из прежних инерций. И заставляющие их искать новые связи» [1].

В своих произведениях И. Сид размышляет о взаимоотношении пространства и времени в современном мире: первое становится важнее второго. В течение предыдущих эпох исторический ракурс считался важнее географического. Ныне же новые дисциплины, доктрины и движения – геопэтика, метагеография, биогеоэкология, экология и т.д. – смещают акценты, по мнению автора, в сторону «пространственного поворота». Считает, что роль литератора сейчас возрастает: он становится проводником, гидом по известным ему территориям и ландшафтам [3, с. 55-60].

ВЫВОДЫ

Итак, что же объединяет обоих крымских авторов группы «Полуостров»? Прежде всего, поэтические размышления о реальности политической, социальной, культурной. Они свободно чувствуют себя в океане мировой культуры, их поэзия рассчитана на интеллектуального читателя, их творчество, иногда «на грани нормы и безумия» (Е. Дайс), отражает современные тенденции посмодернистской культуры. Их «игра в слова» (А. Поляков) – яркий пример поиска индивидуально-авторского стиля в океане литературных инноваций.

Список литературы

1. Балла Гертман О. Ради пары циклопических жестов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/24445663.html>
2. Дайс Е. Переизбыток писем на воде. Крым в истории русской литературы. / Е. Дайс, И. Сид – НЕВА 3'2011. – С.155–183 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nevajournal.ru/upload/file/3-2011.pdf>
3. Сид И. Уголки шара: задача для Homo vagabundus. Введение в геопэтику. Антология / И. Сид; науч. ред. Е. Дайс. М. : АртХаус медиа; Крымский клуб, 2013 – 368 с.

**THE CREATIVITY OF LITERARY GROUP «POLUOSTROV» IN THE CONTEXT OF
CONTEMPORARY POSTMODERN POETRY**

Mokrentsov D. S., Regrut S. N., Lytov V. A.

The article presents the main work periods of the Crimean writers group «Poluostrov». Its main interests and areas of studying in geopoetics and Crimean mythology.

Keywords: postmodern culture, geopoetics, cultural range, Crimean mythology, linguistic area.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОВНИХ ОСОБЛИВОСТЕЙ ТВОРЧОСТІ ІВАНА ФРАНКА І ЛЕСІ УКРАЇНКИ У РОЗДУМАХ МАКСИМА РИЛЬСЬКОГО

Пелипась М.І.

*Таврійська академія (структурний підрозділ)
Кримського федерального університету ім. В.І. Вернадського, Сімферополь
e-mail: legora@list.ru*

В статті розглянуто погляди Максима Рильського на особливості мови і стилю Івана Франка і Лесі Українки. Проаналізовано міркування видатного вченого-мовознавця щодо значення творчості вищезгаданих поетів в оновленні та збагаченні виразально-зображальних можливостей української літературної мови, а також простежено характеристику М. Рильським ставлення Каменяра до формування єдиної («соборної») української літературної мови, неперевершеної мовної палітри творчості Лесі Українки, її внеску у розвиток і шліфування виразальних можливостей рідної мови.

Ключові слова: діалекти, наріччя, синтаксис І. Франка, форма і зміст художнього твору, перекладач слов'янських поетів, виразально-зображальні можливості поетичної мови, система наголосів Лесі Українки.

ВСТУП

Актуальність дослідження зумовлена недостатністю комплексного вивчення наукової діяльності М. Рильського щодо мовних особливостей творчості Івана Франка і Лесі Українки.

Мета роботи полягає в аналізі наукової спадщини М. Рильського та висвітлення його практичних порад. **Об'єктом дослідження** є лінгвістична, публіцистична спадщина М. Рильського. **Предметом дослідження** є виявлення та оцінка на основі вивчення праць, окремих висловлювань М. Рильського щодо значення творчості Івана Франка і Лесі Українки в оновленні та збагаченні виразально-зображальних можливостей української літературної мови.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

М. Рильський відводив надзвичайно велике значення використанню виразально-зображальних можливостей слова в літературно-художній творчості і мовній майстерності письменника. І найбільший інтерес щодо місця та ролі в історії літературного процесу й української літературної мови ХІХ – початку ХХ століть у роздумах М. Рильського викликають (після Тараса Шевченка) постаті Івана Франка і Лесі Українки.

До аналізу ролі І. Франка в розвитку української літературної мови письменник-академік звертається у великій статті „Іван Франко – майстер художнього слова” (1956 р.), а також у низці інших статей як літературознавчого, так мовознавчого спрямування, у відгуках про кандидатські дисертації. У комплексі проблем „Франко і українська мова” М. Рильський виділяє такі аспекти: ставлення Каменяра до формування єдиної („соборної”) української літературної мови і його практична робота в цьому напрямі, мовностилістичні особливості творчості І. Франка, І. Франко про мову українських письменників, І. Франко і український фольклор, І. Франко як перекладач.

**ХАРАКТЕРИСТИКА МОВНИХ ОСОБЛИВОСТЕЙ ТВОРЧОСТІ ІВАНА ФРАНКА І ЛЕСІ
УКРАЇНКИ У РОЗДУМАХ МАКСИМА РИЛЬСЬКОГО**

М. Рильський неодноразово відзначав прагнення І. Франка, який, як і інші українські письменники того часу, що жили в межах Австро-Угорської імперії, був змушений творити відірвано від основної частини українських земель, до єдності із „наддніпрянською” культурою та мовою, до наближення мови своїх творів до „східноукраїнської” літературної мови: „Говорячи про Франка, слід пам’ятати, що сучасна йому літературна мова Західної України була під сильним впливом польської та німецької мови. Але він орієнтувався на таких майстрів слова, як Котляревський, Шевченко, Марко Вовчок. Повчально простежити, як протягом своєї літературної діяльності все більше й більше очищав поет свою мову від елементів “наріччя”, від діалектизмів, наближаючи її до класичної мови Шевченка, до мови Старицького, Руданського, Грабовського, Лесі Українки, Панаса Мирного, Карпенка-Карого”; „Іван Франко... відчував як ніхто з його західноукраїнських сучасників єдність України Наддністрянської з Наддніпрянською Україною” [8, т. 12, с. 227-228, 216]. В іншій праці М. Рильський пише як про характерне в цьому зв’язку явище про редакторську роботу письменника над текстами своїх творів: “Особливо вартим уваги здається мені розгляд редакційної роботи Франка над виданнями „Ліса Микити” як яскравий приклад боротьби в літературній практиці самого Франка за наближення до загальнолітературної української мови” [8, т. 16, с. 428]. Звичайно, погляди І. Франка щодо особливостей творення єдиної української літературної мови на певній діалектній основі були, як відомо, дуже відмінними в різні періоди його творчості, і його характеристика в цьому плані М. Рильським стосується вже переважно періоду цілком „зрілого Франка”. У відомій же мовній дискусії 90-х років, як відзначають історики літературної мови, „Франко виступив був проти надання переваги в українській літературній мові східноукраїнським елементам”; „Галицькі автори супроти цього висували... тезу про те, що всі українські говори мають право на використання їх в літературній мові (І. Франко: „Народ з його мовою, звичаями й творчістю, не сходячи з спільної української основи, все-таки проявляє багато відтінків, котрих годі не бачити, на котрі тяжко гніватися. Ані знівечити, ані замазати тих відтінків не можна, та чи й треба?..”)” [11, с. 153, 164, пор. також с. 166].

Однак для того, щоб мати повніше уявлення про ставлення М. Рильського до мовних особливостей Франкової творчості, слід також мати на увазі й таке його зауваження: „Зазначу..., що при всій моїй безмежній повазі до геніального Каменяра я не можу вважати його мову бездоганно чистим джерелом” [8, т. 16, с. 316].

Як підкреслює М. Рильський, „Франко був свідомий художник, свідомий у своїй роботі, як навіть не всі великі поети, він розумів безмежну силу слова, могутньої зброї людини-творця, людини-борця. У „Посвяті” до „Лісової ідилії” він проголосив:

...Слова – полова,
Але огонь в одежі слова –
Безсмертна, чудотворна фея,
Правдива іскра Прометея” [8, т. 12, с. 219].

Дослідник вважав І. Франка не просто майстром художнього слова [8, т. 12, с. 215], а справжнім новатором у використанні мовностилістичних засобів і взагалі виражально-зображальних можливостей української мови, в увазі до художньої

форми. М. Рильський відзначає, що цей аспект Франкової творчості поки що мало привертає до себе увагу дослідників: „Цікаво, до речі, що майже всі, хто говорить про мову Франка, не звертають достатньої уваги на безперечне багатство його лексики, на гнучкість його могутнього синтаксису” [8, т. 12, с. 228]. До такої констатації стану справ у цій ділянці вітчизняної лінгвостилістики приєднується й інший дослідник мови і стилю українських письменників І. К. Білодід: „Якщо перше положення (про єдність мови) знайшло своє певне висвітлення в українському мовознавстві, то друге – про мову прози Франка, її, як говорив Рильський, стилістичну стриманість, ясність, про могутній синтаксис Франка, що відіграв величезну роль у вдосконаленні, „змужнінні”, зрілості, у виробленні фундаментального синтаксису української літературної мови взагалі, зокрема художньої, наукової, публіцистичної прози, а також про мову його філософської, психологічної і глибокої інтимної поезії, – ще зовсім недостатньо розроблене. Воно становить одну з важливих проблем мовознавства, і сформулював її М. Рильський” [1, с. 261]. „...Франко..., – відзначає М. Рильський, – приділяв дуже велику увагу питанням художньої форми – досить згадати хоч би високоінтересну статтю „Із секретів поетичної творчості”, а також серію не перевершених досі студій про Шевченка [8, т. 12, с. с. 216] і пише далі: „Зауважу при цьому, що у використуванні Франком, як і Лесею Українкою, і Самійленком, канонічних форм треба бачити не так данину традиції, як свідоме новаторство, збагачення українського поетичного слова випробуваною віками зброєю”, наводячи відомі рядки поета про його творче кредо щодо взаємовідношення форми і змісту в художньому творі:

„Тій формі й зміст най буде відповідний;

Конфлікт чуття, природи блиск погідний

В двох перших строфах ярко розвертаєсь” [8, т. 12, с. 227].

М. Рильський, характеризуючи Каменяра як майстра і новатора у використанні різних поетичних жанрів і форм, полемізує з тією думкою, що її дотримувався в минулому дехто з критиків, „ніби віршувальна техніка Франка важкувата, ніби був він не поетом „чистого” натхнення, що породжує легкі, мелодичні, прозорі рядки, а майстром, що з величезними труднощами переборює матеріал, мало не ремісником. Це – невірно. Франкові-Каменяреві, звичайно, не легко було писати вірші у незвичних для української тогочасної мови формах; була ця мова – мармур прекрасний, та не оброблений, і труд автора поетичного „Мойсея” подібний був до труда автора „Мойсея” скульптурного. Палкий і невтомний Франко нагадував палкого і невтомного Мікеланджело” [8, т. 12, с. 226-227].

Звертаючись до теми використання І. Франком мови джерел українського фольклору, дослідник, підкреслюючи, що „у своїй поетичній творчості він весь час повертався до української пісні, занурюючись в її стихію, як у животворний, відсвіжний потік” [8, т. 12, с. 220], одночасно застерігає проти розуміння цього як звичайної стилізації під фольклор [8, т. 12, с. 221]. М. Рильський привертає увагу до необхідності „ширше спинитись на зв'язку Франкових обробок народноказкового матеріалу з усесвітньовідомою роботою братів Грімів” [8, т. 16, с. 428].

Про те, як високо оцінював академік діяльність І. Франка як перекладача на українську мову творів світової класики, можна судити хоча б з того, що серед його критичних зауважень до курсу історії української літературної мови є, зокрема, й

таке: „У розділі, де мова йде про зв'язки української літератури з літературами зарубіжних слов'ян, треба було б хоч трохи докладніше сказати про Івана Франка як перекладача польських, чеських та інших слов'янських поетів” [8, т. 16, с. 454]. Однак М. Рильський, як об'єктивний дослідник, бачив і недоліки в перекладацькій діяльності Каменяра, вважаючи, що не слід замовчувати цей аспект як поетової творчості, так і в цілому розвитку вітчизняної перекладацької справи та української літературної мови: „...дисертант [про В. В. Коптілова. – М. П.] подекуди „завищує” оцінку Франкових перекладів, як роблять це і деякі інші наші сучасники. Франко остільки великий, що ми сміливо, навіть беручи до уваги історичні умови, можемо визнати невдалість багатьох перекладів Франка, – зокрема із Пушкіна. Годиться при цьому, певна річ, пам'ятати, що пушкінську драматургію перекладав Франко уже тяжко хворий...” [8, т. 16, с. 342].

Характеризуючи місце літературної творчості Лесі Українки в історії української літературної мови (у статтях „Лірика Лесі Українки”, „Слово про Лесю Українку”, у „Відзиві про дисертацію І. С. Олійника „Синоніміка в поезіях Лесі Українки” та ін.), М. Рильський надзвичайно високо оцінює її внесок у розбудову і шліфування виражальних можливостей рідної мови: „Аналіз мови самої лише, скажімо, Лесі Українки, яка так геніально сміливо розсувала рамки літературної мови, міг би бути предметом цілого дослідження” [8, т. 16, с. 453]; „...мова Лесі Українки – одна з найбагатших в українській літературі”; „...йде мова про редакційну роботу поетеси над своїми творами, про вибір нею того чи іншого слова з певного синонімічного ряду, – вибір, продиктований міркуваннями ідейно-естетичного порядку. Тут з особливою наочністю виступає творча свідомість Лесі Українки, її вимогливість до себе і до свого слова, яке любила вона порівнювати зі зброєю, з крицею, з мечем” [8, т. 16, с. 437].

Звертаючись до конкретніших аспектів мовної палітри творів поетеси, дослідник, зокрема, привертає увагу, як до її улюблених виражально-зображальних засобів, – до розширення значення слова, вміння „давно вживаному слову надавати нового відтінку, суто конкретне слово переводити у сферу абстрактних категорій”. І тут же вчений наводить приклад: „І *блідне* пам'ять, і обличчя *блідне*”, – каже хтось із її героїв. Бачимо двічі вжите дієслово “бліднути” – у значенні буквальному і в переносному – в одному рядку.

...де візьметься
У птиці віщої *коханий* погляд
Голубки, що воркує?

Коханий, – зауважує М. Рильський, – у Грінченковому словнику: *любезний, мильй, любимый, дорогой*. А тут, очевидячки, – *закоханий, залюблений*, чи що. Лесі Українці вжити тут слово *коханий* порадив, очевидно, віршовий розмір, – і спасибі йому, коли він збагачує мову” [8, т. 16, с. 191]. Іншим семантико-стилістичним засобом, до якого також удавалася Леся Українка, є, за М. Рильським, „створення нового слова, за законами мови, з готових у мові елементів. Наведемо приклад також з творів Лесі Українки:

В той час, як ти оці квітки з гранати
У кучері влітала. Гектор наш
Думливу голову шоломом зброїв.

У Грінченка слова „думливий” нема, є „думний” із двома значеннями: 1) задумчивий, мислящий; 2) гордий. Ясно, що Леся Українка взяла друге значення і за допомогою суфікса утворила слово, яке відповідає слову – гордовитий, звучить дуже добре й природно і надає фразі потрібного колориту” [8, т. 16, с. 382]. Письменник характеризує Лесю Українку як майстра творення неологізмів: „Поетична музикальність іде від гострого і тонкого відчуття слова. Це відчуття було надзвичайно розвинене у Лесі Українки, яка прекрасно знала літературу і народну мову і з надзвичайною легкістю та одночасно з великим тактом творила, в разі художньої потреби, неологізми, які здавалися абсолютно природними, такими, що нібито давно побутували у житті, словами” [8, т. 12, с. 164], відзначає її вміння добирати влучні епітети: „Не вишукуючи нарочито оригінальних епітетів, Леся зате раз у раз давала епітети надзвичайної влучності й тонкості: „*буря ясноока*”; „*рудий хамсін*”; „*у жовтій та сліпучій млі*”; „*біловійний туман*”; „*злато-багряна верба*” (восени)” [8, т. 12, с. 164].

Письменник не оминув увагою особливостей мови творів Лесі Українки також з погляду їх відповідності нормативним засадам української літературної мови. Так, він неодноразово спинявся на особливостях наголошування слів у мові її поезій, наприклад: „Можуть сучасного читача збентежити й деякі незвичні тепер наголоси у Лесі Українки. Деякі з них можна пояснити молодістю автора, технічною недосвідченістю (рідній, самотній, душній, світівий, давніна – у циклі „Подорож до моря” року 1888-го), а також, може, впливом волинської говірки. Проте ряд наголосів, що розходяться з нормативами сучасної літературної мови, вживала Леся Українка досить послідовно все своє життя. Над цим слід було б задуматися нашим лінгвістам” [8, т. 12, с. 163]; „Відзначу в дужках, що наголоси у Лесі Українки частенько розходяться з загальноживаними. Система її наголосів – бо це таки система – могла б бути дуже цікавою темою для наукової розвідки” [8, т. 16, с. 447-448]; у його зауваженнях до матеріалів УРС-6, робота над яким тоді ще тільки тривала: „...Приклад з Лесі Українки рясний незвичайними наголосами: *язіком, міста* (не *міста*), *розповідь*. Може б, дати інший приклад?” [Мистецтво..., с. 302].

ВИСНОВКИ

Отже, у комплексі проблем „Франко і українська мова” М. Рильський виділяє такі аспекти: ставлення Каменяра до формування єдиної („соборної”) української літературної мови і його практична робота в цьому напрямі, мовностилістичні особливості творчості І. Франка, І. Франко про мову українських письменників, І. Франко і український фольклор, І. Франко як перекладач. Дослідник неодноразово звертався до розгляду мовної палітри творчості Лесі Українки, підкреслюючи її внесок у розвиток і шліфування виражальних можливостей рідної мови.

Список літератури

1. Білодід І. Дослідник скарбів рідної мови // Рильський М. Ясна зброя / І. Білодід. – К. : Радянський письменник, 1971. – С. 255 – 276.
2. Грицютенко І. Є. І. Франко і питання теорії художньо-образного мовлення / І. Є. Грицютенко // Мовознавство. – 1985. - № 2. - С. 23 – 28.
3. Керницький І. М. Іван Франко як мовознавець / І. М. Керницький // Українська мова в школі. – 1956. - № 3. – С. 35 – 39.
4. Ковалик І. І. Наукова лінгвістична проблематика в працях Івана Франка / І. І. Ковалик // Іван Франко : Статті і матеріали. – Львів : Вид-во Львів. ун-ту, 1965. – 36. 12. – С. 113 – 121.
5. Корнієнко Н. П. Художня мова українських письменників XIX – початку XX століття в оцінці Івана Франка // Іван Франко : Статті і матеріали. – Львів : Вид-во Львів. ун-ту, 1955. – 36. 4. – С. 150 – 171.
6. Матвіяс І. Внесок Івана Франка в українську літературну мову / І. Матвіяс // Українська мова. – 2002. – № 1. – С. 71 – 77.
7. Панько Т. І. Мова і нація в естетичній концепції І. Франка : Монографія / Т. І. Панько. – Львів : Світ, 1992. – 197 с.
8. Рильський М. Зібрання творів у двадцяти томах / М. Рильський. – К. : Наукова думка, 1983 – 1990.
9. Статєєва В. І. Світоглядно-мовна концепція українських письменників кінця XIX – початку XX ст. (На матеріалах спадщини М. Коцюбинського, Лесі Українки, Б. Грінченка) : Автореф. дис. д-ра філол. наук / В.І. Статєєва. – Ужгород, 1998. – 44 с.
10. Українка Леся. Зібрання творів : В 12 т. / Леся Українка. – К. : Наукова думка, 1978. – Т. 10. – 543 с.
11. Чапленко В. Історія нової української літературної мови (XVII ст. - 1933р.) : Монографія / В. Чапленко. – Нью-Йорк, 1970. – 448 с.

**Характеристика языковых особенностей творчества Ивана Франко и Леси Украинки в
размышлениях Максима Рильского**

Пелипась Н.И.

В статье рассмотрены взгляды Максима Рильского на особенности языка и стиля Ивана Франко и Леси Украинки. Проанализировано размышления ученого-языковеда относительно значения творчества вышеупомянутых поэтов в обновлении и обогащении выразительно-изобразительных возможностей украинского литературного языка, а также отслезено характеристику М. Рильским отношение Каменяра к формированию единого («соборного») украинского литературного языка, непревзойденной языковой палитры творчества Леси Украинки, ее вклада в развитие и шлифование выразительных возможностей родного языка.

Ключевые слова: диалекты, наречия, синтаксис И. Франко, форма и содержание художественного произведения, переводчик славянских поэтов, выразительно-изобразительные возможности поэтического языка, система ударений Леси Украинки.

**Characteristic linguistic properties OF THE WORKS OF IVAN FRANKO AND LESIA
UKRAINKA in MAXIM RYLSKY thoughts**

Pelipas M.

Various aspects of the activity of M. Rylsky in the field of theoretical and practical linguistics have already become a subject of research in scientific, popular scientific and scientific biographical works of such scientists as I.K. Beloded, I.O. Ilienکو, L.O. Stavitskaya, O.I. Biletsky and others. This article presents the points of view of Maxim Rylsky on language features and style of Ivan Franko and Lesya Ukrainka. There were analyzed the thoughts of the scientist-linguist relative to the meaning of creative works of the above poets in the renewal and enrichment of expressing and visual capabilities of the Ukrainian literary language, and also there was detected M. Rylsky characteristic of Kamenyar attitude to the formation of the unified ("cathedral") Ukrainian literary language, of the excellent language palette of creative works of Lesya Ukrainka, her contribution to the development and fine-tuning of expressive possibilities of native language.

Keywords: dialects, parlanges, syntax of I. Franko, form and content of a work of art, translator of Slavic poets, expressive and visual possibilities of poetic language, stress pattern of Lesya Ukrainka.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 37.026.6

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТРИНСИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аржанцева Т. В., Османова М. Р.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: atana@i.ua; mavile.osmanowa@yandex.ru*

В научно-методической статье уточняются понятия «экстринсивная и интринсивная мотивация», рассматриваются мотивы обучения русскому языку, раскрываются основные условия успешного обучения, предлагается проблемно-диалогический подход к ознакомлению обучаемых с правилами правописания корней с чередующимися гласными, который соответствует важнейшим направлениям в реализации требований Федерального государственного образовательного стандарта.

Ключевые слова: мотивация познавательной деятельности, внутренняя и внешняя мотивация, экстринсивная и интринсивная мотивация, проблемный диалог, побуждающий диалог, подводный диалог, чередующиеся гласные в корне слова, проблемно-диалогическое обучение, технология «открытия» знаний учащимися.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных проблем обучения русскому языку является формирование у школьников мотивации познавательной деятельности.

Без преувеличения можно утверждать, что наиболее острые проблемы в области обучения русскому языку связаны с отсутствием у большинства школьников мотивов к получению прочных теоретических знаний и к формированию на их основе устойчивых правописных навыков. Следствие этого – недостаточный уровень грамотности выпускников муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений. На основную причину такого положения вещей указывал еще В.А. Сухомлинский: «Все наши замыслы, все поиски и построения превращаются в прах, если нет у ученика желания учиться» [6, с. 117].

В данной статье предпринята попытка описать пути разрешения существующей проблемы посредством формирования у школьников внутренней мотивации с помощью организации проблемно-диалогического общения на тему правописания корней с чередующимися гласными.

Предлагаемый авторами подход полностью соответствует важнейшим направлениям в реализации требований Федерального государственного стандарта, что и определяет **актуальность данного исследования**.

В соответствии с обозначенной проблемой, **цели данной статьи** определяются следующим образом:

- выявить условия успешного обучения школьников русскому языку;

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТРИСИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

- определить предпосылки формирования у школьников интринсивной (внутренней) мотивации;
- предложить способы эффективного педагогического воздействия (влияния) словесника на обучающихся в процессе изучения нового теоретического материала.

Научная новизна работы заключается в попытке авторов на примере изучения правописания корней с чередующимися гласными описать наиболее эффективные методические приемы формирования внутренней познавательной мотивации обучаемых посредством организации проблемного диалога.

Практическая значимость данной научной работы состоит в том, что в ней предлагаются конкретные рекомендации по формированию познавательной мотивации учащихся в процессе введения теоретических сведений на уроках изучения правописания чередующихся гласных в корне слова. Реализация данных рекомендаций на практике даст возможность учителям-словесникам сформировать у обучаемых внутреннюю познавательную мотивацию к самостоятельному выявлению условий выбора гласной. Такой подход не дает возможности учителю-словеснику преподносить теоретические сведения в виде готовых формулировок, а побуждает школьников проводить самостоятельные исследования. Использование предлагаемых авторами методических приемов способствует тому, что урок становится интересным, а получаемые на нем теоретические сведения понятными, потому что невозможно не понимать того, о чем ученик догадался самостоятельно.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Отправной точкой исследования стал вывод психолого-педагогических изысканий отечественных и зарубежных ученых о том, что определяющую роль в выборе учителем-словесником конкретных мер педагогического воздействия на обучаемых должно играть выявление характера учебной мотивации школьников и смысла учения.

Мотивация авторами данной научно-методической работы понимается как побуждение к действию. В исследовании она рассматривается как динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека. Поскольку именно мотивация определяет способность человека деятельностно удовлетворять свои потребности, то для успешного обучения русскому языку словеснику необходимо прежде всего пробудить у учащихся познавательный интерес, способствующий формированию потребности к получению знаний и приобретению соответствующих им умений и навыков.

Формирование мотивации к обучению способствует тому, что обучаемые не просто запоминают теоретические сведения, а начинают глубоко осознавать собственную учебную деятельность. Стойкая учебная мотивация содействует развитию внутренней организованности школьников, стимулирует их познавательную активность, способствует устойчивости произвольного внимания.

В научно-методической литературе принято различать внутреннюю и внешнюю мотивацию:

- внешняя (экстринсивная) не связана с содержанием учебной деятельности, но обусловлена внешними по отношению к субъекту

обстоятельствами, например, обещанием какого-либо поощрения в том случае, если обучаемые хорошо усвоят определенные правила и способы действий;

- внутренняя (интринсивная) связана не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием учебной деятельности.

Еще в 50-х годах развернулась дискуссия по поводу того, являются ли потребности единственным источником мотивации. Положительно на этот вопрос отвечали Г.А. Фортунатов, А.В. Петровский, Д.А. Кикнадзе и другие отечественные ученые. Авторы данного научного исследования не утверждают, что человеческие потребности как внутренний фактор – это единственный источник мотивации, но придерживаются того мнения, что внутренняя (интринсивная) мотивация познавательной деятельности лежит в основе успешного обучения русскому языку.

Интринсивная мотивация возникает в процессе игровой или исследовательской деятельности. Атмосферу исследовательской деятельности на уроке введения новых знаний можно создать посредством правильной организации проблемного диалога с учащимися.

Перед тем как приступить к проблемно-диалогическому общению, пятиклассникам следует напомнить, что правописание чередующихся гласных в корне слова нельзя проверять ударением и проиллюстрировать это на конкретных примерах, а также сообщить о том, в русском языке существует несколько групп однокоренных слов с чередующимися гласными. У каждой группы – свой «секрет» правильного написания безударной гласной в корне. Чтобы не ошибаться в написании таких слов, нужно раскрыть их орфографические секреты. Исследовательская деятельность пятиклассников начинается с предъявления им материала для наблюдения, представленного в виде следующей таблицы.

Таблица №1

Материал для наблюдения

Примеры		Корень	Условие выбора орфограммы
собирать	соберу		
запирать	запереть		
растирать	растереть		
отдирать	отдеру		
замирать	замереть		
блистать	блестеть		
расстирать	расстелить		

Далее учащиеся получают такие задания:

1. Выделите корни, в которых чередуются гласные «е» – «и» и подчеркните орфограмму.
2. Запишите эти корни в третью колонку таблицы.

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНТРИСИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Таблица №2

Промежуточный результат работы учащихся с материалом для наблюдения

Примеры		Корень	Условие выбора орфограммы
соби рать	соби <u>р</u> у	бир – бер	
за <u>п</u> ирать	за <u>п</u> ереть	пир – пер	
ра <u>ст</u> ирать	ра <u>ст</u> ереть	тир – тер	
от <u>д</u> ирать	от <u>д</u> еру	дир – дер	
зам <u>и</u> рать	зам <u>и</u> реть	мир – мер	
бли <u>с</u> тать	бли <u>с</u> теть	блист – блест	
рас <u>ст</u> илать	рас <u>ст</u> елить	стил – стел	

Созданию внутренней мотивации способствует постановка следующего вопроса: «Как вы думаете, сможем ли мы с вами, не открывая учебников и не читая правила, понять, почему однокоренные слова в представленных в таблице парах пишутся то с буквой «и», то с буквой «е»?»

Поддерживается пробудившийся интерес посредством организации проблемного диалога.

Необходимо различать две его формы: побуждающий и подводящий.

Побуждающий диалог – это вопросы учителя, стимулирующие учеников высказывать различные версии решения обозначенной проблемы.

Подводящий представляет собой эвристическую беседу, организованную учителем таким образом, что логическая цепочка поставленных им вопросов целенаправленно приводит учеников к нужному ответу, в результате чего учащиеся находят решение обсуждаемой проблемы самостоятельно.

При выборе той или иной формы диалогического общения необходимо помнить о плюсах и минусах побуждающего и подводящего диалогов. Преимущества побуждающего диалога в том, что он развивает творческие способности, максимально приближен к жизненной ситуации. Однако ответы учеников могут увести проблемно-диалогическое общение в сторону от темы. Кроме того, невозможно рассчитать время, которое потребуется для проведения эвристической беседы.

Преимущества подводящего диалога состоят в его способности способствовать развитию логического мышления обучающихся. Эвристическая беседа в виде подводящего диалога просчитывается во времени, ведет к нужному результату коротким путем. Тем не менее учащимся он предоставляет меньше возможностей для творчества.

К побуждающему диалогу по теме «Чередующиеся гласные в корне слова» может стимулировать, например, такая вступительная речь учителя: «Чтобы вывести тайны правописания слов с чередующимися гласными, давайте сравним примеры, записанные в правом и в левом столбиках, и как настоящие ученые-филологи сформулируем научные гипотезы, т.е. свои предположения».

Далее в классе обсуждаются различные версии, предложенные учащимися, и выбирается оптимальный вариант, который фиксируется вербально в виде устной формулировки правила, а также знаково в виде соответствующей записи в таблице.

Таблица №3

Результат работы учащихся с материалом для наблюдения

Примеры		Корень	Условие выбора орфограммы
соби <u>р</u> ать	соби <u>р</u> у	би <u>р</u> – бе <u>р</u>	В корне пишется буква «и», если в слове есть суффикс «а», и букву «е», если такого суффикса нет.
запи <u>р</u> ать	запи <u>р</u> еть	пи <u>р</u> – пе <u>р</u>	
расти <u>р</u> ать	расти <u>р</u> еть	ти <u>р</u> – те <u>р</u>	
отди <u>р</u> ать	отди <u>р</u> у	ди <u>р</u> – де <u>р</u>	
зами <u>р</u> ать	заме <u>р</u> еть	ми <u>р</u> – ме <u>р</u>	
бли <u>с</u> тать	бли <u>с</u> теть	бли <u>с</u> т – бле <u>с</u> т	
рассти <u>л</u> ать	рассти <u>л</u> ить	сти <u>л</u> – сте <u>л</u>	

Примером подводящего диалога по той же теме может служить следующая эвристическая беседа.

Для того чтобы раскрыть филологическую тайну слов с чередующимися гласными, сделаем несколько шагов к ее разгадке:

- Шаг 1.
Обозначьте суффиксы в тех словах, у которых в корне пишется гласная «и».
- Шаг 2.
Назовите этот суффикс.
- Шаг 3.
Посмотрите, есть ли такой суффикс в тех словах, корни которых пишутся с буквой «е».

Сформулировать выводы помогут такие вопросы учителя:

1. Как вы догадались, от чего зависит выбор гласной в корнях с чередованием?
2. Какую филологическую тайну мы сегодня открыли?
3. При каком условии в корнях с чередованием пишется буква «и»?
4. При каком условии в корнях с чередованием пишется буква «е»?

В процессе организации проблемного диалога учителю необходимо добиться осмысления учебного материала всеми учащимися, используя для этого специальные приемы.

Например, если в диалоге участвует трое-пятеро учеников, а остальные школьники не проявляют активности, целесообразно обсудить некоторые вопросы или выполнить задания в парах. Школьникам дается время посоветоваться и договориться о том, какой ответ они озвучат. Затем учитель предоставляет возможность ответить 3-4 парам учащихся.

Закрепить полученный результат и поддержать интерес к теме урока, поможет правильно организованная работа с учебником:

1. Давайте проверим, правильный ли вывод мы с вами сделали.
2. Что думают по этому поводу авторы учебника?
3. Согласны ли вы с тем, как сформулировано правило в ваших учебниках, или нет?

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТРИСИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

4. Докажите на примерах, что мы с вами верно выявили условия выбора орфограммы.

Организуя этап первичного закрепления, учитель подбирает одноаспектные упражнения, в которых отрабатывается использование на практике изученного теоретического материала с помощью введения новых способов действий с ним. Для поддержания познавательной мотивации школьникам предлагается убедиться в том, что сформулированное ими правило, действительно, работает посредством определенных операций с учебным материалом. Цель данного этапа состоит в организации перехода от понимания теоретического материала к формированию умения применять полученные знания на практике.

Важно, чтобы на данном этапе урока присутствовало 2 момента:

1. Выполнение заданий по образцу или алгоритму с проговариванием во внешней речи.

Форма коммуникации при этом может быть фронтальной, в группах, в парах. Школьники решают типовые задания, но с использованием нового способа действий, вслух воспроизводя алгоритм своих действий.

3. Небольшая самостоятельная работа с самопроверкой по эталону.

На данном этапе используется индивидуальная форма работы: учащиеся самостоятельно выполняют задания нового типа и осуществляют их самопроверку, сравнивая результат выполнения с эталоном.

В завершение урока организуется исполнительская рефлексия хода реализации построенного проекта учебных действий и контрольные процедуры. Для сохранения мотивации важно, чтобы на этом этапе присутствовали следующие моменты:

- организация самооценки учениками собственной учебной деятельности;
- соотнесение целей и результатов урока, анализ степени их соответствия;
- планирование дальнейшей цели деятельности (подготовка к введению в понятийный аппарат обучаемых новых правописных норм).

Способствовать этому будет беседа по следующим вопросам:

1. Что изучали на уроке?
2. Какую цель мы ставили на уроке?
3. Смогли ли мы достичь этой цели?
4. Какую орфографическую тайну хранят однокоренные слова с чередующимися гласными «е/и»?
5. Как вы думаете, что мы будем изучать на следующем уроке?

Эмоциональная направленность данного этапа состоит в организации ситуации успеха, мотивирующей обучаемых к их включению в дальнейшую познавательную деятельность.

В обязательном порядке необходимо учесть следующее: поскольку условия выбора орфограммы в словах с корнями -кас- – -кос- и -лаг- – -лож- аналогичны тем, что и в словах с корнями -бер- – -бир-, -пер- – -пир- и др., формированию интринсивной мотивации на уроках введения теоретических сведений, касающихся условий выбора гласной «о» или «а» в этих корнях будет способствовать не подводящий, а побуждающий диалог. Организация побуждающего диалога в данном случае приведет, напротив, к снижению познавательного интереса, потому что логика

рассуждений уже известна школьникам. Они способны применить ее на практике посредством самостоятельно проведенного сравнения. Учителю достаточно представить материалом для наблюдения (см. таблицу №4) и создать положительный мотивационный настрой.

Таблица №4

Материал для организации самостоятельной работы школьников

Примеры		Корень	Условие выбора орфограммы
кас <u>а</u> ться	к <u>о</u> снуться		
сла <u>г</u> ать	сло <u>ж</u> ить		

Таблица №5

Результат работы анализа, самостоятельно проведенного учащимися

Примеры		Корень	Условие выбора орфограммы
кас <u>а</u> ться	к <u>о</u> снуться	-кас- — -кос-	Если за корнем следует суффикс «а», в корне пишется буква «а».
сла <u>г</u> ать	сло <u>ж</u> ить	-лаг- — -лож-	

ВЫВОДЫ

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- основным условием успешного обучения русскому языку является интринсивная познавательная мотивация обучаемых;
- формированию внутренней мотивации к овладению теоретическими знаниями и совершенствованию умения применять эти знания на практике способствует организация на уроке проблемно-диалогического общения;
- выбор формы проблемного диалога (побуждающий или подводящий) зависит не только от содержания учебного материала, но от логики его предъявления учащимся.

Список литературы

1. Божович Л.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович. – М.: Педагогика, 1972. – 352 с.
2. Галица Е. В. Творческая составляющая в структуре познавательного интереса // Творческая личность как объект психолого-педагогических исследований (материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием) / Е. В. Галица, Е. А. Александрова / Отв. за вып. Н. И. Исаева, С. И. Маматова. – Белгород: Изд-во БГИИК, 2014. – 178 с. – С. 50-53.
3. Галица Е. В. Формирование интереса и желания учиться у ученика по В. А. Сухомлинскому / Е. В. Галица // Образование и воспитание. – 2015. – №1. – С. 11-13.
4. Епифанова С. Формирование учебной мотивации / С. Епифанова // Высшее образование в России. – 2000. – № 3. – С. 106-107.
5. Маркова А. К. Возрастные особенности мотивации учения и умение школьников учиться / Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. // Формирование мотивации учения: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1990. – С. 44 – 49.
6. Сухомлинский В.А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – М.: Политическая литература, 1982. – 270 с.

*ФОРМИРОВАНИЕ ИНТРИСИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ*

**FORMATION OF THE INTERNAL (INTRINSIC) MOTIVATION OF COGNITIVE
ACTIVITY AS A CONDITION FOR SUCCESSFUL LEARNING RUSSIAN LANGUAGE**

Arzhantseva T.V., Osmanova M. P.

The scientific and methodical article clarifies the concept of "extrinsic and intrinsic motivation", the motives of Russian language teaching considered, reveals the basic conditions for a successful training is offered problem-dialogical approach to familiarize trainees with the roots of spelling rules with alternating vowels, which corresponds to the most important areas in the implementation of the Federal requirements state educational standards.

Key words: motivation of cognitive activity, internal and external motivation, extrinsic and intrinsic motivation, bad dialogue, urging dialogue, dialogue supply alternating vowels in root words, problem-dialogical learning technology "discovery" of knowledge by students.

УДК 81`42

ОТ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ К ТЕОРИИ ДИСКУРСА – И ОБРАТНО

Басовская Е. Н.

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва
e-mail: Jeni_ba@mail.ru*

Статья посвящена междисциплинарным связям теории публицистики и теории дискурса. Автор обнаруживает продуктивность дискурсологического подхода к публицистике как сфере речевой деятельности. Рассматриваются семантические, прагматические, стилистические и тематические категории публицистического дискурса.

Ключевые слова: теория публицистики, теория дискурса, публицистический текст, речевое воздействие.

ВВЕДЕНИЕ

Учебный курс «Теория публицистики», относящийся к циклу дисциплин ООП ВО (магистратуры) подготовки магистров по направлению 42.04.02 – «Журналистика», принадлежит к числу недостаточно методически обеспеченных. Даже самый тщательный поиск в библиотеках и в пространстве Интернета не дает ни опубликованных полноценных программ курса, ни сколько-нибудь основательного списка учебников и учебных пособий.

Научные и учебно-методические труды, которые могут быть привлечены для преподавания этого предмета, распадаются на две группы. С одной стороны, работы В.М. Горохова [2], А.В. Колесниченко [8], Е.П. Прохорова [13], М.И. Скуленко [14], М.И. Стюфляевой [17], В.В. Ученовой [18] и др., затрагивающие вопросы теории публицистики, представляют собой в первую очередь исследования в области журналистики. Обращение к ним приводит к тому, что адресованная магистрантам дисциплина в значительной степени дублирует курс «Основы теории журналистики», изучаемый на уровне бакалавриата. С другой стороны, публицистическая проблематика представлена в книгах и статьях Н.И. Клушиной [7], В.Г. Костомарова [9], Е.М. Лазуткиной [10], Г.Я. Солганика [15], А.Д. Швейцера [21] и др. В центре внимания названных авторов – лингвостилистический аспект таких многогранных явлений, как публицистика и публицистичность. Опора преимущественно на эти труды приводит к сближению курса «Теория публицистики» с дисциплиной «Стилистика и литературное редактирование», включенной в учебный план бакалавриата.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Поиск золотой середины – пространства между теорией журналистики и функциональной стилистикой – привел меня в одну из смежных областей современной гуманитаристики – дискурсологию. Точкой пересечения теории публицистики и теории дискурса можно считать разнообразие избираемых исследователями оснований для выделения самого феномена, а также для создания классификации. Так, публицистика, как неоднократно отмечалось, может быть определена:

- по предметной области – как литературный жанр, посвященный рассмотрению актуальных тем общественно-политической жизни;
- по социальной функции – как «род творчества, направленный на непрерывное воздействие на общественное мнение...»;
- по способу отражения действительности – как «открытое, не опосредованное авторское слово и прямой контакт с аудиторией в выражении своих мыслей» [4, с. 98].

В последнем случае публицистика понимается не как вид деятельности, а как тип дискурса.

В свою очередь дискурс также характеризуется специалистами по-разному – в зависимости от основания, избранного для типологизации речевых явлений. Как отмечает Н.И. Клушина, «параметрами, объединяющими тексты в какой-либо дискурс, являются *тема* (напр., *театральный дискурс*), *событие* (*крымский дискурс*), *жанр* (*новостной дискурс*), *возраст* (*студенческий дискурс*), *тональность* (*агрессивный дискурс*), *персона* (*дискурс Черномырдина*) и т.п.» [6, с. 66].

Существует и, как минимум, еще одна причина для соотнесения теории публицистики и теории дискурса. Необходимо обратить внимание на идеологический компонент, в большей степени характерный не для отечественной, а для западной дискурсологии. Так, М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс убеждены, что дискурс «формирует знание и реальности, идентичности и социальные отношения» [3, с. 97]. Исследователи определяют дискурс как «форму социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется в других социальных практиках» [3, с. 110].

Таким образом, в основу авторского курса «Теория публицистики» было положено понимание публицистики прежде всего как типа дискурса, которому свойственна определенность авторской позиции и открытая установка на воздействие, своего рода «оголенная прагматика». Кроме того, был учтен выдвинутый на передний план именно дискурсологами тематический фактор. Если 1-6 разделы рабочей программы соответствует семантическим, прагматическим и стилистическим категориям публицистического дискурса, то в разделах 7-12 представлена жанрово-тематическая типология публицистики.

В соответствии с таким дискурсологическим толкованием публицистики структурировалось *содержание учебной дисциплины*:

Введение. Понятия публицистики и публицистичности. Формы существования публицистики.

Возникновение публицистики. Концепции публицистики. Модели публицистики и публицистической деятельности. Публицистика в жизни общества. Основные функции публицистики.

Публицистичность научного и художественного текста.

Тема 1. Речевое воздействие и прагматика. Речевые манипуляции.

Прагматический аспект коммуникации. Основные идеи лингвистической прагматики.

Понятие речевого воздействия как формирования и изменения картины мира адресата. «Дискурсы активного воздействия» [Соколова]. Кооперативная и стратегическая коммуникация. Убеждение и внушение. Понятие манипуляции. Защита от манипуляций.

Тема 2. Публицистика и идеология. Понятие идеологема. Публицистика и пропаганда.

Идеологема как центральное понятие публицистического дискурса. Типы идеологем в публицистике. Идеологема и мифологема. Паттернизация реальности средствами пропагандистского дискурса. Смена базовых идеологем в современном публицистическом дискурсе.

Понятие пропаганды. Пропаганда и агитация. Основные приемы пропагандистского воздействия. Антиномия «свой/чужой» как ключевой принцип организации публицистического текста.

Тема 3. Публицистический дискурс. Образ автора.

Специфика коммуникационного взаимодействия в информационном пространстве. Понятие образа автора. Субъективация и объективация в публицистическом дискурсе. Диалог и диалогичность в публицистическом дискурсе.

Модальность – оценочность – эмоциональность. Речевые модальные, эмоциональные, оценочные, экспрессивные средства.

Тема 4. Работа публициста с фактами. Информация и информационный шум в современной публицистике.

Понятие факта. Отбор, анализ, оценка, интерпретация фактов.

Информационная насыщенность публицистического текста. Проблема нарастания информационного шума в современной медиасреде.

Тема 5. Основные приемы аргументации в публицистическом тексте. Логическая и эмоциональная аргументация. Речевая агрессия.

Публицистика как убеждающая деятельность. Структура доказательства. Требования к аргументам.

Специфика эмоциональной аргументации. Логические уловки (аргументы к верности, состраданию, авторитету и другие).

Речевая агрессия как вторжение в коммуникативное пространство адресата [1]. Формы речевой агрессии.

Тема 6. Особенности современного публицистического дискурса. Интертекстуальность.

Соотношение понятий «публицистический дискурс», «публицистический текст» и «медiateкст». Влияние новейших каналов и форм коммуникации на характер публицистического творчества.

Понятия интертекста и гипертекста. Возрастание значимости прецедентных феноменов в современной массовой коммуникации. Проблема лингвокультурологической грамотности публициста.

Тема 7. История и современное состояние публицистической эпистологии.

Письмо и открытое письмо как традиционные жанры публицистики. Публицистическое эпистолярное наследие Цицерона, Ивана Грозного, Н.М. Карамзина, Л.Н. Толстого, Э. Золя. Образцы современных открытых писем публицистического характера. Выразительные ресурсы публицистической эпистологии.

Тема 8. История и современное состояние просветительской публицистики.

Понятие просветительства. Религиозная и светская просветительская деятельность. Просветительская беллетристика.

Публицистическое просветительское наследие французских энциклопедистов XVIII в., А.И. Герцена, Ф.Ф. Павленкова и других.

Просветительство и инфотейнмент. Телевизионные просветительские проекты Л.Г. Парфенова.

Тема 9. История и современное состояние литературно-критической и художественной публицистики.

Публицистическое начало в прозе, поэзии, драматургии, музыкальном, изобразительном, театральном и киноискусстве.

Взаимосвязь и взаимовлияние литературной критики и публицистики. «Реальная критика» Н.А. Добролюбова как форма социально-политической публицистики.

Публицистическое звучание произведений художественной, музыкальной, театральной, кинокритики.

Тема 10. История и современное состояние обличительной публицистики.

Обличительное начало в публицистическом высказывании. Средства формирования образа врага. Принципы «Не могу молчать» (Л.Н. Толстой) и «Я обвиняю» (Э. Золя).

Средства комического на службе обличительной публицистики. Жанры фельетона и памфлета. Сатирические приемы публицистики.

Тема 11. Специфика, история и современное состояние радио- и телевизионной публицистики.

Особенности публицистической деятельности в эфирных СМИ (актуализация, возможности прямого эфира, расширение аудитории, использование аудио- и визуальных эффектов).

Традиции и новейшие тенденции в развитии радио- и телевизионной публицистики.

Тема 12. Формирование и отличительные черты интернет-публицистики.

Специфика интернет-коммуникации. Новые формы публицистической деятельности: интернет-СМИ, блогосфера, демотиваторы и др. Депрофессионализация публицистики. Расширение границ публицистического дискурса.

Чрезвычайно плодотворным для дидактического сопровождения программы курса «Теория публицистики» оказался социолингвистический подход к дискурсу, предложенный В.И. Карасиком [5, с. 250-287]. При внимательном рассмотрении классических образцов публицистического творчества в них обнаруживаются черты различных типов институционального дискурса: массово-информационного, научного, педагогического политического, рекламного, религиозного. В то же время в публицистике нередко выявляются приметы прагмалингвистических типов дискурса – юмористического и ритуального. Рассмотрим в качестве примера фрагмент заметки А.П. Чехова «Наше нищенство»:

«Политико-экономы и полицейское право, ведущие борьбу с уличным нищенством, говорят: «Ради блага человечества не подавайте ни копейки!» Эту фразу следует видоизменить таким образом: «Ради блага человечества не просите милостыни», и вторая форма, кажется, будет ближе к решению вопроса, чем первая. Ведь берут и просят гораздо чаще, чем дают. Редко кто умеет и любит давать. Русский человек, например, ужасно застенчив, когда дает или предлагает, зато

просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку и составляет одно из его коренных свойств. Это свойство присуще в одинаковой степени всем слоям общества: и уличным нищим, и их благодетелям /.../ О неуважении к мелким долгам и авансам, о зачитывании чужих книг и рукописей, о том, что из ста тысяч читающих за чтение платит только одна тысяча, нечего и говорить. Каждый интеллигентный человек читал Тургенева и Толстого, но далеко не каждый платил за их сочинения.

Красть безнравственно, но брать можно. Адвокат берет за свое участие в бракоразводном процессе минимум четыре тысячи не потому, что это должно, а потому что можно. Художник за свою картину, написанную в пять дней, просит десять тысяч, артист просит за сезон двадцать две тысячи, и никто за это не называет их дурными людьми. Можно брать – и они в глазах общества правы. /.../

Те, кому все это несимпатично в русском человеке, оправдывают его рудинскими свойствами его характера, именно тем, что русский человек относится одинаково беспечно как к чужой, так и к своей собственности: он зря берет и в то же время зря дает. Пусть так. Но ведь человеку, кроме характера и темперамента, дана еще способность рассуждать; кто берется оправдывать или обвинять, тот не должен забывать об этой способности. Каждый зря просящий и зря берущий, если он не извозчик и не официант, легко может рассудить и понять, что все эти одолжения, любезности, уступки, скидки и льготы не так невинны, как кажется, что за кулисами всего этого чрезвычайно часто кроются несправедливость, произвол, насилие над чужою совестью, эксплуатация чужого чувства, преступление. Разве начальник станции, дающий даровой билет, не крадет? Разве льгота, данная Ивану, не служит в ущерб Петру?

Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд. Барин, играющий в винт, нимало не думает о своем кучере, мерзнувшем на дворе; так и наше общество привыкло не думать о том, что сельское духовенство работает почти даром и живет впроголодь, учителя, получающие за свой тяжелый труд гроши, бедствуют, что в городских больницах работает даром, ничего не получая от общества, масса молодых врачей... Редко кто ратует за прибавку жалованья, например, офицерам или почтовым чиновникам, но за убавку готово стоять большинство. Чем дешевле, тем лучше, а если даром, то это еще лучше.

Уличное нищенство – это только маленькая частность большого общего. Нужно бороться не с ним, а с производящею причиною. Когда общество во всех своих слоях, сверху донизу, научится уважать чужой труд и чужую копейку, нищенство уличное, домашнее и всякое другое исчезнет само собою» [20].

Опираясь на исследовательские принципы В.И. Карасика, в данном тексте можно обнаружить признаки не только массово-информационного и общественно-политического, но и педагогического дискурса, которому свойственна одновременная научная, адресатная и процессуальная ориентация: А.П. Чехов постепенно, на простых примерах доказывает массовой газетной аудитории безнравственность и недопустимость неуважения к труду и собственности. Присущи заметке Чехова и диалогичность (она ярко проявляется в использовании

вопросно-ответных ходов), и интерпретация действительности, и оценивающая стратегия.

Несмотря на типичное для чеховского творчества отсутствие явной патетики, текст не лишен признаков, сближающих его с такой разновидностью религиозного дискурса, как жанр проповеди. Писатель открыто и убежденно заявляет о своей позиции, опирается на незыблемые, с его точки зрения, этические нормы, использует призывную модальность (этот эффект достигается использованием таких риторических приемов, как ряды однородных членов и антитеза). Композиционная и стилистическая близость к проповеди позволяет говорить о заметке А.П. Чехова и как о не жестко формализованном ритуальном тексте.

Текст Чехова дает основания для деликатной постановки вопроса о глубинной близости религиозно-проповеднического, политико-пропагандистского и рекламного дискурсов (именно дискурсов, а не религиозного, публицистического и рекламного стилей, сформировавшихся для обслуживания принципиально различных сфер и ситуаций общения). По справедливому замечанию А.В. Оляничка, «руководствуясь потребностями, человек для их реализации вынужден определенным образом использовать имеющиеся у него языковые возможности. Обращаясь к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу, он извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облекает их в языковые формулы и особым образом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая соответствующий дискурс, соположенный той или иной потребности или нескольким потребностям сразу» [11, с. 48]. Дискурсивное единство проповеди, пропагандистского материала в СМИ и рекламного текста определяется общностью главной цели – прямого и активного воздействия на сознание адресата. Именно такая установка свойственна небольшой газетной заметке Чехова, «рекламирующей» с использованием аргументации «от противного» христианские ценности, такие как нестяжательство, трудолюбие и любовь к ближнему.

Наконец, рассматриваемая заметка, будучи иронической по духу, безусловно, обладает чертами юмористического дискурса. Говоря, что «русский человек... ужасно застенчив, когда дает или предлагает», писатель рассчитывает на читательское понимание. Комический эффект достигается благодаря контрасту оценочности: мягко позитивное «застенчив» по духу противоречит общей модальности приговора общественному пороку.

Намеченные здесь подходы к рассмотрению публицистического текста плодотворны именно для обобщающего учебного курса, читаемого магистрантам, владеющим азами стилистического анализа.

ВЫВОДЫ

Итак, ключевые идеи и научный аппарат современной дискурсологии оказали мне значительную помощь в подготовке программы курса «Теория публицистики». Почему же я намечаю путь не только к теории дискурса, но и обратно? Дело в том, что и некоторые существующие, пусть и немногочисленные исследования в сфере публицистики могут быть небезынтересны для лингвистов-дискурсологов. Так, для анализа медийного дискурса продуктивна принадлежащая

В.В. Ученовой и С.А. Шомовой идея синтетизма публицистики [19], а представленная в статье А.В. Полонского классификация функций публицистики (когнитивная, коммуникативно-информационная, преобразующая, дидактическая и др.) [12, с. 59-60] пригодна при небольшой доработке и для характеристики различных типов дискурса. Будучи междисциплинарными направлениями современного гуманитарного знания, теория публицистики и теория дискурса открывают дальнейшие перспективы взаимопроникновения и взаимообогащения.

Список литературы

1. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т.А. Воронцова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
2. Горохов В.М. Публицистика: теория и практика: Теорет. курс авториз. излож. / В. М. Горохов. – М.: Акад. изд-во МЭГУ, 1995. – 164 с.
3. Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. 2-е изд., испр / М.В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.
4. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе / П. П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. Вып.1. – С. 97-105.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Клушина Н.И. Дискурсологический вектор современной стилистики / Н. И. Клушина // Лингвистика без границ. Сб. статей памяти В.Б. Кашкина. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. – С. 64-72.
7. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2008. – 242 с.
8. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: Учебное пособие, обучающихся по специальности "Журналистика" / А. В. Колесниченко. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 108 с.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
10. Лазуткина Е.М. Публицистический стиль: новые черты / Е. М. Лазуткина. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 77 с.
11. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
12. Полонский А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности / А. В. Полонский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 1. – Т. 11. – С. 56-61.
13. Прохоров Е.П. Публицист и действительность / Е. П. Прохоров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 317 с.
14. Скуленко М.И. Убеждающее воздействие публицистики: Основы теории / М. И. Скуленко. – Киев : Вища шк: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. – 174 с.
15. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся ст. кл. шк. гуманитар. профиля. – 9-е изд. / Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 253 с.
16. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. – М.: Гнозис, 2014. – 304 с.
17. Стюфляева М.И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та , 1975 - 154 с.
18. Ученова В.В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики, публицистика и политика, у истоков публицистики / В. В. Ученова. – М.: Аспект Пресс , 2009. – 556 с.
19. Ученова В.В. Синтетизм публицистики / В. В. Ученова В.В., С. А. Шомова С.А. Полифония текстов в культуре. – М.: Омега-Л :ИМПЭ, 2003. – С. 313-330.
20. Чехов А.П. Наше нищенство // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Т. 16. М.: Наука, 1979. С. 238-241.
21. Швейцер А.Д. Контрастная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А. Д. Швейцер. – М.: URSS, 2009. – 252 с.

FROM THE THEORY OF PUBLICISM TO THE THEORY OF DISCOURSE – AND BACK

E. N. Basovskaia

The article is devoted to the interdisciplinary relations between the theory of publicism and theory of discourse. The author finds productivity of discursive analysis of publicism as the field of speech activities. The article considers the semantic, pragmatic, stylistic and thematic categories of publicistic discourse.

Keywords: theory of journalism, theory of discourse, journalistic text, verbal impact.

УДК 81

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОРАТИВА «КРАСНЫЙ»)

Вольская Н. П.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва
e-mail: legora@list.ru

В статье рассматривается красный цвет в русской и английской языковых картинах мира с точки зрения когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: символика цвета, концепт, языковая картина мира.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие цвета существует в каждой культуре, и именно цвет всегда имел свое особое, большое значение для людей разных народов. Через цвет люди могут передавать свое мироощущение, восприятие окружающей действительности. С понятием цвета связана важная социокультурная информация, накопленная этносом с самых древнейших времен. Понятие цвета существует в каждой культуре, и именно цвет всегда имел свое особое, большое значение для людей разных народов. Цвет способен вызывать у человека разные чувства, именно из-за эмоционального воздействия человек наделил цвет определенным символическим значением.

Цвета не только делают нашу жизнь ярче, но и определяют наше настроение, воздействуют на наши мысли и поступки. Различая цвета, мы лучше распознаем объекты окружающего мира, лучше справляемся с жизненно важными задачами. Цвет занимает важное место в таком значительном компоненте культуры, как язык.

Цвет – это одна из категорий познания мира, которая существует наравне с такими категориями, как пространство, время, движение, а также является одним из ключевых культурных концептов. В лексемах, обозначающих цвет, отражается тысячелетний опыт народа, его психосоматические особенности, географические условия, социально-экономические и культурно-исторические особенности страны и этноса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Цвета также несут в себе информацию, важную для общения, воздействующую на наши мысли и поступки. Различая цвета, мы лучше распознаем объекты окружающего мира, лучше справляемся с жизненно важными задачами. Мы обращаемся к цветообозначению чувств, зная, что красный – любовь, желтый – ревность. Физические свойства восприятия цвета и социокультурные особенности употребления цвета являются взаимодополняющими понятиями и тоже влияют на восприятие и частотность употребления тех или иных обозначений цвета.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОАТИВА «КРАСНЫЙ»)

Считается, что первыми цветами, появившимися в культуре человека, были белый, красный и черный цвета. Белый – это свет, черный – это тьма, а красный – огонь. Позже основными стали считать красный – желтый – синий, а затем красный – зеленый – синий. Сегодня всем известны цвета радуги, цветовой спектр: красный – оранжевый – желтый – зеленый – голубой – синий – фиолетовый. Однако в повседневном общении мы непременно добавляем белый и черный цвета и редко упоминаем фиолетовый или оранжевый.

Возьмем, к примеру, красный цвет. Красный по-английски red. Английское «red» происходит от индоевропейской основы *reudh-* /**roudh-*/**rudh*, которая прослеживается как в западно-европейских (*rote* – нем., *rojo* – исп., *rouge* – франц., *rufus* – лат), так и в славянских языках (*rudy* – польск., *рудий* – укр., *rdeča* – словен.). *Red* употребляется в английском языке не только в значении красный цвет, но и в значении цвета волос человека или шерсти животного. Например, *red-haired* – рыжеволосый, *red fox* – рыжая лиса. Англо-норманнский король Вильгельм II, сын Вильгельма Завоевателя известен как *William Rufus* – Вильгельм Рыжий. Рыжеволосые английские мальчики часто имеют прозвище «*Ginger*» – Рыжик («*ginger-red hair*» – рыже-каштановые волосы). Само слово «*ginger*» означает «имбирь» – растение, корни которого имеют желтовато - бежеватый оттенок. В русском языке мы имеем слова «рыжий», «русый», «ржавый», «рдеть/зардеться», «румяный», «ржавый», «рубиновый», которые восходят к той же основе. Слово «рыжий» древнее, чем слово «красный»: рыжие волосы, рыжая лиса, а также грибы «рыжики» и «лисички» – по ассоциации с рыжими волосами и рыжей лисой. Русская поговорка: *Рыжий, красный – человек опасный* – предупреждает об опасности. Это знание используется в русской литературе, например, Рудый Панько в произведении Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Слово «руда» также несет в себе «рыже-красный» элемент – именно таков цвет железистых вкраплений в породе. Слово «русый» того же корня, но пришло в русский язык из южнославянских языков с первоначальным значением «тонкий, тонкорунный» (болг.), «волнистый, кудрявый; густой, плотный» (сербск.). В формировании цветообозначения «красный» важную роль сыграла общеславянская основа **chrn*/**chrv* и исконно русскими словами, обозначающими красный цвет, являются «чермный», «червонный», «червленый», «червовый». Уже в XI в. существовало название «Чермное море» в значении Красное море. В «Слове о полку Игореве» «лисицы лают на червленые щиты» – темно-красные, багряные. В русском языке название карточной масти «червы» происходит от того же корня, в то время как в английском обозначается словом «*hearts*» – «сердца».

Само же слово «красный» в русском языке появилось примерно в XIV веке и имело значение «красивый, роскошный». Ученые считают, что это слово восходит к общеславянскому **krasa* «красота», которое, в свою очередь, происходит от индоевропейского корня **ker*. В русской языковой картине мира красный цвет – это праздничный, красивый, радостный. Эти представления сохраняются в многочисленных паремиях и прецедентных текстах: «Конец зиме, пропели петухи, весна – красна спускается на землю» (Снегурочка); «весна – красна, красна девица», «Во дворце я буду жить, буду в золоте ходить, в красно платье наряжаться, словно в

масле сыр кататься». (Конек-Горбунок. П. Ершов). Красное платье – символ достатка. Одежда героев русского фольклора – белая рубаха и красный кушак, пояс.

Красный цвет, занимая с древнейших времен важное место в культурном самосознании славян, в сказочных текстах совмещает в себе цветовое значение с древним значением «хороший, красивый». «Тепло ли тебе девица, тепло ли тебе красная?» (Морозко). Определение девушки прилагательным (красная) воспринимается как существительное (красавица). Колоратив *красный* развивает исключительно положительные оценочные коннотации. «Не красна изба углами, а красна пирогами». «Для красного словца не пожалеет и отца». «Красна сказка складом, а песня – ладом» и другие.

В обережной культуре красный цвет используется как защита жизни. Например, рябиновые бусы и красная лента в волосах девушки, красные сапожки и красный сарафан призваны защитить здоровье и, одновременно, это праздничная одежда, это прославление жизни.

В западной культуре красный цвет – это цвет дьявола, геенны огненной. Красный – это цвет опасности, ярости и крови. Вместе с черным цветом обычно изображается зло. Не случайно, описывая поджог, говорят «пустить красного петуха». Красная карточка в футболе имеет негативную коннотацию, означает удаление игрока с поля. Аналогичной символической нагрузкой обладает красный цвет в структуре описания ведьм. «...горбатая старуха, худая, большие красные глаза и нос крючком...»

Красный цвет имеет универсальное значение «страсть, любовь, война», восходящее к стихии огня. Красному цвету приписывают мощную энергию, которая формирует у человека лидерские качества.

В политическом дискурсе «красный» ассоциируется с понятием «коммунистический». В русской истории – это цвет революции. «Красными» называли сторонников советской власти, коммунистов. Красный цветок, красная гвоздика – символ революции. Однако оппозиция «красный – белый» характерна только для русской политической и лингвокультуры, восходя к противостоянию Красной и Белой армий в период Гражданской войны. В Италии, во времена Джузеппе Гарибальди, красный считался цветом анархии. Сторонники Гарибальди и отправились в освободительный поход, надев красные рубашки.

Красный цвет ассоциативно связан также с кровью. Говоря по-русски, что кому-то «краска/кровь бросилась в лицо», мы имеем в виду, что человек покраснел от смущения, стыда или досады, то есть к лицу прилила кровь. О здоровом, цветущем лице с румянцем говорят «кровь с молоком», а о бледном лице – «ни кровинки в лице нет». В английском языке выражение «(to take sb) red-handed» (застать кого-то на месте преступления, захватить с поличным), дословно означает «застать кого-то с красными руками, т.е. с руками, запятнанными кровью». А английское выражение «to see red» практически идентично русскому «глаза налились кровью».

Происхождение русского слова «краска» не нуждается в объяснении – одной из первых растительных красок была именно красная. В английском языке глагол «to dye» (красить, окрашивать) восходит к древнеанглийским словам *deah*, *deag* (цвет, оттенок) и *deagol* (тёмный, скрытый, тайный), а они, в свою очередь, к протогерманскому **daugilaz*. Таким образом, само слово «to dye» указывает на то,

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОРАТИВА «КРАСНЫЙ»)**

что изначально ткань окрашивали в тёмные цвета. Цвет, известный как «Victorian red» (викторианский красный, т.е. темно-красный), вошел в моду еще в XVI веке, во времена королевы Елизаветы I, но ассоциируется с викторианской эпохой, в которую он стал более доступным. Именно такой цвет характерен для мебельной обивки, черепицы, кирпича викторианского периода. В 90-х годах XIX в. в Великобритании появились «red-brick universities» (краснокирпичные университеты) – новые высшие учебные заведения, построенные из красного кирпича (в отличие от каменных зданий старейших университетов Оксфорда и Кембриджа). Они были ориентированы более на преподавание прикладных, нежели классических наук, и это было связано с необходимостью подготовки специалистов для бурно развивавшейся английской промышленности.

ВЫВОДЫ

Итак, цвет способен вызывать у человека разные чувства. Возможно, что именно из-за эмоционального воздействия человек наделил цвет определенным символическим значением. Благодаря всему вышеперечисленному, цвет и занял важное место в таком значительном компоненте культуры, как язык.

Список литературы

1. Oxford Guide to British and American Culture. – Oxford University Press, 2004. – 599 s.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов / П. Я. Черных: Т. 1-2. – М.: Русский язык, 1993.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "COLOR" IN RUSSIAN AND
ENGLISH LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD (ON KOLORATIVA "RED" EXAMPLE)**

Volskaya N.

In this article considered red colors in a language picture of the world from point of view cognitive linguistics

Keywords: color symbolism, concept, a language picture of the world.

УДК 81'42

КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА А. ЧЕХОВА

Герасименко И. А.

*Гуманитарно-педагогическая академия
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Ялта
E-mail: iragerasimenko@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению когнитивного контекста как одного из критериев дискурс-анализа. На материале эпистолярного дискурса А. Чехова предпринят его контекстный анализ, проанализированы лингвистические и экстралингвистические особенности эпистолярного дискурса, описано соотношение эпистолярного текста и дискурса, исследована связь между эпистолярным дискурсом, функциональным стилем и речевым жанром.

Ключевые слова: дискурс, когнитивный контекст, эпистолярный, текст, речевой жанр, стиль.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс, порождающий текст и функционирующий в контексте разнообразных речевых жанров, «по самой сути явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [4]. Ввиду этого, когнитивные параметры (наряду с прагматическими, семиотическими, социолингвистическими, коммуникативными, культурологическими и пр.) включены в матрицу осмысления текста и рассматриваются в числе важнейших критериев дискурса.

Показательно, что современная лингвистика представлена многочисленными исследованиями, учитывающими когнитивную параметризацию дискурсивных практик (об этом свидетельствуют, например, работы Е.А. Баженовой, Н.И. Клушиной, О.Ф. Русаковой, Л.Н. Синельниковой, А.В. Полонского и др. в области научного, массмедийного, PR-дискурса, дискурса вражды, интервью, детективного дискурса и под.). Однако учёные не всегда при описании определённых типов дискурса учитывают его когнитивный контекст, в то время как включение этого параметра позволит приблизиться к выявлению и описанию языковых (речевых) механизмов конструирования ментального пространства дискурсивной личности и социума в целом.

Если текстуальный (языковой) анализ предполагает изучение структуры текста на всех уровнях языка и включает рассмотрение его графической оболочки и стилистических приёмов и фигур речи, то контекстный (контекстуальный) анализ направлен на рассмотрение места, времени, события и действия, сфер деятельности участников, их роли, социальных отношений и когнитивных характеристик. Деятельность субъектов, их социокультурная активность, убеждения и идеология позволяют соотнести продуцируемые дискурсом тексты с процессами их производства и потребления, а также описать процессы убеждения, передачи информации и способы их выражения. Как раз на фоне контекста значения языковых знаков могут определяться как «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения, конкретные концептуализации» [2, с. 5]. Признание ведущей роли когнитивных контекстов дискурс-анализа обуславливает цель данной статьи – рассмотреть контекстный компонент эпистолярного дискурса. Материалом исследования послужили ключевые сегменты эпистолярия А. Чехова. Методами

исследования выступили описательный, контекстуальный, дискурс-анализ, контент-анализ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Эпистолярный текст как «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого считаются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресатной направленности» [6] актуализирует коммуникативные, когнитивные, лингвистические, социокультурные способности участников данной сферы коммуникации. Эпистолярный как категория функциональной стилистики и жанрологии выступает соединением разных жанров и стилей, это разнородная единая структура, объединяющая черты разных стилей и представляющая собой комплексный жанр речи. В «Краткой риторике» А.Ф. Мерзлякова отмечается, что «содержание писем столь же многообразно, сколь многообразно может быть намерение и отношения между лицами, имеющими переписку, <...> а сколь многообразно содержание писем, столь многообразны и правила писать их» [7, с. 137]. Разностилевая принадлежность и жанровая комплексность эпистолярного обусловлена тем, что его тексты имеют многообразную речевую реализацию, выраженную, например, в виде частной (дружеской и любовно-интимной) переписки; профессионально-ориентированных писем; коммерческой переписки, т. е. писем как официальных документов делового общения фирм и частных лиц; открытых писем и пр. Поэтому эпистолярные тексты могут отличаться не только тематикой, но композиционным и стилистическим своеобразием (согласно концепции речевых жанров М.М. Бахтина), а также комплексом культурно значимых особенностей. Однако жанры дружеского, любовно-интимного или письма как официального документа делового общения, имея существенные отличия, обладают общими для них традиционными «рамочными» компонентами, в числе которых эпистолярные приветствия, прощания, постскриптум. Данные речевые «сегменты» понимаются как «отрезки эпистолярной письменной речи, соответствующие определённым текстовым фрагментам и характеризующиеся следующими коммуникативными признаками: иллюкутивной направленностью, жанровой ориентацией, особыми языковыми средствами выражения. Каждый из обозначенных речевых сегментов целостного эпистолярного текста обладает статусными характеристиками микроструктуры – смысловой, семантической, лексической, – в соответствии с различными уровнями восприятия» [5, с. 54].

Эпистолярный текст, объединяющий лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования, выступает частью эпистолярного дискурса (см., например, работы А.Е. Курьянович: [5; 6]), который мы, вслед за Н.Д. Арутюновой, понимаем как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 137].

Как известно, контекстный (контекстуальный) анализ любого дискурса (в том числе и эпистолярного) направлен на изучение времени, места, события и действия, сфер деятельности участников, их роли, социальных отношений и когнитивных характеристик. Деятельность субъектов, их социокультурная активность, убеждения и идеология позволяют соотнести продуцируемые дискурсом тексты с процессами их производства и потребления, а также описать

процессы убеждения, передачи информации и способы их выражения. Так, в текстовое пространство эпистолярия А. Чехова «вплетены» перифразы, языковая игра, интертекстуальность, использование которых объясняет отношения участников переписки. Например, в завершающем сегменте адресованного Л.С. Мизиновой письма А. Чехов описательно передаёт идею прощания, используя выражение, смягчающее интимное высказывание. Ср.: *Будьте благополучны и не забывайте побеждённого Вами Царя Мидийского* [10, с. 559]. Для достижения этой цели автор обращается к известному историческому факту завоевания ассирийцами древней Мидии.

Как раз на фоне контекста значения языковых знаков могут определяться как «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения, конкретные концептуализации» [3, с. 5] и объясняться через привлечение неязыковых (энциклопедических) знаний. Например, варианты подписи А. Чехова содержат не только принятые в русской лингвокультуре формы имени и / или фамилии (типа *А. Чехов, Ант. Чехов, Ваш Чехов*), но и имена-отсылки к известным литературным героям и их авторам. К их числу относятся номинации типа *Ваш Эгмонт*, где *Эгмонт* (нем. *Egmont*) – герой трагедии И.В. Гёте «Эгмонт»; *Твой Шиллер Шекспирович Гёте; Ваш Акакий Тарантулов*, содержащее имя известного литературного героя Н. В. Гоголя – Акакия Акакиевича Башмачкина, и псевдоним *Тарантулов*, которым подписан драматический этюд А. Чехова «Вынужденное заявление...Скоропостижная конская смерть, или Великодушные русского народа» [11, с. 652]. Прагматика этих и подобных подписей А. Чехова объясняется литературной деятельностью автора, его профессиональной ориентацией на художественное слово и образ. В свою очередь, подписи *Вольнопрактикующий врач А. Чехов* [11, с. 69], *Антоний и медицина Чеховы* [11, с. 114] выступают отсылками в другому когнитивному контексту – медицинской деятельности А. Чехова.

Когнитивный контекст (который Дж. Лакофф называет ментальными пространствами, а Жиль Фоконье – ментальными областями) включает знания, верования, представления, намерения в их отношении к коммуникантам, дискурсу, реальному и возможным мирам, к культурной ситуации, статусно-ролевым отношениям участников, способу коммуникации, стилю дискурса, регистру и предмету общения, – всем аспектам контекстуальности, в рамках которых происходит осмысление языковых единиц. Например, адресованные старшему брату А. Чехова – Александру Павловичу – обращения типа *Отче Александре! Владыко! Маленькая польза! Голова садовая! Карантинно-таможенный Саша Велемудрый секретарь! Доброкачественный брат мой, Александр Павлович! Милейший Александрович Павлович г. Чехов! Глубокомысленный Саша! Двучиновольнодумствующий Саша! Брат наш мерзавец Александр Павлыч* иллюстрируют статусно-ролевые отношения коммуникантов, стиль их общения и степень близости.

Когнитивные контексты – это когнитивные структуры, которые «стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [2, с. 25]. Так, подпись *А. Чехонте* понятна на фоне концепта ‘псевдоним’: под этим именем печатались его первые произведения и так именовали А. Чехова его школьные друзья. Это же относится и к используемой в эпистолярии А. Чехова подписи *Homo Sachaliensis* (лат. *Сахалинский человек*), связанной с известной поездкой А. Чехова на о. Сахалин. Как видим, данные примеры подтверждают тезис о том, что дискурс-анализ ориентирован на изучение связей «между текстом, дискурсом и контекстом» [9, с. 52].

ВЫВОДЫ

Когнитивный контекст эпистолярия А. Чехова, выступая структурами знаний о дискурсивной личности автора, лежит в основе интерпретации языковых значений компонентов текста. Его привлечение к анализу эпистолярия позволяет говорить как о глубине языковых и социокультурных знаний А. Чехова, так и о высоком уровне познавательного опыта автора. При этом учёт когнитивного контекста способствует выявлению механизмов конструирования ментального пространства дискурсивной личности и социума в целом, позволяет максимально полно описать определённый (в том числе и эпистолярный) дискурс как «ключевую категорию бытия человека» [8, с. 48] и своеобразный мозаичный конгломерат. Именно в этом направлении следует изучать эпистолярный, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Н. Д. Арутюнова. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000.
3. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н.Н. Болдырев. – Режим доступа: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/186.pdf>
4. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М., 2000.
5. Курьянович А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Курьянович. – Томск, 2002.
6. Курьянович А. В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт / А. В. Курьянович // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 4.
7. Мерзляков А. Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических: В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона (1808) / А. Ф. Мерзляков // Русская риторика: хрестоматия. – М.: Просвещение, 1996.
8. Полонский А. Медиа–дискурс–концепт: опыт проблемного осмысления / А. Полонский // Современный дискурс-анализ: Интерпретация медийных форм дискурса: [электронный журнал]. – Вып. 6. – 2012. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/ada6.pdf>
9. Филлипс Н. Что такое дискурс-анализ? / Н. Филлипс, С. Харди // Современный дискурс-анализ: Интерпретация медийных форм дискурса: [электронный журнал]. – Вып. 1. – Т. 1. – 2009. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1974-1986. – Т. 12. – 1981.
11. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. / А.П. Чехов. – М.: Худ. лит., 1963. – Т. 11.

УДК 81'33

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ АНАЛИЗЕ КИНОДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА КИНО)

Шамова Н. А.

*Ивановский государственный университет, Иваново
E-mail: sh941@mail.ru*

В XXI веке происходит научно-технический прогресс и компьютеризация общества, в результате которой активно внедряются разнообразные технологии в лингвистические и лексикографические исследования. Все большую популярность завоевывают корпусные технологии. Их цель – оказать помощь в отборе, систематизации и анализе большого количества информации, благодаря наличию специальных функций. В последнее время наблюдается тенденция создания узких корпусов по различным областям знаний. В данной статье поднимается вопрос об эффективности применения корпусных технологий для анализа кинодискурса, а именно авторского электронного корпуса «cinema», созданного на платформе Sketch Engine.

Ключевые слова: *корпусные технологии, кинодискурс, Sketch Engine, авторский корпус.*

ВВЕДЕНИЕ

Корпусные технологии завоевывают все большую популярность в XXI веке среди отечественных и зарубежных ученых в связи с развитием информационных технологий и активным их использованием в научных исследованиях. Многие деятели науки подчеркивают большой потенциал и эффективность применения корпусных технологий, направленных на решение различных актуальных языковых проблем и задач. Особое признание среди корпусных технологий получают разнообразные базы данных, программы-конкордансы и платформы, основанные на корпусных данных (например, «DANTE», «TextStat», «AntConc», «SKELL», «Sketch Engine» и другие). В связи с активным развитием кинематографа и небольшим количеством научных работ по современному кинодискурсу нам представляется необходимым предложить новый эффективный способ анализа языка кинодискурса на основе авторского корпуса «cinema», сгенерированного на платформе «Sketch Engine».

Применение авторского корпуса для анализа кинодискурса является актуальным исследованием, поскольку, благодаря этому, можно изучить особенности данного вида дискурса. Цель нашего исследования – разработка и краткое описание авторского электронного корпуса кино, а также рассмотрение назначения каждой функции отдельно с приведением наглядных примеров из корпуса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Обратимся к понятию *кинодискурс* и его составляющим. М. Динел проводит разграничение понятий «film discourse» и «cinematic discourse», утверждая, что они обозначают разное. По мнению ученого, последнее объединяет в себе набор кинематографических техник, которые изучаются главным образом за пределами лингвистики. Отсюда следует, что лингвистика изучает «film discourse». На наш

взгляд, разграничение двух понятий, предложенное ученым, достаточно размыто и неясно [3].

Подчеркнем, что кинодискурс представляет собой особый вид дискурса, имеющий свои уникальные особенности и характерные черты. Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова справедливо отмечают, что языковая составляющая кинодискурса представлена знаками-символами, которые могут быть письменными (например, титры) или устными (например, звучащая речь актеров) [2]. В данной статье будут рассмотрены письменные знаки-символы, в соответствии с приведенным выше делением, потому что в основу корпуса лег печатный журнал «American Cinematographer» и, следовательно, нас будут интересовать тексты определенного периодического издания.

Корпусные технологии имеют массу преимуществ относительно ранее используемых ручных методов анализа информации. Кроме того, корпуса можно быстро пополнить новой информацией в случае необходимости. Благодаря грамотной обработке данных в корпусе, можно получить: контексты употребления слов и выражений, устойчивые словосочетания, наиболее частотные слова, а также едва уловимую разницу в семантике, известную лишь носителям языка.

С. А. Маник справедливо отмечает, что «корпусная лингвистика обеспечивает объективное представление языка, поскольку анализ корпусных сведений позволяет изучить практически любые языковые модели и структуры (лексические, грамматические, лексико-грамматические структуры, дискурсные модели, фонологические и морфологические обороты)» [1]. Мы разделяем позицию ученого, действительно, корпуса способствуют систематизации информации при изучении языка, тем более это важно, если речь идет об иностранном языке. Из вышеперечисленных С. А. Маник моделей и структур, нас будут интересовать дискурсные модели в предметной области киноиндустрия.

Выбор «Sketch Engine» для создания собственного корпуса обусловлен тем, что данная платформа предоставляет возможность зарегистрированным пользователям создать корпус абсолютно бесплатно, а также использовать доступные опции для обработки информации. Программа обладает разнообразными функциями, а именно поиском, сортировкой и анализом данных (*concordance, word list, word sketch, thesaurus, sketch-diff*). Следует отметить, что на базе данной платформы активно проводятся разнообразные лингвистические и лексикографические исследования многими учеными. Также это один из немногих ресурсов, который дополнительно дает возможность получить статистические данные. Представляется возможным далее описать преимущества и возможности корпуса.

Для создания корпуса «cinema» нами было выбрано периодическое издание «American Cinematographer». Данный журнал представляет большое количество разнообразных текстов, в которых содержатся реальные примеры языкового использования. Источником создания корпуса послужило 34 выпуска данного журнала (2013-2015 годов). Отметим, что авторский корпус содержит 1051528 слов.

Рассмотрим назначение каждой функции отдельно и приведем наглядные примеры из авторского электронного корпуса «cinema»:

1) *Конкорданс (concordance)* позволяет увидеть окружение интересующего слова или фразы (контекст). Примерами данной опции могут служить следующие данные: «*gaffer*» («...he says he learned a great deal from gaffers, directors and other collaborators...»), «*epic*» («...made super 8 films, pixilated two minutes epics in which we would...»), «*filmmaker*» («...a team of camera assistants and other filmmakers who are out there working...»), «*stand-in*» («Tony Cottee talked himself out of a job, then watched his stand-in play a major role in the Everton tragi-comedy»), «*stuntman*» («The lorry driver was real, not a stuntman, because it was thought no one else would have the expertise to drive a long, heavy vehicle at a specific speed»), «*script writer*» («Hollywood script writer could have conjured up a story to compare with the one Michael Galwey has produced and starred in»). Исходя из контекста, нам становится легче установить грамматические особенности употребления слов, понять часть речи, а также выяснить значение (как в случае со словами «*stuntman*» и «*script writer*»). В вышеперечисленных примерах представлены профессии из сферы киноиндустрии. Отметим, что при необходимости можно увидеть более широкий контекст, а также информацию об источнике.

Используя данную функцию, можно получить также объяснение американского рейтинга фильмов, благодаря контексту. Например: «*Rated PG-13 for some violence, sequences of sci-fi action, some suggestive content and partial nudity*». «*Rated PG for mild action and some rude humor*». «*Rated NC-17 for graphic disturbing content involving violence and sexuality, and a scene of brutality*». В данных примерах содержится непосредственно объяснение общепринятых сокращений. Наличие специфического рейтинга фильмов относится к особенностям кинодискурса.

Благодаря данной функции, мы можем увидеть, как используются разговорные выражения в контексте. Например, слово «*buzz*», «*Our members returned from the 20th edition of Camerimage buzzing about the many films screened in competition*». Таким образом, мы выявили устойчивое выражение «*to buzz about a film*». На наш взгляд, знание данных слов важно, поскольку они представляют собой особый пласт лексики, речь социально или профессионально обособленной группы.

«*Concordance*» позволяет получить коллокации к словам. Например, к слову «*cinema*» будут следующие устойчивые выражения: «*digital cinema*», «*cinema camcorder*», «*pocket cinema camera*», «*cinema workflow*», «*cinema len*», «*cinema color gamut*», «*drive-in cinema*», «*silent cinema*», «*art house cinema*», «*outdoor cinema*», «*book on cinema*», «*cinema footage*», «*open-air cinema*», «*to keep current with cinema*», «*cinema's power*», «*impact of cinema*», «*trick of the cinema*».

К слову «*screen*»: «*scaling the screen*», «*size screen expands from...to*», «*screen version of*», «*image on screen*», «*...inch screen*», «*screen shot*», «*display on the screen*», «*capacitive touch screen*», «*to fade from the screen*», «*blank screen*», «*on the opening screen of*», «*to screen the movie*», «*screen time*», «*to appear on the screen*».

К слову «*film*»: «*film depicts the life of*», «*the film includes scenes from*», «*the film is a screen version of*», «*film is based on*», «*film celebrity*», «*film studio*», «*film script*». Наиболее часто используемыми являются следующие комбинации частей речи: существительное + существительное (noun + noun), глагол + существительное (verb + noun), прилагательное + существительное (adjective + noun). Знание грамматически или лексически устойчивых словосочетаний, в частности из сферы

киноиндустрии, формирует естественную речь, поскольку данные языковые комбинации получены из речи носителей языка, а значит, они являются достоверными.

Нам также удалось выделить различные наименования для современных видов съемки. Например, со словом «*shot*» формируются следующие разновидности: «*over-the-shoulder shot*», «*high angle shot*», «*zoom shot*», «*extreme long shot*», «*point-of-view shot*», «*tight shot*», «*low angle shot*». Расширение традиционного списка видов съемки, на наш взгляд, связано с активным использованием современной техники в киноиндустрии.

2) *Список слов (word list)* предоставляет возможность сгруппировать слова по определенным критериям.

Нами были получены различные термины из сферы киноиндустрии: «*close-up*», «*best boy*», «*focus*», «*postproduction*», «*stunt*», «*episode*», «*producer*», «*cameraman*», «*dimmer*», «*viewfinder*», «*filmmaker*», «*aerial shot*», «*filtration*», «*zoom*», «*backup*», «*soundstage*», «*visual effect*», «*cut*», «*colorist*», «*matte*», «*gaffer*», «*blue-screen shot*», «*angle*», «*camera angle*», «*wrap*», «*arc shot*», «*boom*», «*blow-up*», «*lighter*», «*special effect*», «*footage*», «*stabilizer*», «*B-movie*», «*lobby*», «*color-correction*», «*flash*», «*caption*», «*cast*» и т. д. Следует отметить, что появление многих терминов в киноиндустрии также связано с техническим прогрессом. Например, слово «*camcorder*» обозначает не просто камеру, а маленькую камеру, которая может легко помещаться в одной руке. Слово «*boom*» означает специальное длинное приспособление с микрофоном на конце, чтобы записывать речь актеров, оставаясь одновременно незаметным на экране для зрителей.

Следует акцентировать внимание на многообразии существующих аббревиатур. «*SMPTE*» («*Society of Motion Picture and Television Engineers*»), «*SDDS*» («*Sony Dynamic Digital Sound*»), «*PVR*» («*Personal Video Recording*»), «*PGA*» («*Producer's Guide of America*»), «*OAV*» («*Original Animated Video*»), «*VOD*» («*Video on Demand*»), «*IMDB*» («*Internet Movie DataBase*»), «*ICG*» («*International Cinematographers Guild*»), «*HFC*» («*Historians Film Committee*»), «*CGI*» («*Computer-Generated Imagery*»). Добавим, что в кинодискурсе аббревиатуры чаще используются именно в письменной, а не в устной речи, поскольку употребление аббревиатур на письме значительно экономит место, в то время как использование их в устной речи вызывает непонимание коммуникантов. Данный вывод сделан на основе анализа материала корпуса. Лишь незначительное количество аббревиатур использовалось в диалогах и интервью актеров и режиссеров, в то время как они активно употреблялись при обзоре кинофильмов или при обсуждении достоинств разнообразной кинотехники.

Благодаря корпусу мы выделили большое многообразие жанров фильмов. Проанализировав полученные жанры, мы заметили, в XXI веке все большую популярность начинают набирать поджанры и гибриды жанров, включающие в себя сразу несколько жанров. Например, «*animated cartoon film*», «*caper film*», «*found footage*», «*musical/dance film*», «*biopic*», «*chick flicks*», «*courtroom drama*», «*detective-mystery*», «*disaster film*», «*guy movie*», «*road film*», «*sport film*», «*supernatural film*». Возможно, это обусловлено желанием создателей фильмов привлечь большее внимание зрителей к непривычным формам, а также желанием кинозрителей

получить непривычное содержание. Отметим, что в настоящее время есть тенденция включать в название жанра фильма разнообразные технические характеристики. Примером могут служить такие жанры, как: «*short-length film*», «*full-length film*», «*three-dimensional film*», «*two-dimensional film*», «*stereoscopic 3D film*».

3) *Описание слов (word sketch)* позволяет увидеть коллокации, то есть наиболее частотно употребляемые словосочетания. Для удобства они выделяются программой серым цветом. Представлены некоторые грамматические категории, среди которых, например, «*object*», «*subject*», «*modifier*», «*prepositional object*» и ряд других. Рассмотрим их употребление на примерах. Существительное «*screen*» имеет следующие отношения. В качестве дополнения («*get*», «*capture*», «*plan*», «*do*», «*track*», «*grab*»), в роли существительного («*show*», «*follow*», «*require*», «*look*», «*have*»), в виде определения («*wide*», «*few*», «*dolly*», «*long*»), в отношении с союзом «и» («*close up*», «*handheld*», «*scene*», «*camera*»), в качестве предложного дополнения («*background*», «*most*», «*couple*», «*number*», «*kind*», «*lot*»). Существительное «*camera*» имеет следующие отношения. В виде дополнения («*point*», «*use*», «*set*», «*face*», «*focus*»), в роли существительного («*roll*», «*follow*», «*catch*», «*record*», «*roll*», «*capture*»), в отношении с союзом «и» («*microphone*», «*equipment*», «*light*», «*tripod*», «*project*»). Необходимо отметить, что знание данных связей очень важно при изучении языка. Основываясь на данной информации, можно лучше понять структуру иностранного языка, и, следовательно, овладеть языком на более высоком уровне.

4) *Тезаурус (thesaurus)* позволяет получить синонимы и частотность их употребления. Благодаря предоставляемой платформой функции, можно разнообразить речь, используя слова одного синонимического ряда без потери значения. Частотность употребления выражается в числовом эквиваленте, что позволяет более объективно анализировать слова.

К слову «*film*» программа выдает следующие близкие по значению слова: «*picture*», «*movie*», «*image*», «*scene*», «*production*», «*work*», «*project*», «*source*», «*cinema*», «*camerawork*», «*artwork*», «*motion picture*», «*pic*», «*the flicks*». К слову «*actor*»: «*player*», «*star*», «*performer*», «*speaker*», «*boy*», «*artist*», «*guy*». Употребление данных слов позволяет сделать речь более выразительной.

5) *Различие слов (sketch-diff)* наглядно показывает существующую разницу или сходство между словами. Рассмотрим данную функцию на примере двух жанров «*comedy*» и «*horror*». К слову «*comedy*» программа выдает следующие наиболее употребимые прилагательные: «*divine*», «*romantic*», «*musical*», «*slapstick*», «*witty*», «*amusing*». К слову «*horror*»: «*incredulous*», «*unmitigated*», «*gothic*», «*abject*», «*mock*». Благодаря данной функции, можно увидеть сходство и различие значений двух слов, а также частотность их употребления.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проанализировав полученный материал и подробно рассмотрев предлагаемые платформой «*Sketch Engine*» функции, мы можем сделать вывод, что созданный нами электронный корпус «*cinema*» является эффективным средством для анализа и выявления особенностей кинодискурса. Создание узких

**КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ АНАЛИЗЕ КИНОДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ
АВТОРСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО КОПУСА КИНО)**

корпусов и анализ, благодаря им, различных видов дискурса, является, на наш взгляд, перспективным направлением в лингвистике.

Список литературы

1. Маник С. А. Использование языковых корпусов в преподавании английского языка (на материале базы SketchEngine) / С. А. Маник // Образовательный процесс в университете: реалии и совершенствование. Сборник научно-методических статей. – Иваново, 2013. – С. 231-239.
2. Слышкин Г. Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей, Publishers, 2004. – 153 с.
3. Dynel M. Stranger than fiction? A few methodological notes on linguistic research in film discourse / M. Dynel // Brno Studies in English. – 2011. – Vol. 37, No 1. – P. 41-46.

**CORPUS TECHNOLOGIES IN THE CINEMA DISCOURSE ANALYSIS (BASED ON THE
AUTHOR'S CORPUS)**

Shamova N.A.

In the XXI century there is a scientific and technological progress and a computerization of society. As a result new technologies are applied in linguistic and lexicographical researches. Corpus technologies become more and more popular. Their aim is to help in a selection, systematization and analysis of large amounts of information thanks to special functions. Recently there is a tendency of the creation of narrow corpora in different fields of knowledge. In the article a question about the effectiveness of the usage of corpus technologies in cinema discourse analysis is raised, namely the author's corpus «cinema» that has been developed on the platform «Sketch Engine».

Keywords: corpus technologies, cinema discourse, Sketch Engine, the author's corpus.

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ. ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 372.881.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Аржанцева Т. В., Гончарова Ю. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: atana@i.ua; lapochka_goncharova@mail.ru*

Научно-методическая статья посвящена анализу учебно-воспитательных возможностей лингводидактической сказки при обучении русскому языку. В исследовательской работе уточняется понятие «лингвистическая сказка», рассматриваются условия формирования мотивации познавательной деятельности, приводятся конкретные примеры обучающих сказок, написанных авторами статьи и учениками 5-х классов симферопольской МБОУ «Школа-лицей» №3. Авторами предпринята попытка систематизировать основные направления работы с лингвистической миниатюрой на уроках русского языка.

Ключевые слова: лингвистическая сказка, лингводидактическая сказка, дидактическая сказка, лингвистическая миниатюра, мотивация познавательной деятельности, игровая деятельность на уроках русского языка, элементы занимательности.

ВВЕДЕНИЕ

Следствием угасания интереса школьников к изучению русского языка является снижение их правописной (орфографической и пунктуационной) грамотности и неумение правильно излагать свои мысли.

Психолингвисты объясняют этого отсутствием у большинства учащихся бюджетных муниципальных учреждений мотивации познавательной деятельности и высказывают предположение о том, что одним из главных условий успешного обучения русскому языку является внутренняя (интринсивная) мотивация, связанная не с внешними обстоятельствами, а с самим содержанием учебной деятельности.

Осознавая это, учителя-словесники в процессе обучения русскому языку применяют такие методические приемы:

- привлечение необычного дидактического материала;
- использование нестандартных заданий, которые позволяют вызвать интерес и к содержанию учебного материала, и к самим формам работы на уроке;
- вовлечение школьников в игровую деятельность;
- организация исследовательской деятельности учащихся, предполагающая самостоятельный поиск ими путей решения поставленных задач.

Не отрицая действенности этих приемов, авторы статьи одним из путей формирования у обучаемых внутренней познавательной мотивации считают

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

использование на уроках русского языка сказочных лингвистических историй. Чтение, слушание и сочинение лингвистических сказок рассматривается в данной статье как эффективный методический прием, способствующий активизации мыслительной деятельности обучаемых и повышению их познавательной мотивации.

В школьной практике лингводидактическая миниатюра наиболее востребована во внеклассной работе словесника, например, при проведении олимпиад и недель русского языка. Однако опыт применения лингвистических сказок в классно-урочной деятельности не систематизирован, используемые сюжеты далеко не всегда способны заинтересовать школьников настолько, чтобы сформировать устойчивую интринсивную мотивацию познавательной деятельности, что и определяет **актуальность данного исследования**.

Цель данной статьи – описать различные варианты использования лингвистических сказок на уроках русского языка для повышения внутренней мотивации учащихся и продемонстрировать наиболее удачные примеры произведений данного жанра.

Новизна работы состоит в том, что в ней не только теоретически обосновывается один из способов формирования интринсивной мотивации, но и демонстрируются оригинальные тексты лингвистических сказок, сочиненных как авторами данного исследования, так и самими школьниками.

Практическая значимость заключается в том, что сказочные сюжеты на языковые темы, представленные в статье, могут использоваться практикующими учителями-словесниками для того, чтобы школьникам было легко и интересно познавать основные законы и правописные нормы русского языка.

Практический материал, презентуемый в данной работе, предназначен для работы с учащимися младшего школьного возраста, а также со школьниками 5-х – 6-х классов, поскольку в лингводидактике распространено мнение о том, что сказка наиболее эффективна при обучении русскому языку детей дошкольного и младшего школьного возраста.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В силу своих психолого-физиологических способностей дети этого возраста очень подвижны. Им довольно сложно долго слушать объяснение учителя и много писать. Поскольку одним из главных инструментов познания мира для них является сказка, то использование сказочных сюжетов, помогающих легко усвоить лингвистические понятия и овладеть правописными нормами, может стать эффективным средством обучения русскому языку. Как чтение, так и сочинение школьниками сказок способствует более глубокому пониманию теоретических сведений и легкому усвоению правил правописания, потому что в них изучаемый материал подается в яркой и образной форме.

Лингвистическая, или лингводидактическая (обучающая русскому языку) сказка – это небольшой по объему вымышленный рассказ, назначение которого состоит в том, чтобы учащиеся могли получить образное представление об изучаемых языковых явлениях. Сказочные лингвистические истории предполагают не только передачу учебного материала, но также формирование мировоззрения и

творческого мышления. В миниатюрах на лингвистические темы символы, знаки, понятия и правила, к которым нужно вызвать интерес, одушевляются и живут в сказочном мире, хорошо знакомом школьникам с самого раннего детства.

Эффективность использования сказочных лингводидактических историй в процессе обучения русскому языку объясняется тем, что такой путь максимально приближен к игре, вызывает у обучаемых живой эмоциональный отклик, чем и определяется прочное запоминание теоретического материала, а также увлеченность учебной деятельностью, которую довольно сложно вызвать изучением теории, изобилующей не совсем понятными, потому и неинтересными школьнику терминами.

Одним из наиболее удачных примеров сказочных историй на языковую тему, по мнению авторов, является лингвистическая сказка Л.В. Бурмистровой «Чудесные приключения в стране Словографии» [3].

В ней в занимательной форме рассказывается о структуре и законах русского языка, раскрываются способы обучения детей чтению и письму. Изучение букв и звуков становится увлекательным путешествием-игрой по волшебной стране русского языка Словографии, населенной буквятами.

По мнению Л.В. Бурмистровой, эта сказка поможет:

- ученикам начальной школы легко запомнить сложную классификацию букв и звуков, охарактеризовать любой звук русского языка;
- пятиклассникам в занимательной форме повторить и обобщить фонетические знания, полученные в младших классах;
- учащимся 11-го класса без проблем сдать ЕГЭ по разделу «Фонетика» [3].

Написанная еще в начале 90-х годов прошлого столетия, данная сказка вызвала у учителей-словесников большой интерес, но предложенная ее автором обучающая методика не нашла широкого распространения в образовательных учреждениях. Л.Н. Олейник высказывает три предположения по поводу того, почему так произошло:

- на Украине начался массовый переход на украинский язык обучения, и русскоязычная сказка стала неактуальной;
- педагоги не знают, как учить по сказке;
- классно-урочная система не позволяет проводить занятия в сказочной форме [3].

Как правило, композиционная схема, по которой строится сюжет на лингвистическую тему, такая же, как и схема построения фольклорной сказки: присказка, зачин, сказочное действие и концовка. Отличие лингвистической сказки от фольклорной в том, что ее сюжет построен таким образом, что в процессе его разворачивания перед читателями или слушателями раскрываются определенные лингвистические понятия или нормы правописания.

Примером тому могут служить лингвистические сказки, написанные Аржанцевой Т.В.

С помощью первой сказки учащиеся младших классов имеют возможность ознакомиться с фонетическими законами. С помощью второй – усвоить правила правописания.

Две сказки о чудесных приключениях братца Ы и сестриц И и Й

Первая сказка

В сказке рассказывается о том, почему мягкость согласных на письме обозначается буквой И, но не может обозначаться буквой Ы.

Жила себе поживала в десятой квартире алфавита многозначительная буква И. Почему многозначительная? Потому что работа у нее была очень важная и ответственная. Буква И была не только буквой, но еще и соединительным союзом: соединяла между собой однородные члены и части сложного предложения.

По соседству с ней, в одиннадцатой квартире, обитала ее сестрица Й. Сестры были настолько похожи, что иногда их даже путали. Особенно иностранцы, которым приходилось изучать русский язык.

Чтобы людям проще было их различать, сестрица Й всегда ходила с кокетливым бантиком на макушке.

А еще сестрички И и Й были такими веселыми, что никто не мог даже имен их произнести без улыбки. Если кто-то хотел позвать сестричек, то есть произнести звуки [и] или [й], которые они обозначали, должен был непременно улыбнуться.

А еще у букв И и Й был братец Ы. Домик его находился в самом конце алфавита.

Но несмотря на внешнюю похожесть, все они были очень разные. Например, у сестренки И характер был очень мягкий, поэтому все согласные, рядом с которыми она в словах стояла, тоже приобретали мягкость. Их так и называли – мягкие согласные.

У братца Ы, в отличие от сестры И, характер был очень твердый и нрав крутой. Стоило только братцу Ы занять то же место в слове, которое до него занимала сестрица И, как мягкие согласные сразу становилось твердыми, и даже слова от такой твердости преображались и совершенно изменяли свое значение.

Вот как это выглядело: *пил – пыл, бил – был, мило – мыло, забил – забыл, слить – слыть, вилы – выли.*

Такие интересные превращения происходили только потому, что изменялась в слове всего-навсего одна-единственная буква.

Но это еще далеко не все чудеса, которые могли совершать братец И и его сестрица Ы.

Хотите знать, что творили эти проказники?

Тогда читайте следующую сказочную историю из жизни И и Ы.

(Т.В. Аржанцева)

Вторая сказка

В ней рассказывается о том, почему –жи и –ши нужно писать с буквой И, а не с буквой Ы.

Однажды братец Ы, перебегая из одного слова в другое, наступил на ногу букве Ш и не извинился. Она разозлилась и зашипела, словно змея:

– Ишшш ты, какой шшшшустрый! Бегаешшшь и не смотришшшь под ноги! Не видишшшь, что буква на твоём пути? Кашшшшмар какой! Какой кошшшшмар!

– Осторожжжнее нужно быть! Осторожжжнее! Неужжжели невозможжжно ходить по свободным линиям тетрадного листа, а не по чужжжим ногам? – поддержала подругу буква Ж.

Братцу Ы нужно было бы сразу принести свои извинения. Но он, как мы знаем, был нравом тверд и очень упрям. Не в его правилах было проявлять мягкость по отношению к рядом стоящим согласным. Он насупился, даже расплакался, но все равно продолжал твердо стоять на своем:

– Ыьыыыыы, – размазывал он по щекам слезы, но при этом все равно упирался. – Не буду я ни перед кем извиняться! Не буду!

– Как жжже так можжжно!? Как можжжно быть таким невежжжливым!? – возмущалась буква Ж.

И такой начался по этому поводу переполох в алфавите!

В конце концов буквы Ж и Ш так разгневались на братца Ы, что сестрице И с огромным трудом удалось предотвратить настоящую драку. Как ни уговаривала миролюбивая И обидевшихся Ж и Ш успокоиться и простить ее неуклюжего братца, они оставались непреклонными. Потому-то и стали их называть твердыми согласными. Ни при каких условиях Ж и Ш мягкими не бывают. Даже в том случае, когда за ними стоит мягкий знак, обычно обозначающий мягкость предыдущего согласного. И уже никого больше не удивляет то, что в словах *думаешь*, *знаешь*, *пишешь* звук [ш] твердый. И в словах *отрежь*, *намажь* звук [ж] тоже твердый. В этих словах даже мягкий знак утрачивает способность обозначает мягкость. Занимая позицию после буквы Ш, он может показывать только то, что глаголы *думаешь*, *знаешь*, *пишешь* и им подобные употреблены в форме 2-го лица единственного числа: *ты думаешь*, *ты знаешь*, *ты пишешь*.

А все потому, что сестры И и Й, чтобы избежать конфликта, уговорили братца Ы никогда не подходить близко к непримиримым шипящим Ш и Ж.

С тех пор в русском языке не стало ни одного слова, в котором братец Ы встретился бы с буквами Ш и Ж.

Обиженные Ш и Ж оставались настолько твердыми в своем решении не идти ни на какой компромисс, что даже буква И не смогла смягчить их сердца. Из-за этого в тех словах, где И стояла после Ж и Ш, их звучание оставалось твердым: *шишка*, *рыжий*, *шиповник*, *жираф*, *машина*, *ложись*, *жизнь*.

Вот почему в этих словах после букв Ш и Ж мы слышим звук [ы], а пишем букву И.

Это правило стало настолько строгим, что у него нет ни одного исключения. Писать нужно только -ШИ- и только -ЖИ-, но никак иначе.

Учителя русского языка очень строго следят за выполнением этого правила. Как только напишет ученик после Ж или после Ш букву Ы, они берут ручку с красной пастой и исправляют ошибку. Вот и стараются малыши никогда не

нарушать данное правило, иначе может снова вспыхнуть большой скандал.
Буквы Ш, Ж и братец Ы непримиримы.
И ты, будь, пожалуйста, внимателен. ЖИ и ШИ пиши с буквой И.
(Т.В. Аржанцева)

Кроме обучающего назначения, сказочная лингвистическая миниатюра может использоваться и в воспитательных целях. Через конфликтные ситуации, возникающие между героями, учащиеся осмысливают нравственные ценности и идеалы.

Воспитательный потенциал дидактических сказок использовался К. Д. Ушинским, В. А. Сухомлинским, Л. Н. Толстым. Не теряют интереса к данной проблеме и современные психологи и педагоги. В их числе Г. Н. Волков, Т. Д. Залетова, А. В. Запорожец, Т. Д. Зинкевич-Евстегаева, Л. Д. Короткова, Н. М. Погосова, Л. Б. Фесюкова.

Примером, иллюстрирующим воспитательные возможности сказочных лингвистических историй, может служить вымышленный сюжет о мягком знаке, цель которого не только объяснить отсутствие этой буквы в сочетаниях -чк-, -чн-, -нч-, -щн-, -нщ-, но и раскрыть нравственную ценность дружбы.

Сказка о невидимке мягком знаке

Жили-были в некоторых словах буквосочетания -чк-, -чн-, -нч-, -щн-, -нщ-

Они встречались друг с другом довольно часто, например, в таких словах: девочка, скучно, закончить, мощный, каменщик.

Буквы в этих сочетаниях были не разлей вода, а еще они очень дружили с мягким знаком.

И вот однажды приключилась с их другом такая история. Гулял мягкий знак по тетрадным линейкам, весело перепрыгивал с одной на другую. А за окошком сидел, нахохлившись, серенький воробышек на высоковольтных проводах и наблюдал, как озорной мягкий знак скачет с одной линейки на другую. Последовав его примеру, воробей тоже стал перелетать с провода на провод, но вскоре ему это надоело.

Нужно сказать, что воробей был маленький, но очень задиристый. Не жилось ему спокойно, все время хотелось кого-нибудь задеть или клюнуть. Оттого и друзей у него не было.

Прочирикал воробышек мягкому знаку:

– Эй, буква, лети ко мне! Будем вместе по проводам скакать, хвостиками вертеть и весело чирикать.

– Как же я полечу? – спросил мягкий знак. – У меня и крыльев-то нет, чтобы взлететь, и клюва нет, чтобы чирикать, да и вертеть мне, в общем-то, нечем, так как хвоста у меня тоже нет.

– Зачем же ты тогда такой нужен – бескрылый, бесхвостый и бесклювый?

Даже у мошек есть крылья, а у тебя – нет! Фу, таким быть! – презрительно прочирикала птица.

– Твоя правда, воробей. Нет у меня ни крыльев, ни хвоста, ни клюва. Но зато у меня есть друзья – -чк-, -чн-, -нч-, -щн- и -нщ-. А это поважнее, чем крылья, хвост и клюв, – гордо парировал мягкий знак.

– Ха-ха-ха! Нашел чем похвастаться! Крылья в жизни намного важнее друзей, потому что с их помощью можно улететь от врагов. И клюв важнее друзей, потому что с его помощью можно заклевать врагов! А хвостом можно весело вертеть, сидя на проводах.

– Зато с друзьями можно поиграть и поработать, погрустить и посмеяться.

– А вот я сейчас тебя склюю, и никакие друзья тебе не помогут. Тогда и увидим, что важнее.

Стремительно слетел воробей с проводов на тетрадку, и тут увидел мягкий знак, какой он огромный. Это только издалека казалось, что воробышек совсем крошечный. Вблизи он оказался огромной серой птицей. Достаточно ему было всего один-единственный разочек клюнуть – и все, не стало бы мягкого знака. Кто бы тогда обозначал мягкость предыдущего согласного? Как знать, справились бы без него буквы И, Й, Е, Ё, Ю, Я или не справились бы.

Оценив всю меру нависшей над ним опасности, бросился мягкий знак за помощью к своим друзьям -чк-, -чн-, -нч-, -щн- и -нщ-. Пять смелых буквосочетаний не бросили своего друга мягкого знака в беде. Мужественно стали они на его защиту. Закрыли, что называется, собой, собственным, можно сказать, телом.

Всматривается задиристый воробей в слова и не может рассмотреть в них мягкого знака. Видит только его друзей -чк-, -чн-, -нч-, -щн- и -нщ-:

-чк-: ночка, тучка, дочка, штчка, цветчки, полочка;

-чн-: конечно, нарочно, срочно, прочно, праздничный;

-нч-: закончить, стаканчик, дачник;

-щн-: мощный, сущность, овощной;

-нщ-: каменищик, оценищик, оконищик.

Все глаза проглядел, а клевать-то некого.

Стал он вслух читать эти слова. Слышит, что звуки-то в них слышатся мягкие, значит, должен быть мягкий знак, а увидеть его не может. Надежно скрыли буквы своего друга.

Так и улетел воробей обескураженный и удивленный.

Понял он, что друзья в жизни иногда бывают намного важнее, чем собственные крылья, клюв и хвост, и улетел искать себе друзей.

Только ты, дружок, пожалуйста, не выдавай букву мягкий знак и никогда-никогда не пиши его в буквосочетаниях -чк-, -чн-, -нч-, -щн-, -нщ-.

Вдруг воробей вернется, увидит мягкий знак и склюет его.

(Т.В. Аржанцева)

С другими сказками того же автора можно познакомиться на сайте «Свои сказки детям», в разделе «Умные сказки» [8].

Вариантов использования лингвистических сказок на уроках русского языка достаточно много. С их помощью можно в занимательной форме провести

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

объяснение нового материала и закрепление усвоенного ранее. Они могут использоваться в качестве дидактического материала.

Большую ценность имеет сочинение детьми собственных лингвистических сказок при изучении той или иной темы. Для того чтобы создать сказочный сюжет, необходимо глубоко вникнуть в содержание материала, который послужит основой для вымышленной истории, хорошо понять его. О том, насколько эффективным может стать задание сочинить лингвистическую сказку, свидетельствуют миниатюрные сюжеты, созданные школьниками самостоятельно.

Королева Морфология

Жила-была королева Морфология. И правила она всеми частями речи. Царил там мир и покой. Но однажды случился страшный шторм, из-за которого все части речи перепутались. Чувствуя, что они не на своем месте, части речи сообщили об этом Морфологии. Королева незамедлительно приняла мудрое решение. Она поделила все части речи на самостоятельные и служебные. Самостоятельные части речи были наделены каждый своим признаком и вопросом, а служебные – специальными функциями, которые помогали связывать слова и предложения, а также придавать им дополнительные значения. Все прояснилось в королевстве. И теперь части речи знали: что бы ни случилось, они всегда найдут дорогу домой.
(Эмирсалиева Камилла, ученица 5-Д класса МБОУ «Школа-лицей» №3)

Страна Глаголия

Давным-давно в царстве Грамматика жил-был царь Глагол со своим глагольным людом. В этом царстве не любили ленивых и спокойных, так как весь день что-то делали: бегали, прыгали, читали, мастерили, строили. Глаголяне всегда были там, где учились, работали, помогали. Царь Глагол – великий труженик, потому что делает и сделает так, как всем надо. А еще царь не любил частицу НЕ, поэтому никогда не стоял с нею рядом. Также у царя было два сына – 1-е спряжение и 2-е спряжение. Царь Глагол может то, что не может другая часть речи – изменяться по временам. Но временами бывает так, что глагол теряет свое лицо, когда ВЕЧЕРЕЕТ, СМЕРКАЕТСЯ, ДУЕТ в окно и ХОЧЕТСЯ сесть у теплой печки и ПОМЕЧТАТЬ. Вот такая мечтательная страна Глаголия.
(Полосухин Максим, ученик 5-Д класса МБОУ «Школа-лицей» №3)

Корни Гор и Гар

В тридесятом государстве жила королева Орфография и было у нее два сына-близнеца, которых звали Гор и Гар. Чем взрослее они становились, тем сложнее их было различить. Как-то раз позвала королева своих подданных – суффиксы, приставки, корни и ударения – и поставила перед ними задачу сделать так, чтобы она смогла различать своих сыновей. Первым за дело принялся корень. И

так он пытался и смяк, но ничего у него не получилось. Следующим пошел суффикс. Тоже ничего не вышло. На третий раз рискнуло ударение. Вскочило оно что было сил, стало над буквой А. Обрадовались все придворные, хлопали они ударению. Королева поблагодарила ударение и щедро наградила за выполненную задачу. С тех пор как увидит царица над корнем ударение, то уже знает, что это сын Гар, а без ударения – Гор.

(Суворова Кристина, ученица 5-А класса МБОУ «Школа-лицей» №3)

Сочиняя лингвистические сказки, школьники учатся образно мыслить, композиционно оформлять плоды своего воображения. Творческий процесс создания сказочных сюжетов способствует развитию фантазии учащихся, совершенствованию их монологической речи, повышению орфографической и пунктуационной грамотности.

ВЫВОДЫ

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- преобразование научных сведений в сказочные образы и сюжеты и использование этих сюжетов на уроках русского языка способствует развитию познавательной активности, творческих способностей учащихся, формированию интереса к русскому языку и внутренней мотивации к его изучению;
- чтение и прослушивание лингводидактических сказок позволяет объединить учащихся совместной познавательной деятельностью, что улучшает микроклимат в классе;
- в процессе слушания или чтения сказок повышается уровень положительных эмоций, что содействует непроизвольному усвоению теоретического материала;
- лингводидактические сказки способствуют концентрации внимания учащихся, стимулируют протекание мыслительных процессов;
- сочинение школьниками собственных сказок обуславливает более глубокое понимание теоретического материала, помогает им отыскать новые связи и отношения между языковыми единицами, представленными в виде сказочных героев или объектов, обогащает словарный запас, позволяет осмысливать и запоминать сложную учебно-научную информацию, развивает творческий потенциал личности.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ**

Список литературы

1. Белоусов В.Л. Сочинение-сказка в V классе / В.Л. Белоусов // Русский язык в школе. – 1975. – №1. – С. 28-31.
2. Волина В. В. Русский язык. Учимся играя / В. В. Волина. – М.: Новая школа, 1994. – 448 с.
3. Информационно-образовательный форум «Педагогическая практика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://metodika.rusff.ru/viewtopic.php?id=211>. – Дата доступа: 16.12.2016.
4. Короткова Л. Д. Технология использования авторской дидактической сказки / Л.Д. Короткова. – Москва: Перспектива. – 176 с.
5. Смелкова З.С. Как работать с лингвистической миниатюрой / З. С. Смелкова // Русский язык в школе. – 1999. – №2. – С. 17-22.
6. Тумина Л.Е. Лингвистическая экспедиция в страну Сказочного языка / Л. Е. Тумина // Русский язык в школе. – 1994. – №4. – С. 50-58.
7. Фантастический мир сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ckazka.net>. – Дата доступа: 16.12.2016.
8. Свои сказки – детям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svoiskazki.ru/category/umnye-skazki/>. – Дата доступа: 14.12.2016.
9. Хранители сказок. Собрание авторских и народных сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hobbitaniya.ru>. – Дата доступа: 16.12.2016.

**FORMATION OF THE INTERNAL (INTRINSIC) MOTIVATION OF COGNITIVE
ACTIVITY AS A CONDITION FOR SUCCESSFUL LEARNING RUSSIAN LANGUAGE**

Arzhantseva T.V., Goncharova Yu.V.

The scientific and methodical article clarifies the concept of "extrinsic and intrinsic motivation", the motives of Russian language teaching considered, reveals the basic conditions for a successful training is offered problem-dialogical approach to familiarize trainees with the roots of spelling rules with alternating vowels, which corresponds to the most important areas in the implementation of the Federal requirements state educational standards.

Key words: motivation of cognitive activity, internal and external motivation, extrinsic and intrinsic motivation, bad dialogue, urging dialogue, dialogue supply alternating vowels in root words, problem-dialogical learning technology "discovery" of knowledge by students.

УДК 81

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СПОРТИВНЫХ РЕПОРТАЖАХ ДМИТРИЯ ГУБЕРНИЕВА

Клюева Н.Ю.

*Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: newnat46@yandex.ru*

Настоящая статья посвящена актуальному вопросу в современной лингвистике – изучению дискурса, в частности особой коммуникативной ситуации спортивного телерепортажа. Анализируется речь российского журналиста-комментатора Д. Губерниева, его репортажи с соревнований по биатлону. В статье рассматривается, как с помощью вербальных средств журналист воздействует на зрительскую аудиторию. Изучение средств реализации воздействующей функции проводится в рамках прагмалингвистики. Выявляются основные интенции спортивного журналиста; отмечается установка на адресата, как главная в данной коммуникативной ситуации; описываются прямые и косвенные тактики речевого воздействия.

Ключевые слова: прагматика, диалогичность, интенции, спортивный репортаж, тактики речевого воздействия, перлокутивный эффект, апеллятивная и экспрессивная прагматические функции.

ВВЕДЕНИЕ

«Мы спортивная страна!» – неоднократно подчеркивает в своих репортажах известный российский спортивный журналист Дмитрий Губерниев. И действительно, спорт сегодня необычайно актуален для жителей нашей страны. Очевидно, что «в спортивной сфере осуществляются процессы физического, интеллектуального, нравственного, эстетического воспитания и самосовершенствования личности. Спорт также является фактором национального сплочения, широкого общения между народами, укрепления международного сотрудничества» [1, с. 167]. Полагаю, наука не должна оставлять за границами своего внимания ту область, которая является важной для современного общества. Филология, конечно, должна обращаться к живому слову своих современников. Именно вопросы дискурса представляют особый интерес в лингвистике XXI века. В связи с этим актуальность приобретает изучение такой коммуникативной ситуации, такого жанра журналистики, как спортивный репортаж. Исследованием особенностей спортивного репортажа сегодня в науке занимаются крайне мало, а изучение вопросов телевизионного репортажа вообще практически отсутствует. Это можно объяснить сложностью изучения речевого потока разговорной речи (чаще анализируют печатные жанры). Но именно эта ситуативная, спонтанная, импровизированная речь представляет, по нашему мнению, особый интерес. Поэтому в фокус нашего внимания попадают вопросы изучения языка телерепортажей. В качестве примера мы выбрали спортивные репортажи по биатлону яркого, креативного журналиста Дмитрия Губерниева.

Цель нашего исследования – показать, как с помощью вербальных средств журналист воздействует на зрительскую аудиторию. Следует признать, что воздействующая функция здесь является ведущей. Изучение средств реализации данной функции мы будем проводить в рамках прагмалингвистики, поскольку

функцию воздействия прежде всего называют прагматической. В качестве материала для анализа мы взяли репортажи с шести биатлонных гонок (мужской масс-старт 06.02.2016, мужской спринт 11.02.2016, мужская гонка преследования 12.02.2016, женская гонка преследования 12.02.2016, мужская эстафета 14.02.2016 и женская эстафета 19.02.2016).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Дискурс «спортивный телерепортаж»

Рассмотрим, каковы основные интенции спортивного журналиста, работающего в телевизионных СМИ. Репортаж направлен на массовую аудиторию и предназначен для удовлетворения запросов зрителей, активно интересующихся тематикой спорта, досуга. И здесь функция сообщения (сообщение о соревнованиях) зачастую вытесняется коммуникативной, диалогической, а целью спортивного журналиста становится (вместе с комментарием, анализом события) увлечение и развлечение зрительской аудитории. Журналист, кроме того, реализует в репортаже свою точку зрения, приводит свои оценки события, что также влияет на формирование мнения слушателя и осуществляет эмоциональное воздействие на него. Таким образом, ведущей в жанре спортивного репортажа следует признать прагматическую категорию адресанта, говорящего.

Говорящий воплощает в сообщении ряд своих коммуникативных установок, самой главной среди которых, по нашему мнению, является установка на адресата, в данном случае, на зрителя, сидящего у экрана телевизора. В установке на адресата говорящий «постулирует, что он взаимодействует с другим субъектом, включенным в то же прагматическое пространство» [2, с. 16]. В успехе этого взаимодействия важную роль играют фоновые знания, которыми должны обладать адресант и зритель для понимания контекста данного речевого события. «К общим фоновым знаниям относятся не только собственно языковые знания, но и сведения исторического, социального, культурного характера» [там же].

Также при анализе спортивного телерепортажа важно учитывать тот факт, что, хотя адресатом здесь является зритель, имеющий перед глазами «картинку», для журналиста-комментатора это все-таки слушатель, и он может воздействовать на него только вербально. Возможности говорящего здесь ограничены: только языковые средства и возможности голоса (интонация, тембр, тон, высота, паузы и др.) – без использования мимики, жестов, позы и др.

Напомним, что вопросами оптимального выбора языковых средств для достижения эффективного воздействия как раз и занимается прагмалингвистика. Функция воздействия на адресата связана с перлокутивным эффектом. Главная цель адресанта заключается в достижении прагматического эффекта, т.е. максимального, целенаправленного и сознательного воздействия на адресата речи [2, с. 18-29].

Воздействие, управление поведением является целью вообще всякого общения, в том числе и в акте коммуникации спортивного комментатора со зрителями. «Воздействие на адресата осуществляется различными способами, что проявляется в отборе языковых средств, ориентированных на адресата, и учете его реакции (непосредственной или прогнозируемой) на информацию, сообщенную адресантом» [там же]. Известно, что некоторые установки говорящего составляют

прямые (открытые) цели речевых актов, т.е. они могут быть явно выражены (*Приказываю тебе встать!*). Кроме того, установки могут иметь и косвенный характер. В отличие от прямого, непосредственного воздействия, косвенное воздействие происходит в какой-то степени непреднамеренно, бессознательно.

Прямые тактики речевого воздействия в спортивном телерепортаже

Как показывает анализ телерепортажей Д. Губерниева, говорящий в своей речи чаще всего использует **прямые тактики воздействия** (*прямые обращения, вопросы к зрителям, глаголы в повелительном наклонении, призывающие слушателей сделать определенное действие, повествовательные и вопросительные конструкции*, которые или сообщают конкретную информацию, или запрашивают ее у собеседника и др.). Такие языковые средства одновременно являются и сообщениями, и действиями, которые оказывают на собеседника нужное субъекту воздействие.

Наиболее действенны в этом плане **прямые обращения** к зрителям. Визитной карточкой Дмитрия Губерниева является особое обращение «*Уважаемые друзья!*». По нашим подсчетам, в каждом репортаже комментатор употребляет данное выражение более 15 раз. Кроме того, речь журналиста пестрит обращениями, в которых он использует местоимения *Вы* и *Мы* (в последнем случае такое употребление способствует единению говорящего и слушающих): *Вы видели, полагаю, прямое включение в специальной программе; И снова я хочу сказать спасибо вам, уважаемые зрители, кто смотрел нашу трансляцию; Полагаю, что и вы все слышите нормально; Каждому передаю горячий привет; И вот у нас тотал, уважаемые друзья; Спасибо вам за внимание, уважаемые друзья; Но как вы понимаете, это шутка; Вы, надеюсь, посмотрели наш специальный репортаж. Ищите его в Интернете; Есть свет у нас, уважаемые друзья; Тут надо понимать, что важнее. Правда, поклонники биатлона?*

Следует отметить регулярность использования Д. Губерниевым **глаголов и глагольных форм**. Эта черта, как известно, характерна для публицистического стиля, где ведущей является функция воздействия. Отметим, в первую очередь, частотность употребления глаголов в повелительном наклонении, призывающих зрителей сделать то, о чем просит говорящий: *Посмотрите, Шипулин уже лидирует; Ну вот, посмотрите, как меняется ситуация; Вы посмотрите, как... (в каждом репортаже не менее 5 раз); Шипулин уже на второе место переходит, посмотрите! Кто не знает, это стихотворение Рождественского, почитайте! И здесь, кстати, Прима не сдается, вы посмотрите! Давайте сравним...; Ну вот смотрите, он уже впереди! Вот посмотрите, как меняется сейчас погода; И не забудьте, что совсем скоро стартует женский масс-старт; Дальше смотрите нашу биатлонную программу; Не забудьте, что сегодня еще одна трансляция; Давайте посмотрим, какое место будет занимать Юрлова; Вот посмотрите, насколько Катя на дистанции чувствует себя хорошо; Следите за рекламой, следите за анонсами; Смотрите на сайте Sportbox.ru и канале МатчТВ; Посмотрите, как она готова! Посмотрите, как здесь много наших! Посмотрите, как уверенно работает наша Катя! Нет, ну посмотрите, Юрлова наша огонь! Вы посмотрите: Соукалова как будто спринт бежит!* Как мы видим, такие обращения чаще всего сопровождаются восклицательной интонацией, а глаголы в повелительном наклонении помогают журналисту пригласить зрителей к

совместным переживаниям, акцентировать внимание на том, что важно для говорящего, а также анонсировать следующие трансляции или напомнить о прошедших.

Важно отметить и регулярность использования в репортажах Губерниева глагольных форм в настоящем и будущем времени, изъявительном наклонении, но имплицитно имеющих значение повелительного наклонения: *Ну вот, вы **видите**, заполнены трибуны; Мы **видим**, очередная снежная буря; Мы **видим**, как разгоняется Алексей Слепов; Ну вот сейчас мы **видим**, как стадион готов... Здесь же, мы **видим**, работают наши тренеры; И мы **видим**, как меняется ситуация! Мы **видим** просвет! Мы **видим**, что по дистанции он отстал; Мы все **видим**, что был явный фальстарт; Мы **видим**, что на грани штрафного круга Франция! Внимательно будем следить за стрельбой Поварницына; Ну что ж, **наберемся терпения и будем ждать. Сделаем небольшую паузу, а затем вернемся в гонку; Но не будем о рейтингах забывать.***

Важную роль в воздействии на зрителей играют также **восклицания и вопросы**, выражающие личностную пристрастность и апеллятивный компонент, благодаря чему достигается максимальный прагматический эффект. Журналист часто использует форму вопроса (в том числе и риторического), на который дает иронический ответ. Тем самым достигается максимальное воздействие на слушателя: говорящий стремится вызвать у него реакцию на происходящее, приглашает к совместным рассуждениям, актуализирует его мыслительную деятельность. Используя вопросы, комментатор обращается к оценке того или иного явления, а это требует от адресата активности и в некоторой степени сотворчества. Например: *Кто у нас на ноль отработал? Может быть, сегодня он использует свой шанс? Кто сейчас осмелится сказать, что Фуркад не выиграет пятый Кубок мира подряд?! Ну что у нас тотал? Обратите внимание... Ой-ой-ой! Неужели фальстарт?! Представляете, какая скоростная?! Насколько в состоянии держать последний круг Цветков? Как приятно! Мы спортивная страна, не так ли, уважаемые друзья? Помните, как Соукалова сделала фальстарт? Лучший ход у Сьюзен Дантли. А кто бы сомневался?! Насколько удастся Ольге сейчас продержаться? Итак, смотрим, каким будет гандикап? Будьте с МатчТВ. Я тоже рекламу не люблю, но что делать? Вроде бы ничто не предвещало борьбы, да? Но насколько хватит освещения? Господа, неужели связь налажена?*

Используя вопросы, Д. Губерниев активно размышляет, полемизирует, собирает многочисленные мнения, предположения, версии, которые возникают и сменяют друг друга в голове размышляющего человека в течение всего нескольких секунд. Таким образом говорящий отражает процессы, свойственные человеческому мышлению вообще: *Жюстин Браза на круг?! Нет* (диалог во время стрельбы французской биатлонистки).

Здесь же отметим, что довольно часто журналист использует восклицательные предложения, форму прямого обращения, а также различные глагольные формы, чтобы «пообщаться» с самими спортсменами, «дать им подсказки» или поднять дух, вселить уверенность. Например, так комментатор «успокаивает» российскую биатлонистку Екатерину Юрлову: *Кать, не нервничай! Можешь это сделать!.. И пошла Катя! Надо догонять!*

Подобная речевая стратегия, связанная с реализацией апеллятивной прагматической функции, делает общение комментатора диалогичным, «осязаемым». Итак, мы видим, что апеллятивная прагматическая функция отвечает за установку на адресата, стремление вызвать у него определенное, необходимое адресанту состояние, а также вовлечь в диалог, в почти реальное общение. Создается иллюзия того, что комментатор «видит» своего зрителя, поскольку он постоянно обращается к нему, задает ему вопросы, спрашивает мнение и дает понять, что ценит это мнение. Слушатель для журналиста – активный участник коммуникации. Д. Губерниев таким образом демонстрирует, что уважает и даже любит своего зрителя. Такая интимизация общения, безусловно, располагает слушателя к говорящему, способствует установлению доверительных, теплых отношений между ними. А доверяя журналисту, зритель проще усваивает информацию, предлагаемую ему, не подвергая ее сомнению. Заслужить такое доверие для журналиста, конечно, – высшая цель. И этой цели успешно достигает Д. Губерниев, в том числе умело применяя прямые тактики воздействия.

Косвенные тактики речевого воздействия в спортивном телерепортаже

Необходимо отметить, что **косвенные тактики речевого воздействия** также довольно часто применяются в репортажах Д. Губерниева. По нашим наблюдениям, они связаны с реализацией экспрессивной прагматической функции. В своих научных работах мы упоминали, что идея выявления экспрессивности, связанной с актуализацией прагматического потенциала текста, затрагивает такие важные вопросы, как активность личности адресанта, выбор им соответствующих иллокутивному замыслу языковых единиц. Экспрессия служит усилению воздействующей силы сказанного. Выразительность, экспрессивность речи придают особые языковые структуры, которые поддерживают внимание и интерес у адресата. К таким средствам в изучаемом материале следует, в первую очередь, отнести: *изменение обычного порядка слов (инверсия), использование повторов, антитезы, синтаксического параллелизма, асиндетона и полисиндетона, парцелляции, риторического вопроса и восклицания, восходящие градации, нечленные предложения (коммуникемы и фразеологические схемы), прецедентные феномены.*

С помощью **повтора** говорящий выражает свои чувства, оценки, а также апеллирует к эмоциям, чувствам, настроениям слушателя, побуждая его многократно переживать вместе с ним и со спортсменами их душевные тревоги, опасения или радости, т.е. переводит повествование из сферы информативного в сферу эмоционально-оценочную. Сегментируя речь, повторы, с одной стороны, членят ее, подают частями, «порциями», с другой стороны, акцентируют важные смыслы, элементы, тем самым связывая речь на макроуровне. Повторы являются действенным прагматическим средством, актуализирующим важные детали, концептуальные, имплицитные смыслы, создающим особое напряжение в речи, воздействующим на эмоционально-волевую сферу слушателя, отражающим интенции говорящего: ***Ветер, ветер серьезен; Оглядывается, оглядывается: где там ближайший спортсмен?! Посмотрите, посмотрите, какое у него преимущество! Как сейчас будут работать на рубеже, я не знаю... И были ли такие гонки, я тоже не знаю.***

Чаще всего повторы в речи комментатора сопровождаются использованием градаций. Повторы с градацией можно признать регулярными и одними из основных в речевой манере Д. Губерниева. Эти языковые средства способствуют реализации функции нарастания, призванной обеспечить эмоциональную напряженность в речи, которая усиливается, нарастает с каждым повторенным элементом: *Вот она, Канада! Вот они, горы Кэнмора! Не самая блестящая готовность, не самая блестящая адаптация; Снег пошел, завертелся, повалил; Биатлон, который объединяет, который созидает, – что может быть лучше?! Как верил в нее собственный отец! Как верил в нее тренер! Где-то сейчас время позднее, где-то очень позднее, где-то раннее... – страна не спит, страна смотрит биатлон; Ах, как трудно было все у Юрловой: травмы, падения, сломанное ребро; Биатлон Made in Canada, XXI век, 2016 год!!!* (о провальном показе этапа Кубка мира в Канаде, когда видеотрансляцию на протяжении всей гонки не удалось наладить).

Прагматический потенциал репортажной речи создают также многочисленные **нечленные высказывания (коммуникемы и фразеологические схемы)**, передающие стихию разговорной речи. Если коммуникемы выражают определённое непонятное смысловое содержание (т.е. не равное суждению), то фразеосинтаксическая схема выражает членное понятное смысловое содержание (т.е. равное суждению) (такие высказывания обладают фиксированной и неизменной схемой построения, но в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение) [3, с. 48]. Приведем примеры коммуникем и фразеосхем, которые у Губерниева обязательно сопровождаются восклицательной интонацией: *Поехали! Какая возможность стрелять хорошо! Не дай Бог!.. Вот так так! Дважды мажет Шипулин, эх!.. Ах, и Фуркад промазал! Эх, Расторгуев!.. Не наша гонка, увы! Какая борьба! И так, какая гонка, уважаемые друзья! Вы представляете, насколько он хорош на лыжне?! Какой шанс для Расторгуева! Ну что такое?! Вот это да! Какие неожиданные итоги! Ну что, один промах, это очень здорово! Посмотрите, каков Эрвиц! Как здорово, что биатлон объединяет! Насколько расцвела наша Катюша после Чемпионата мира! Боже мой, что творится! Девушки, что же с вами происходит?! Как страдает от ветра Катя! Ой-ой-ой, не спотыкаться! Но каков Саша! Каков Поварницын! Боже мой! Какой эмоциональный подъем! Варвинец! Но что творит итальянка! (Доротея Вирер обгоняет украинку Ирину Варвинец) Bravo, Юрлова! Bravo, Катя! Вот это борьба, уважаемые друзья! Ну, Катя! Ну, Катя!.. Увы, идем на круг!..*

Несомненно, особой воздействующей силой в спортивном репортаже обладают средства речевой выразительности – **риторические тропы и фигуры**. Следует подчеркнуть, что речь Дмитрия Губерниева отличается высокой образностью. Употребляемые им риторические тропы и фигуры (чаще всего метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы, элементы языковой игры) создают красочный образ и оказывают мощное эмоциональное воздействие: *Ох, а здесь за 1,5 км Фуркад может «разворошить это осиное гнездо»; Наш продюсер Александр Криворучко продолжает творить, лепить и малевать; Фуркад, который, как*

утюг, продолжает гладить эту трассу; Мини-Бё и макси-результат (о лучшем результате в гонке, который показал младший из братьев Бё, Йоханнес); *Хофер застрелился* (4 из 5 промахов, которые допустил спортсмен на стрельбище); *Рыжеволосый, розововинтовочный любимец поклонниц Бё* (о биатлонисте Йоханнесе Бё); *Сейчас он* (Шипулин) *совсем не в той форме, чтобы поражать цель в стиле «Тополя-М»*; *Вот оно, блюдо, которое сварил Поварницын – с 28-го места переместился на 10-е! В этом нашем ресторанчике он* (Поварницын) *шеф-поваром скоро будет!* (о высоких результатах в основной сборной команде России начинающего биатлониста А. Поварницына); *Никто и никогда не делал материала такого рода!* (о специальном сюжете Дмитрия Занина); *Так и хочется, глядя на это, сказать «бабушка Фуркад»* (об обмороженной бороде Мартэна Фуркада при морозе -20); *Ай да Кайса! Ай да леди тысячи озер!* (о финской биатлонистке К. Мякряйнен); *Ветер – мужчина, и он знает, что делает – остается констатировать этот факт: ветер проищуриал мимо Соукаловой и обратился к Вирер;* *Будем надеяться, что эта пушка выстрелит там, где надо* (о российских биатлонистках на грядущем Чемпионате мира); *Это симфония жизни биатлонной, симфония гонки* (о подсказках тренеров спортсменам на трассе); *Блюдо, которое сварил Поварницын, мы распробовали: первое, второе и компот* (несколько призовых мест молодого биатлониста); *Бронзовый мальчик прошлого Чемпионата мира* (о Т. Бё); *Но далеко, далеко на этом биатлонном лугу пасется Бё* (Цветков очень отстал по времени от Т. Бё); *Вот и Акимова, но за ней уже человек б клацают зубами, хотят проглотить! Можно случайно проиграть, случайно выиграть нельзя;* *Посмотрим, суждено ли Юрловой стать Бэлой Ахмадулиной в мире биатлона* (о спортивных победах и поэтическом таланте Екатерины); *Сейчас биатлонные боги будут просить американское солнышко садиться чуть-чуть медленнее.*

Прагматическую функцию воздействия в спортивных репортажах Д. Губерниева реализуют и многочисленные **прецедентные феномены**, употребление которых рассчитано на воздействие посредством сопоставления новой информации и фоновых знаний. «Возникновение ассоциативных связей обусловлено известностью прецедентного феномена среди всех носителей данной культуры. Только аудитория, знакомая с оригиналом, может понять все семантическое наполнение масс-медийной коммуникации» [4]. Такие включения, несомненно, делают речь комментатора богаче, образнее, ярче: *Фуркад пролетел над гнездом Шипулина* (аналогия названия фильма «Пролетая над гнездом кукушки»); *«Отчего так в Канаде березки шумят?..»*; *«Ты же агрегат, Дуся»!* Ну похоже, что не совсем все-таки агрегат... *Сдулся Расторгуев* (переработанная строчка из песни группы «Любэ»); *У Мартэновской печи жарко* (о раздевании после финиша Мартэна Фуркада); *«Я теряю Корнева»*, – спели бы солисты недавно популярной группы (российский биатлонист Корнев промахнулся дважды); *И здесь Шипулин в роли отнюдь не свадебного генерала; Ай да Саша, ай да молодец* (о Поварницыне); *На то и щука, чтобы карась не дремал* – чтобы встрепенулись наши олимпийские чемпионы (о включении в состав эстафеты молодого Поварницына и о стимуле для олимпийского чемпиона Д. Малышко); *Рычит, как солист группы «Paradise Lost»* (о тренере); *Кровь с молоком, глаз горит* – либо дорого смотреть на Лизу (о Лизе

Терезе Хаузер); *Екатерина! Ах, «Екатерина, ты была не права»* (строчка из песни группы «Любэ»); *Ах, Боже ты мой! Ах, Катя! Голубушка, как хороша! Не хочется, чтобы тренерский штаб пальцем попал в одно место. В небо в данном случае; «Ласточка в сени к нам летит»* (о Юрловой, которая бежит на финиш); *Итак, уважаемые друзья, «ежики в тумане» продолжают бежать эту гонку* (о плохом освещении трассы); *Эх, счастье было где-то близко, счастье было где-то рядом, унесло его снарядом!*

ВЫВОДЫ

Итак, в результате изучения средств реализации воздействующей прагматической функции в спортивных репортажах Д. Губерниева, нами были выявлены прямые и косвенные тактики речевого воздействия. При этом прямые тактики (обращения, глаголы в повелительном наклонении, вопросительные предложения) связаны с апеллятивной прагматической функцией, а косвенные тактики (использование повторов, в том числе в комплексе с градациями, риторического вопроса и восклицания, нечленимых предложений, прецедентных феноменов) – с экспрессивной прагматической функцией.

Особенностью репортажной речи Дмитрия Губерниева является взаимодействие разных экспрессивных средств в рамках одного высказывания, что многократно усиливает перлокутивный эффект и создает индивидуальный стиль говорящего. Все отмеченные нами речевые средства создают атмосферу комфортного общения, коммуникации говорящего, зрителя и даже иногда спортсменов. Этому способствует интимизация, доверительность, правдивость, откровенность, диалогичность авторской манеры повествования. И именно диалогичность – как характерная черта стиля комментатора – становится действенным средством осуществления им своих иллокутивных намерений в речи и оказывает максимальное воздействие на слушателей.

Список литературы

1. Войтик Е.А. Конструирование информационного пространства в спортивной медиакommunikации России / Е.А. Войтик // НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск 22 (167). – С. 167.
2. Ключева Н.Ю. Прагматика синтаксиса художественного текста: на материале рассказов А.И. Солженицына: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ключева Наталья Юрьевна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т].- Ростов-на-Дону, 2014. – С. 11-29.
3. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: Учебное пособие / В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. – С. 48.
4. Мишенева В.А. Прагматика прецедентных феноменов в масс-медийной коммуникации / В.А. Мишенева // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск № 16 (307) / 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-pretsedentnyh-fenomenov-v-mass-mediynoy-kommunikatsii#ixzz4ONR5KTEY>.

THE IMPLEMENTATION OF THE PRAGMATIC FUNCTION OF EFFECTS IN SPORTS REPORTS OF DMITRY GUBERNIEV

Klyueva N.Yu.

This article is devoted to topical issues in modern linguistics - the study of discourse, in particular the special communicative situation, the sports TV coverage. We analyze the speech of Russian journalist-commentator D. Guberniev, his biathlon reportings. The article discusses how journalist affects the audience

using the verbal means. Study of means of implementation affecting pragmatic functions held within pragmalinguistics. The main intention of sports journalist is identified; notes on setting the destination as a major in a given communicative situation; describes the direct and indirect effects of verbal tactics.

Keywords: pragmatics, dialogue, intentions, sports reporting, speech influence tactics, perlocutionary effect, appellative and expressive pragmatic function.

References

1. Voytik E.A. Designing the information space in the Russian sports media communications / EA Voytik // SCIENTIFIC STATEMENTS Humanities. 2014. number 13 (184). Issue 22 (167). - P. 167.
2. Klyueva N.Yu. Pragmatics syntax of the art text: on a material of stories AI Solzhenitsyn: the dissertation ... The candidate of philological sciences: 10.02.19 / Klyueva Natalia; [A protection Place: South. Feder. Univ] .- Rostov-on-Don, 2014. - P. 11-29
3. Melikyan V.Yu. Modern Russian language. Syntax of unshareable offer: Textbook / VY Melikyan. - Rostov n / D: Publishing House of the WPC, 2004. - P. 48
4. Misheneva V.A. Pragmatics precedent phenomena in the mass-media communication / VA A target // Herald of Chelyabinsk State University. Issue number 16 (307) / 2013 [electronic resource] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-pretседentnyh-fenomenov-v-mass-mediynoy-kommunikatsii#ixzz4ONR5KTEY>.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕРРОРИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ)

Косолюкина Е. А.

*Ивановский государственный университет, Иваново
e-mail: elizavetakosolyukina@gmail.com*

В связи с распространением влияния СМИ в современном обществе, а также с обострением проблемы терроризма, которая активно обсуждается в рамках медиадискурса, представляется необходимым провести исследование, которое позволит проанализировать то, каким образом авторами медиатекстов подается информация о том или ином трагическом событии. В данном контексте особый интерес представляет жанр интервью, содержания которых доходят до аудитории без изменений. Особенно важно рассмотреть употребление терминологии терроризма в рамках интервью с личностями, которые занимают различные посты в обществе (политик, следователь, специалист по делам с общественностью), на предмет наличия в них стратегий воздействия и манипулирования, а также различий употребления данной терминологии в их контексте.

Ключевые слова: терроризм, медиадискурс, медиатекст, интервью, стратегии воздействия, манипулирование.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время спектр современных средств информирования довольно широк, а также обширен их охват вещания. Борьба с терроризмом – проблема, вызывающая наибольший резонанс в общественности, является одной из наиболее часто упоминаемых тем в СМИ. В данном контексте наиболее перспективным является направление анализа новостных статей с точки зрения медиадискурса, т.е. с точки зрения того, каким образом авторы статей предоставляют читателю информацию по тому или иному событию. Подобного рода актуальность определяет большое количество работ, написанных за последнее десятилетие (Добросклонская Т.Г., Каменева В.А., Маник С.А., Crystal D., Dijk T.A., van.) Однако, на данный момент мало кто подробно анализировал то, каким образом авторы новостных текстов указывают фактические данные, сопровождая их комментариями. При оценке «громкого» события практикующим журналистам важно сохранять объективность собственных суждений. В связи с чем, в качестве источников общественного мнения в медиатекстах выступают комментарии, интервью и речи политиков, специалистов по общественности, а также людей, связанных непосредственно с делами о террористических актах (следователями).

Стоит отметить, что каждое оценочное высказывание несет субъективный характер и имеет определенную интенцию. А в контексте реализации данных суждений в СМИ, представляется логичным также говорить об их манипулятивном характере и степени их воздействия на общественное сознание.

Данная работа являет собой анализ транскриптов интервью общим объемом 17 страниц за 2016 год, которые были проведены с политиками, со специалистами по общественным делам и со следователями, по одному на каждый тип, на предмет

выявления их общей направленности (интенции), стратегий воздействия и манипулирования сознанием общественности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Интенция – основная характеристика письменного текста, определяющая его общую направленность и цель реализации. В соответствии с работами А.В. Бондарко, А.Р. Арутюнова, П.Г. Чеботарева, А.Л. Блинова можно сделать вывод, что порождение текста диктуется авторской интенцией (Бондарко А. В. 1994, Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г. 1996, Блинов А.Л. 1996). Исходя из данного тезиса, ученые лингвисты предложили ввести классификацию высказываний по их общей цели, каждую из которых можно соотнести с обобщенной интенцией говорящего: сообщить, осведомиться о чем-либо, или побудить к чему-либо.

Примером основной интенцией побуждения в СМИ является попытка воздействовать на общественное сознание и манипулировать им в рамках глобальной стратегии убеждения. Во многих случаях данная интенция используется авторами высказывания неосознанно. В своем стремлении убедить адресата адресант максимально использует не только все доступные ему логические аргументы, но и различного рода средства воздействия.

В контексте описания способов влияния на общественное сознание посредством текста представляется необходимым дать четкое определение таким понятиям как воздействие и манипуляция. Поскольку данная проблема является одной из наиболее спорных в лингвистике, необходимо выявить их принципиальные различия.

Воздействием многие ученые лингвисты (Баранов А.Н. 2000, Гаврилов А. А. 2012, Паршин П.Б. 2003) называют прямое действие, направленное на адресата, осуществляемое путем передачи некоторой информации, существенной для того, чтобы изменить его установки, мысли и, возможно, модели поведения.

Манипуляция же толкуется как психологическое воздействие, которое имеет скрытый характер, направленное от манипулятора к другому человеку как к объекту, с целью достижения собственных целей (Суржикова А.О., Привалова Ю.В. 2012).

Из данных определений видно, что основное различие данных психологических явлений заключается в скрытой форме реализации последнего. Общим для каждого из способов влияния выступает то, что каждое из них имеет собственные способы выражения на практике.

Согласно проведенному анализу, основными средствами реализации воздействия автора на аудиторию являются перегрузка адресатов сведениями, обращение к эмоциям адресата, сенсационность, метод запугивания, метод фрагментации, упрощение, прием создания эффекта присутствия и введение эксперта.

Основной целью манипуляции ученые называют желание адресанта «заложить мысли, не совпадающие с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно» [8]. Данный эффект автор высказывания достигает посредством следующих лингвистических средств: конверсивов, метафор, сравнений, использованием слов с экспрессивной и оценочной коннотацией, эвфемизмов, дисфемизмов, обыгрываний фразеологизмов.

Перечисленные выше средства воздействия автора высказывания на аудиторию в настоящей исследовательской работе являют собой призму анализа отобранных транскриптов интервью. Также представляется логичным рассмотреть, в каком контексте фигурирует терминология предметной области «терроризм» в речи говорящих.

Подробный анализ транскриптов показал, что:

1. Текст интервью, проведенного с политической личностью (транскрипт интервью с Хилари Клинтон перед выборами на тему терроризма от 23.03.2016 URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1603/23/cnr.07.html>), имеет основной интенцией желание убедить аудиторию в том, что только всеобщее объединение сил всех стран, вовлеченных в конфликт, может иметь успех в борьбе против радикального терроризма. Стратегии воздействия, использованные для достижения необходимого оратору эффекта:

- Перегрузка адресатов сведениями. Данный прием используется говорящим для привлечения внимания адресатов к цифрам и фактам, которые могут убедить их в правильности тезисах о необходимости борьбы с терроризмом, а также чтобы продемонстрировать масштабы проведенной в этой сфере работы самим адресантом (e.g. *Last year, the world was horrified by the photo of a drowned toddler lying on a Turkish beach. In the months since then, hundreds more children have died trying to reach safety;*

It's actually easier for the United States to get flight manifests from E.U. nations than it is for E.U. nations to get them from their own neighbors, thanks to an agreement that the United States negotiated when I was secretary of state.)

- Обращение к эмоциям адресатов – прием, который также часто встречается в речи данного оратора, помогает ему как политической личности стать ближе к народу, к которому он обращается. Данный эффект создают: упоминания о жертвах данного конфликта (e.g. *hundreds more children have died trying to reach safety; force families from their homes*); частое употребление местоимений *we, our, us* и названия страны как объединяющего фактора (e.g. *That's not who We are; We can't allow terrorists to intimidate us; America is a great nation; America doesn't cower in fear or hide behind walls; Americans cannot, and I believe will not, turn on each other, turn on our allies or turn away from our principles*);

- Запугивание в данном случае проявляется в мысли Клинтон о том, что если Америка не встанет во главе всеобщего объединения, то его не произойдет и не будет возможности победить в войне против терроризма (e.g. *And the United States should do whatever we can to support that; So we have to support and maintain the cease-fire in Syria; These Americans are a crucial line of defense against terrorism*).

- Повторение. Во многих случаях повторение одной и той же мысли необходимо автору высказывания для того, чтобы эта мысль закрепились в умах слушателей. Так, частое употребление местоимений *we, our, us* и названия страны служит объединяющим фактором, который должен укрепить нацию с данной политической личности в качестве лидера.

Лингвистические средства манипуляции, выявленные в ходе анализа текста данного интервью:

- Конверсивы (*e.g. remain – fleeing; ban – practice*), позволяющие оратору описать ситуацию с разных сторон, и убедить аудиторию, принять его сторону;

- Метафоры (*e.g. recruitment happens in clusters; struggle under the weight of this challenge; crucial line of defense; sitting on the sidelines*), слова с экспрессивной и оценочной коннотацией (*e.g. hot spots, unprecedented pressure; a heartbreaking crisis; the only true effective answer*) и фразеологизмы (*e.g. to shut our doors to orphans; cower in fear or hide behind walls; stare into a face of evil*), придающие образность и убедительность речи говорящего;

- Слова и словосочетания, связанные с терминологией «терроризма», в речи Хилари Клинтон употреблены в негативном контексте и являются дисфемизмами (*e.g. demonize Muslims; radical jihadists; radical jihadism; radical jihadist terrorism*), наличие которых указывает на желание говорящего обострить проблему, разделить аудиторию на Нас и Врагов.

2. Текст интервью, проведенного со следователями по делам терроризма (транскрипт интервью со следователями по делу крушения самолета EgyptAir Flight 804 от 19.05.2016 URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/cnr.html>), являет собой текст, интенция которого состоит в стремлении показать аудитории, что в современном мире не каждая катастрофа – это террористический акт. Для утверждения факта совершения акта терроризма необходимо собрать нужное количество информации, но в рамках современной ситуации в мире это становится очевидно. Выявленные в данном транскрипте элементы воздействия – это:

- Обращение к эмоциям адресата (*e.g. our heart goes out for all the families and friends of all involved in this terrible incident*), употребленное в самом начале интервью, необходимо, чтобы эмоционально привязать аудиторию к происходящему;

- Сенсационность (*e.g. that the plane has crashed; more than 16 hours ago now*) придает высокую важность и уникальность обсуждаемым событиям, полностью концентрируя внимание публики на них;

- Введение экспертов (*e.g. Let's bring in the panel of experts here*) является необходимым в рамках подобного типа интервью, так как в ходе него следователи высказывают свои предположения о произошедших событиях, подтверждая сказанное словами экспертов для придания тексту сообщения большой весомости, авторитетности, достоверности;

- Упрощение (*e.g. The plane is designed to keep flying*) позволяет высказать необходимую мысль в форме утверждения, что исключает всевозможные обсуждения. Так, приведенное высказывание заставляет аудиторию поверить в то, что произошедшее было террористическим актом, а не поломкой.

Текст анализируемого интервью характеризуется наличием в нем таких средств манипулирования, которые способствуют привлечению внимания аудитории к словам оратора. А именно метафоры (*e.g. call for help; to post the question; a dreadful state of affairs*), употребление слов с оценочной и экспрессивной коннотацией (*e.g. multimillion terrorist attack; plane went down; fears of radicalization; the threat environment*) и фразеологизмов (*e.g. a bold step to make; the key to the puzzle; all the explanations are still on the table*).

В соответствии с основной интенцией транскрипта, терминология терроризма в нем встречается редко. «Данное событие может быть обозначено

террористическим актом, но термин *терроризм* является слишком острым в современной ситуации, поэтому особенно важно собрать все возможные доказательства» - основной контекст употребления слов и словосочетаний по терминологии «терроризма».

(*e.g. says chances are the plane was brought down by terrorists and not a mechanical issue; Tell me why, Evan, U.S. Intel believes that was likely an act of terror; The question at the moment, was it terror?*).

3. Текст интервью, проведенного со специалистом по общественным делам (транскрипт интервью с Оливьером Гуиттой на тему терроризма от 15.07.2016 URL: <http://www.abc.net.au/7.30/content/2016/s4501657.htm>). В интервью обсуждается произошедший террористический акт во Франции и возможные причины, которые к нему привели. Так, интенцией говорящего становится стремление убедить аудиторию в том, что подобных трагических событий можно было избежать, если бы данные причины заранее были предусмотрены и применены необходимые меры безопасности, как это было сделано ранее, при проведении Евро-2016.

С целью придания убедительности речи, интервьюируемый использует следующие стратегии воздействия:

- Перегрузка адресата сведениями об инциденте, произошедшем во Франции, и о ситуации в стране при проведении Евро-2016 для подробного сравнения данных событий. Говорящий проводит параллели и указывает на ошибки, которые были допущены при проведении Дня взятия Бастилии;

- Обращения к эмоциям адресата через непосредственное обращение к аудитории, с целью вовлечь её в происходящее обсуждение (*e.g. if you will; you know*);

- Фрагментизация речи на сегменты при перечислении причин произошедшего, а также при приведении доказательств к данным тезисам (*e.g. A couple of reasons. I would name four. First one is... Number two is... Number three is that... And number four would be...; A couple of things. First, the modus operandi... The second thing*);

- Повтор концовки вопроса интервьюера позволяет оратору указать на то, что повторенная мысль имеет большое значение и является основной для следующего за ней абзаца рассуждений (*e.g. MATT WORDSWORTH: Like the burqa ban? OLIVIER GUITTA: Number three is that - the burqa ban – exactly*);

- Эффект введения эксперта служит опорой и подтверждением слов говорящего (*e.g. Francois Hollande says this bears all the hallmarks, all the characteristics of a terrorist attack, but we're not confirming it at this stage*)

Проанализированный транскрипт отличается малым количеством лингвистических средств манипулирования. Так, говорящим в ходе интервью были использованы:

- Метафоры (*e.g. put at the top of target list; go sour*), слова с оценочной и экспрессивной коннотацией (*e.g. very aggressive war against terrorism; public enemy; anecdotal evidence*) и фразеологизмы (*e.g. bear all the hallmarks; to shake up the state; to tear by the roots; turn on head*), которые позволяют привлечь внимание аудитории к словам говорящего;

• Сравнение двух событий (Евро-2016 и День взятия Бастилии), которые характеризуются большим скоплением людей в определенное время в определенном месте, в соответствии с чем представляют собой идеальные места для проведения террористического акта – основной лейтмотив речи оратора (*e.g. They would need physically to put barriers and, you know, close off the street, for instance, which they did in Paris for the Euro 2016*).

Речь специалиста по общественным делам характеризуется наличием в ней эвфемизмов (*theatre* – для обозначения, места террористических действий) и дисфемизмов (*Islamophobic country* – для описания одной из особенностей населения Франции, которая, по мнению эксперта, является одной из причин). Также терминология «терроризма» в речи говорящего употреблена в негативном контексте (*e.g. radical Islam; a jihadist coming with a knife and stabbing people*), так как основная тема интервью – это террористический акт во Франции, событие, которое является трагедией для мира.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что каждый тип интервью отличается особенным набором стратегий воздействия и манипулирования. Так, например:

1. Статья, включающая в себя интервью с политиком, изобилует такими средствами воздействия и манипулирования, как перегрузка адресатов сведениями, обращение к эмоциям адресатов, запугивание, повторение, конверсивы, метафоры, слова с экспрессивной и оценочной коннотацией, фразеологизмы. Данное наблюдение позволяет сделать выводы о явном желании политика убедить аудиторию в истинности его/её точки зрения, а также разделить участников ситуации на своих и чужих. Также подобного эффекта позволяют достигнуть различные вариации употребления терминологии «терроризма», в большинстве случаев с отрицательной коннотацией.
2. Статья, включающая в себя интервью со следователями по террористическим актам, отличается уже меньшей экспрессивностью языка. В тексте данного новостного текста были выделены лишь стратегии обращения к эмоциям адресата, сенсационности, введения экспертов, упрощения, а также метафоры, слова с экспрессивной и оценочной коннотацией и фразеологизмы. Выбор стратегии данного типа также можно объяснить контекстом ситуации: интервью со следователями имеют своей целью обсудить детали и причины недавно произошедших событий, не вызвав ненужную панику среди аудитории, что к тому же объясняет нечастое употребление, а возможно, даже избегание, терминологии «терроризма».
3. Статья, включающая в себя интервью со специалистом по делам с общественностью, является своего рода рецензией на события, происходящие в мире сегодня, в результате которой появляется возможность проанализировать происходящее и сделать некоторые полезные выводы, а также приблизительные прогнозы развития той или иной ситуации. В ходе подобного рода анализа специалисту важно оставаться объективным, поэтому данный новостной текст имеет наименьшее количество стратегий воздействия и манипулирования: перегрузка адресатов сведениями, обращение к эмоциям адресатов,

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ
«ТЕРРОРИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

фрагментизация, повтор, эффект введения эксперта, метафоры, слова с экспрессивной и оценочной коннотацией, фразеологизмы. Также желание оставаться объективным в данной ситуации обусловило наличие эвфемизмов на месте терминологии «терроризма».

Список литературы

1. Арутюнов А.Р. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 5/6. – С.45-49.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М., 2000.
3. Блинов А.Л. Интенционализм и принцип рациональности языкового общения: автореф. дис... доктора философских наук / А. Л. Блинов. – М., 1996.
4. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 29-42.
5. Гаврилов А. А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества / А. А. Гаврилов // Молодой ученый. — 2012. — №8. — С. 152-155.
6. Маник С.А. Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии: монография / С. А. Маник. – М: ИИУ МГОУ, 2014. – 278 с.
7. Суржикова А.О. Передача лексических средств манипулирования общественным мнением при переводе текстов СМИ / А. О. Суржикова, Ю. В. Привалова // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5 – С. 164-167.
8. Костюшкина Г. М. Дискурсивный аспект языковых единиц [Электронный ресурс] / Г. М. Костюшкина, А. А. Заяц. – Режим доступа: URL: http://www.islu.ru/files/rar/2011/Professores/kostyushkina/diskursivnyy_aspekt_yazykovyh_edinic.pdf дата обращения 28.10.16
9. Паршин П.Б. От такого и слышу: о содержании и узусе понятия манипуляции [Электронный ресурс] / П. Б. Паршин. – Режим доступа: URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Parshin.htm> дата обращения 28.10.16)

**SPECIAL FEATURES OF TERRORISM TERMINOLOGY USAGE IN ENGLISH-
SPEAKING MEDIA DISCOURSE ON THE BASE OF INTERVIEWS OF DIFFERENT TYPES**

E.A. Kosolyukina

As the mass media influence keeps growing steadily and the topic of terrorism is still sharp it is seemed to be essential to make some research of this kind. In particular analysis of the ways the media information is given to the audience nowadays. Within the study such genre of media discourse as interview is of great interest as all the materials got during them came to the readers without changing. So the point of the study is to describe the terrorism terminology usage of persons of different social roles (politician, investigator, social worker) who are being interviewed to find some differences in it. Also some illustrations of side influence and manipulation are important to be worked out.

Key words: terrorism, media discourse, media texts, interviews, influence strategies, manipulation.

К ВОПРОСУ О РОЛИ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ТРАНСЛЯТОРОВ ЦЕННОСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Малярчук-Прошина У.О.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
e-mail: maljarchuk.uljana@rambler.ru*

В статье рассматриваются особенности текстов СМИ как канала трансляции ценностной информации. На современном этапе масс-медиа формируют общественное сознание и определяют тенденции языкового развития. Медiateксты несут в себе оценочность и особую эмоциональность, при этом в публицистике оценка проявляется ярко и активно. Тексты СМИ соединяют обе стороны процесса коммуникации, являясь одновременно и продуктом деятельности автора, и объектом деятельности потребителя. Адресант берет на себя роль субъекта, который организывает процесс воздействия и управляет им, стремясь ввести адресата в определенное состояние и побудить к определенным действиям.

Ключевые слова: медiateкст, оценочность, языковая личность.

ВВЕДЕНИЕ

СМИ в информационном обществе являются наиболее эффективным инструментом трансляции значимых сообщений, воздействующих на массовое сознание. Исследователи отмечают, что масс-медиа: «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, ... повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры» [5]. При этом события и явления, оставшиеся за пределами внимания СМИ, рассматриваются социумом как не достаточно значимые. Увеличение влияния СМИ на общественное сознание на современном этапе определяет *актуальность* изучения текстов масс-медиа как канала трансляции ценностной информации. *Цель* данной статьи – рассмотреть специфику медiateкстов как инструмента трансляции ценностной информации в социуме.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Поскольку на данном этапе общество является информационным, невозможно отрицать тот факт, что масс-медиа не только в значительной степени формируют общественное сознание, воздействуя на отдельных индивидов, их мышление и поведение, но и формирует тенденции языкового развития. Ученые рассматривают публицистику как особую область функционирования идеологем. Тем не менее, по мнению ученых, социальная функция публицистики проявляется не только в значимости поднимаемых вопросов или аргументированности информации, но также и в социально-психологическом влиянии, оказываемом на адресатов. Такое влияние включает убеждение и внушение. Восприятие и познание окружающего мира в значительной мере определяется значительным потоком новой информации, которая поступает по различным каналам. Средства массовой информации, изначально возникшие как способ фиксации и трансляции информации, в скором времени стали одним из

наиболее эффективных способов влияния на общественное сознание. Информационная эпоха, наряду с активным развитием новейших технологий, обуславливает интерес современных лингвистов к тем связям, которые существуют между языком и мышлением, а также между языком и познавательными процессами. Язык рассматривается как средство осуществления большей части ментальных процессов, основной инструмент познания для человека и средство передачи информации о реальности.

Для современных СМИ характерен ряд особенностей, среди которых следует особо отметить массовость аудитории и возрастающую оперативность передачи информации. Освещение политических событий и идеологических вопросов в медиатекстах реализуется посредством сочетания объективных и субъективных элементов, вследствие чего формируется ярко выраженная авторская позиция. Исследователи отмечают, что в ряде случаев проявление авторской позиции может рассматриваться как форма реализации авторской тенденциозности. С точки зрения лингвистики проблема проявления языковой личности автора в публицистическом тексте демонстрирует специфические особенности. В значительной степени такие особенности обусловлены особыми функциями публицистики: воздействие и информирование. Таким образом, неотъемлемым свойством каждого медиатекста является оценочность.

Следует отметить еще одну особенность любого из текстов СМИ, обусловленную незамкнутостью и открытостью речевой системы публицистического стиля: именно благодаря им происходит настолько активное и динамичное развитие корпуса средств передачи оценки в русском языке. Медиатексты несут в себе оценочность и особую эмоциональность: «острота высказывания, полемичность, открытая прямая оценочность – черты, присущие не только публицистическим жанрам, но здесь они являются стилеобразующими» [1, с. 90]. В. Костомаров считает, что к конструктивным принципам публицистического стиля можно отнести экспрессию и стандартизованность, которые основываются на взаимодействии субъективных и объективных факторов, которые характерны для категории оценки в языковом сознании носителя языка [4].

Можно выделить несколько причин, которые обусловлены как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами, позволяющих выделить оценочность как конструктивное свойство медиатекстов. Среди них следует отметить субъективность, на которой основан публицистический творческий метод, неперемное присутствие авторского «Я», то есть авторской модальности, практически в любом публицистическом тексте.

Кроме того, активность оценочности в публицистике диктуется свойствами и особенностями языковой личности автора. По сравнению с исключением оценочности в официально-деловом стиле, ее факультативностью в научном стиле, вторичностью (отстраненностью) оценочности в стиле художественной литературы в медиатекстах оценка проявляется ярко и активно:

«Пустые обещания и противоречивые отписки, брошенные стройки и мутные схемы приватизации, «слитые» судебные процессы и необъяснимая пассивность должностных лиц. Всё это тугим узлом завязано вокруг проблемы

возврата и достройки детсадов на территории крымской столицы» («Крымский ТелеграфЪ» № 377, 29 апреля 2016).

«Самый амбициозный фестиваль года — широко разрекламированный семидневный «Крымфест», который должен был проходить в селе Орловка, под Севастополем, с 20 по 27 июля, обернулся громким шишом» («Крымский ТелеграфЪ» № 338, 24 июля 2015).

Общественно-политический дискурс СМИ имеет социальную природу, в значительной степени зависящую от сложившихся в обществе идеологических позиций, а также близости конкретного СМИ к аудитории. Но, тем не менее, в медиатекстах активно проявляются и идеалы автора: журналист выражает взгляды и идеи того социума, интересы которого он защищает: *«Выделение земельных участков лишь «избранным», препятствование ведению бизнеса, игнорирование социальных проблем черноморцев и халатное отношение к экологии района — такие жалобы звучат из уст местных жителей» («Крымский ТелеграфЪ» № 174, 23 марта 2012); «В Крыму, кажется, сформировался тренд на нелепую обрезку деревьев. Сначала ужасались симферопольцы: обкорнали деревья на улице Киевской, а вслед за этим на улице Горького и в других местах, из-за чего центр города стал больше похож на декорации для фильма о постапокалипсисе. Однако странная мода перекочевала дальше — уже в Симферопольском районе стали обрезать деревья таким странным образом, что очень возмущает местных жителей» («Крымский ТелеграфЪ» № 366 от 12 февраля 2016).*

Категория оценки в то же время имеет гносеологическую природу: она представляет собой особую форму познания, выполняя когнитивную функцию: «Оценка – образ предметов и явлений с точки зрения их роли в той или иной деятельности» [8, с. 18]. Познание объекта неотъемлемо от его оценки. Познательное и ценностное отношение к миру, то есть определение объектов на шкале оценки хорошо – нормально – плохо, находятся в тесной взаимосвязи. Публицистика же как форма деятельности есть одно из важнейших средств познания мира. Это предполагает интерпретацию любого факта действительности, что соответствует интерпретационной природе оценки. Оценка – умственный акт, в котором мнение говорящего отражает интерпретацию факта, события, явления с его личностных позиций, а в публицистике – с позиций исторических, социальных. Несомненно, тексты СМИ информационных жанров наименее подвержены интерпретации, но их чистая доля мала в современной массовой коммуникации, а границы информационных и информационно-публицистических жанров отличаются зыбкостью и условностью.

Необходимо учитывать и то, что категория оценки в языке имеет широкие прагматические возможности. О. Синепупова отмечает, что оценочные средства на всех уровнях языка являются прагматически маркированными средствами, автор объясняет такую позицию тем, что оценка является одним из наиболее эффективных инструментов воздействия на аудиторию, а следовательно, и на общественное сознание. Она формирует систему социально значимых ценностей, что позволяет управлять массовым сознанием и сознанием отдельных людей. Значит, оценка эффективно реализует воздействующую функцию публицистического стиля [6].

Ученые отмечают, что в конце XX – начале XXI вв. роль категории оценки и оценочности в медиатекстах стала более значимой, что объясняется активизацией политической и идеологической борьбы между партиями и, как следствие, между СМИ, которые им принадлежат. По мнению Г. Солганика, данный период характеризуется резким обновлением языка СМИ, отличающегося «языковым, стилевым, идеологическим и содержательным» разнообразием [7].

Исследователь определяет язык масс-медиа как «особое царство» с «особой эстетикой» и «особым законом», при этом он способен перенаправлять оценочный вектор с позитивного на негативный или наоборот. Данное направление отражает изменение в ценностной системе социума в целом, увеличивая значимость оценочности и комментариев в публицистических текстах СМИ. Вопрос влияния оценки на адресата тесно связан с особенностями ценностного восприятия объективной реальности как создателем текста, выступающим в данном случае в роли субъекта – носителя информации, так и невербализованной аудиторией, т.е. объектом – получателем информации [7].

Исследователи приходят к выводу, что «для медиатекста в основном характерна психологическая детерминированность: он никогда не бывает деперсонализированным как по «фактору адресанта», так и по «фактору адресата». Адресант и адресат – равнозначимые субъекты текста» [2, с. 224]. В текстах СМИ между автором и аудиторией устанавливаются отношения реальных людей, которые находятся в определенных политических, социальных, культурных условиях. Адресат находит в сообщении масс-медиа то, что он хочет или способен увидеть, в то время как создатель такого текста закладывает в него те смыслы и оценки, которые он намерен сообщить аудитории. Следовательно, можно говорить о том, что текст СМИ соединяет обе стороны процесса коммуникации, являясь одновременно и продуктом деятельности автора, и объектом деятельности потребителя [3].

В связи с этим можно сформулировать ряд основных характеристик медиатекста, в число которых входит соответствие социальным ожиданиям и, как следствие, акцентированность понятных читателям норм и ценностей. Ученые отмечают, что в публицистическом тексте адресат нередко представлен посредством «маркеров» его языковой личности, с этим связано использование сленговых выражений, экспрессивных фраз, разговорной лексики, цитат и т.д.: *«сорвало крышу», «работа на сельских шабаиках», «подшабашили», «блатные», «разводил лохов», «куча липовых документов», «банковские "лямы"»* (1К, №20(376), 02-09 июня 2011); *Экологически чистая еда – причуда состоятельных граждан, озабоченных своим хорошим здоровьем. Это они выпендриваются даже в ресторанах* (Республика, октябрь 2010); *Кандидаты – мертвые души сходят с дистанции сами, а избирком снимает с выборов реальных конкурентов. На войне как на войне — все средства хороши»* (1К, № 398, 4-10 ноября 2011), *«Язык до потери имущества довел»* (1К, №492, 20-26 сентября 2013). Адресант в данном случае берет на себя роль субъекта, который организывает процесс воздействия и управляет им, стремясь, по выражению М. Желтухиной, «вести адресата в определенное состояние и побудить к определенным действиям» [3, с. 308]. Эффективность влияния медиатекста определяется тем, насколько доступна,

значима, логична и определенна предоставляемая информация, а также ее аргументированностью как интерпретативного фактора, степенью доверия к адресанту и уровню соответствия ожиданиям аудитории.

ВЫВОДЫ

СМИ в информационном обществе являются наиболее эффективным инструментом трансляции значимых сообщений, воздействующих на массовое сознание. В конце XX – начале XXI вв. роль категории оценки и оценочности в медиатекстах стала более значимой. Оценочность исследователи рассматривают как универсальную черту публицистического стиля, определенную его оценочно-ориентирующей функцией и проявляющуюся на всех языковых ярусах медиатекстов. Оценка эффективно реализует основную воздействующую функцию публицистики. Оценочность в медиатекстах позволяет разместить любой объект действительности в определенной части шкалы оценки в зависимости от ценностной ориентации, имеющейся у участников коммуникационного процесса – создателя медиатекста и адресата. В публицистическом тексте адресат нередко представлен посредством «маркеров» его языковой личности, с этим связано использование сленговых выражений, разговорной лексики, цитат и пр.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Теория текста [Текст] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
2. Егорова Л. Г. Средства массовой информации сквозь призму аксиологического подхода: к постановке проблемы / Л. Егорова // Диалог: Медиа-студии. - 2013. - Вып. 16. - С. 218-226.
3. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст] / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
4. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.
5. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
6. Синепупова О. С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте : на материале печатных СМИ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. С. Синепупова. – М., 2006. – 206 с.
7. Солганик Г. Я. Лексика газеты : Функциональный аспект [Текст] / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1981. – 310 с.
8. Степанов С. Д. Оценка и ее роль в познании [Текст] : автореф. дис. ...канд. филос. наук / С. Д. Степанов. – М., 1982. – 21 с.

TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF MEDIATEXTS AS TRANSLATORS OF THE VALUED INFORMATION

Malyarchuk U.O.

In the article the features of texts of MASS-MEDIA are examined as a channel of translation of the valued information. On the modern stage of mass-media form public consciousness and determine language progress trends. Mediatexts carry in itself an estimation and special emotionality, here in a publicism an estimation shows up brightly and actively. Texts of MASS-MEDIA connect both sides of process of communication, being simultaneously the and product of activity of author, and object of activity of consumer. A sender undertakes the role of subject that organizes the process of influence and manages him, aiming to enter an addressee in the certain state and impel to the certain actions.

Keywords: mediatext, estimation, language personality.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.2'367:378.147.214

ТАКИЙ НЕПРОСТИЙ ЗБІГ

Ачилова В. П.

*Таврійська академія (структурний підрозділ)
Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
e-mail: achilovavp@mail.ru*

У статті описано й прокоментовано типові моделі складних речень зі збігом сполучних засобів, подано зразки структурних схем таких речень, запропоновано формулювання правил уживання коми на межі сполучних засобів і методичні роз'яснення до них.

Ключові слова: складне речення, складнопідрядне речення з послідовною підрядністю, складнопідрядне речення з однорідною супідрядністю, багатокомпонентне складне речення із сурядністю і підрядністю, збіг сполучників, пунктуація, методика.

ВСТУП

Тривала практика викладання дисципліни «Сучасна українська мова. Синтаксис. Пунктуація» показує, що проблемними для студентів є речення зі збігом сполучних засобів – підрядних або ж сурядних і підрядних.

Як зазначає К. Ф. Шульжук, уперше з належною повнотою синтаксичну структуру речень з двома контактено розташованими підрядними сполучниками дослідив О. Є. Вержбицький. Також вивчали такі речення І. К. Кучеренко, Г. Н. Ключов, Н. С. Валгіна, Г. Ф. Калашникова, Г. Ф. Гаврилова, Г. П. Уханов, К. Ф. Шульжук та ін. [історію питання див.: 12, с. 70–74].

Однак у сучасній навчальній та навчально-методичній літературі для вищої школи не знаходимо зразків розбору речень зі збігом сполучних засобів, потребує, на нашу думку, детальнішого розгляду й пунктуація на межі сполучних засобів, оскільки синтаксична будова таких речень і їхнє пунктуаційне оформлення узалежнені.

Тому **актуальними** є методичні поради щодо аналізу складних речень з контактним розташуванням сполучних засобів і пунктуації в таких структурах.

Мета статті – полегшити студентам засвоєння теоретичних відомостей про складні речення з контактено розташованими сполучними засобами і виробляти практичні навички розбору та пунктуаційного оформлення таких речень.

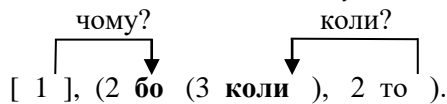
Завдання розвідки: описати й прокоментувати типові моделі складних речень зі збігом сполучних засобів; подати структурні схеми таких речень; з'ясувати пунктуацію на межі сполучних засобів; показати студентам узалежненість між структурою різних складних речень із контактено розташованими сполучними засобами та пунктуацією в них.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

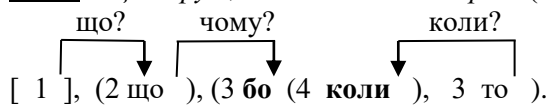
Сполучні засоби можуть контактувати в реченнях різної синтаксичної будови.

1. Як відомо, збіг сполучних засобів є однією з особливостей багатокomпонентних складнопідрядних речень з послідовною підрядністю. Найчастіше це конструкції з такими двома контактено розташованими підрядними сполучниками: *бо коли, бо поки, бо хоч, бо як, бо якби, що коли, що поки, що хоч, що чим, що як, що якби* тощо [13, с. 318]: *Я думаю, **що коли б** я був художником, **то** намалював би зовсім інший міст* (К. Гордієнко). Рідше трапляються речення з підрядним сполучним словом і сполучником: *У лісах є таке зілля, **що як** коса потрапить на нього, **то** розсипеться на мак* (С. Пушик).

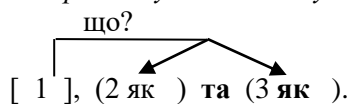
Креслячи схеми складнопідрядних речень, слід мати на увазі, що підрядні сполучні засоби входять до складу підрядних частин і розташовані, як правило, на їхньому початку [8, с. 310]. Тому в разі збігу підрядних сполучних засобів другий з них розташований перед своєю підрядною частиною, а перший стосується подальшої підрядної. Це значить, що підрядна другого ступеня стоїть безпосередньо після сполучного засобу підрядної першого ступеня, тобто усередині цієї підрядної, що й відображаємо в структурній схемі речення. Наприклад: ¹*Знаю, **²бо ³коли** ми жили в Києві, ²то в нас студенти-поляки квартирували* (В. Канівець).

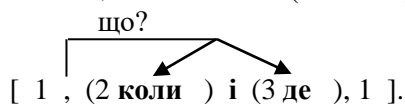
Збігатися можуть сполучні засоби й підрядних подальших ступенів, наприклад, другого і третього: ¹*Ви скажете своєму пану, ²що заплати не бажаю, **³бо ⁴коли** я що дарую, ³то назад не одбираю* (Леся Українка).

2. Контактують можуть сурядний і підрядний сполучні засоби в складнопідрядних реченнях з однорідною супідрядністю, якщо однорідні супідрядні частини поєднані сурядним сполучником. Наприклад: ¹*Професор розповів, ²як гори нейтралізують дію радіоактивного опромінення, **та** ³як високогір'я використовують для лікування анемії* (Із журналу).

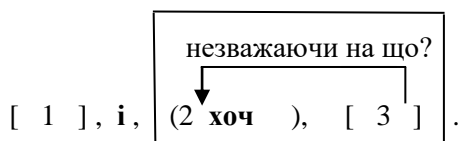

Якщо зміст суміжних супідрядних частин тотожний, то його не дублюють, у цьому разі збігаються три сполучні засоби – два підрядні і сурядний між ними. Наприклад: ¹*Григорій хотів спитати, **²коли і ³де** старий запорожець учився латини, ¹але не встиг* (В. Шевчук).

4. Збіг сполучних засобів можливий у багатокomпонентних реченнях з основним сурядним зв'язком і допоміжним підрядним, якщо підрядна частина передую

головній. Наприклад: ¹Вони мовчки здіймалися вгору, ²і хоч була вже ніч, ³Іван виразно бачив при світлі зірок її обличчя (М. Коцюбинський).

4. Ще одним типом речень з контактено розташованими сполучниками є конструкції, у яких підрядна стоїть усередині головної після сурядного сполучника, що поєднує однорідні присудки. У схемі складного речення такий сурядний сполучник не є структурним елементом, тому не відображений. Наприклад: ¹Він прокинувся увечері, довго пив чай, ²а коли зовсім стемніло, ¹став збиратися у свою п'яту вилазку (Л. Первомайський).

У більшості посібників є лише загальні відомості про пунктуацію в складних реченнях між контактено розташованими сполучними засобами [4, с. 140–141; 10, с. 142; 5, с. 138; 9, с. 117]. Більше інформації про це знаходимо в посібнику В. Ф. Чукіної та ін. [11, с. 161–162], а також у роботах з роз'ясненням російської пунктуації [7, с. 135–136; 6, с. 227–228, с. 230–232]. З урахуванням зазначених напрацювань вважаємо доцільним такий обсяг правил [1, с. 140]:

У складному реченні в разі збігу сполучників кому між ними або ставлять, або не ставлять.

Кому с т а в л я т ь (і роблять паузу):

1) між двома підрядними сполучниками чи сполучним словом і підрядним сполучником, якщо вилучення або переміщення другої (внутрішньої) підрядної частини не вимагає перебудови першої підрядної частини (практично це можливо, коли за внутрішньою підрядною частиною не йде другий складник парного сполучника – сполучник-корелят **то** [3, с. 149]): *Соломія міркувала, що, коли брати у ліву руку, плавні мусять швидко скінчитися* (М. Коцюбинський) [вилучення або переміщення внутрішньої підрядної частини *коли брати у ліву руку* не вимагає перебудови першої підрядної частини *що плавні мусять швидко скінчитися*];

2) між сурядним сполучником, що поєднує два однорідні присудки, та підрядним сполучником чи сполучним словом, якщо вилучення підрядної частини не вимагає перебудови головної частини і не міняє змісту речення: *Богдан поставив ринку біля коша і хоча йому було не до їжі, заглянув у розсохлу від років скриню* (М. Стельмах) [вилучення підрядної частини *хоча йому було не до їжі* не порушує структури і змісту головної частини *Богдан поставив ринку біля коша і заглянув у розсохлу від років скриню*];

3) між сурядним сполучником, що поєднує дві предикативні частини, та підрядним сполучником чи сполучним словом, якщо вилучення підрядної частини не вимагає перебудови головної частини і не міняє змісту речення: *Закінчили обмолот тиєниці, і поки тік приготують до обмолоту жита, Левко був вільний* (О. Десняк) [вилучення підрядної частини *поки тік приготують до обмолоту жита* не

порушує структури і змісту головної частини *Левко був вільний*, а також не порушує семантичних відношень між предикативними частинами: *Закінчили обмолот пшениці, і Левко був вільний*].

Кому не ставлять (і не роблять паузи):

1) на початку речення між сурядним приєднувальним сполучником, що надає контактну розташованому підрядному сполучному засобові більшої виразності [2, с. 11], і цим підрядним засобом (сполучником чи сполучним словом): *А щоб збудить хиренну волю, треба миром, громадою обух сталить* (Т. Шевченко); *Але як тільки проїхали ще трохи ..., Сивоок взявся за своє* (П. Загребельний);

2) між сурядним сполучником і підрядним сполучним засобом, якщо сурядний сполучник поєднує однорідні супідрядні частини: *Друзі вирішили зустрітися або коли скінчиться навчальний рік, або коли всі з'їдуться на конференцію* (3 газети). *Творець людину вивів на дорогу, що без початку і що без кінця* (О. Тарнавський);

3) між двома підрядними сполучниками чи сполучним словом і підрядним сполучником, якщо вилучення або переміщення внутрішньої підрядної частини вимагає перебудови головної для неї частини, тобто якщо після внутрішньої підрядної частини йде другий складник парного сполучника – сполучник-корелят **то**: *Дід Тиміш ясно сказав, що коли снігу багато, **то** це не інакше, як на врожай* (Остап Вишня) [вилучення або переміщення внутрішньої підрядної частини *коли снігу багато* неможливе, бо поруч стоять обидва складники парного сполучника **що ... то**: *Дід Тиміш ясно сказав, що то це не інакше, як на врожай*];

4) між сурядним єднальним сполучником, що поєднує два однорідні присудки, і підрядним сполучником, якщо вилучення підрядної частини вимагає перебудови головної частини (оскільки вона містить сполучник-корелят **то**): *Олена на ті посиденьки не ходила і коли наставав вечір, **то** залишалася дома прясти* (Г. Тютюнник) [вилучення або переміщення підрядної частини *коли наставав вечір* неможливе, бо в головній є другий складник парного сполучника – сполучник-корелят **то**: *Олена на ті посиденьки не ходила і то залишалася дома прясти*];

5) між сурядним протиставним сполучником (**а, але, однак** і т. ін), що поєднує два однорідні присудки, і підрядним сполучником, бо вилучення підрядної частини порушує семантико-синтаксичні відношення між однорідними присудками: *Джмелик гнав коня бугром, а коли спустився в Данелевську долину, зупинив* (Г. Тютюнник) [вилучення підрядної частини *коли спустився в Данелевську долину* неможливе, бо робить алогічними семантико-синтаксичні відношення між однорідними присудками: *Джмелик гнав коня бугром, а зупинив*];

6) між сурядним протиставним сполучником (**а, але, однак** і т. ін), що поєднує дві предикативні частини, і підрядним сполучником, бо вилучення підрядної частини *а*) вимагає перебудови головної частини (оскільки вона містить сполучник-корелят **то**) або ж *б*) міняє зміст речення чи робить його алогічним: *а) Весна йому теж здається дівчиною, але коли веселка живе на хмарі, **то** весна ходить по землі* (М. Стельмах) [вилучення або переміщення підрядної частини *коли веселка живе на хмарі* неможливе, бо в головній частині є другий складник парного сполучника – сполучник-корелят **то**: *але **то** весна ходить по землі*]; *б) На повітках сиділи ворони, а коли він [Степан] стукнув хвірткою, вони важко знялися вгору* (В. Шевчук) [вилучення або переміщення підрядної частини *коли він стукнув хвірткою*

неможливе, бо змінює зміст речення: *На повітках сиділи ворони, а вони важко знялися вгору*].

ВИСНОВКИ

Отже, будова складного речення з контактено розташованими сполучними засобами, їхній синтаксичний розбір і пунктуаційне оформлення узалежнені. Методичні поради допоможуть студентам засвоїти теоретичні відомості про складні речення зі збігом сполучних засобів, виробити практичні навички синтаксичного розбору та вживання коми на межі сполучних засобів.

Список літератури

1. Ачилова, В. П. Синтаксис і пунктуація української мови. Таблиці, схеми, зразки розбору : [навч. посіб.] / В. П. Ачилова. – Сімферополь : ВД «АРИАЛ», 2013. – С. 64–73.
2. Городенська, Катерина. Граматичний словник української мови. Сполучники. – Херсон : Видавництво ХДУ, 2007. – 340 с.
3. Городенська, К. Г. Сполучники української літературної мови : [монографія] / К. Г. Городенська. – К., Інститут української мови : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – 208 с.
4. Довідник з українського правопису / А. А. Бурячок, Л. С. Паламарчук, В. М. Русанівський, Н. І. Тоцька. – 3-тє вид., випр. і доп. – К. : Рад. шк., 1984. – 280 с.
5. Житар, Ірина. Українська мова : Синтаксис і пунктуація : [навч. пос.] / Ірина Житар, Тетяна Матвійчук. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2008. – 240 с.
6. Наумович, А. Н. Современная русская пунктуация : [учебн. пос. для студентов филол. фак. вузов] / А. Н. Наумович. – Мн. : Выш. шк., 1983. – 256 с.
7. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке : Для работников печати / Д. Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Книга, 1985. – 336 с.
8. Сучасна українська літературна мова. Синтаксис ; за заг. ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1972. – 516 с.
9. Українська орфографія, пунктуація, граматики та стилістика в таблицях і схемах / укл. О. М. Журенко. – Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2011. – 192 с.
10. Український правопис. – 4-тє вид., випр. й доповн. – К. : Наук. думка, 1999. – 240 с.
11. Чукіна, В. Ф. Український правопис у таблицях і схемах : [навч. посіб.] / В. Ф. Чукіна, О. М. Почтаренко, Г. С. Почтаренко. – вид. 2-ге, випр. – К. : ТОВ «ВП Логос-М», 2012. – 176 с. (серія «Бібліотека школяра»)
12. Шульжук, К. Ф. Складні багатокомпонентні речення в українській мові : [монографія] / К. Ф. Шульжук. – К. : Вища шк. Гол. вид-во, 1988. – 183 с.
13. Шульжук, К. Ф. Синтаксис української мови : [підручник] / К. Ф. Шульжук. 2-ге вид., доп. – К. : Академія, 2010. – 408 с. (серія «Альма-матер»).

ТАКОЕ НЕПРОСТОЕ СОСЕДСТВО

Ачилова В. П.

В статье описаны и прокомментированы модели сложных предложений с контактено расположенными союзными средствами (подчинительными или сочинительными и подчинительными): сложноподчинённое с последовательным подчинением, сложноподчинённое с однородным соподчинением, полипредикативное с сочинением и подчинением, сложноподчинённое с однородными сказуемыми в главной части. Приведены образцы структурных схем данных предложений. Предложены формулировки правил постановки запятой на стыке союзных средств и методические разъяснения к ним.

Ключевые слова: сложное предложение, сложноподчинённое предложение с последовательным подчинением, сложноподчинённое предложение с однородным соподчинением, полипредикативное предложение с сочинением и подчинением, контактено расположение союзных средств, пунктуация на стыке союзных средств, методика.

SUCH A DIFFICULT JUNCTION

Achilova V. P.

The models of complex sentences with a contact positioned conjunction means (subordinative or coordinative and subordinative): complex sentence with consecutive subordination, complex sentence with a homogeneous subordination, polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis, complex sentence with homogeneous predicates in the main part are describes and commented in the article. The examples of structural diagrams of these sentences are presented. The formulations of the rules of setting a comma at the junction of conjunction means and methodological explanations to them are proposed.

Key words: complex sentence, complex sentence with consecutive subordination, complex sentence with a homogeneous subordination, polypredicative sentence with parataxis and hypotaxis, contact positioned conjunction means, punctuation пунктуация at the junction of conjunction means, methodology.

УДК 811.161

**ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ
СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ
(на материале русского и украинского языков)**

Блюмина О. В.

*Образовательная организация высшего профессионального образования
«Горловский институт иностранных языков», ДНР, Горловка
e-mail: legora@list.ru*

В предлагаемой работе рассматриваются принципы формирования моделей образования субстантивных композитов со значением процессуальности в русском и украинском языках. Описание различных типов сложных слов включает:

- 1) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в композит;
- 2) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);
- 3) описание модели образованного композита.

Ключевые слова: деривация, квазикомпозиты, композиты, универбализация.

ВВЕДЕНИЕ

Целью предлагаемой работы является определение моделей структуры композитов, обозначающих действие в русском и украинском языках.

Классификация моделей образования субстантивных композитов со значением процессуальности в данной работе осуществляется на основе творческого развития принципов описания, разработанных В. И. Теркуловым.

По мнению ученого, «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в конструкты композита, то есть, собственно, модель универбализации, строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: а) модели исходного словосочетания; б) модели структуры композита» [15, с. 297]. Например, описывая универбализационную группу *Заводской комитет профсоюзной организации – завком*, лингвист вначале определяет структуру исходного словосочетания – **Прил1ед+Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед**, где **Прил** – прилагательное, **Сущ** – существительное, цифры указывают на падеж (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), а символ **ед** – на единственное число. Затем устанавливается, как представлены компоненты исходного словосочетания в композите: **Ч^{осн}Прил1ед + Ч^{осн}Сущ1ед /-Прил2ед+Сущ2ед**, где **Ч^{осн}Прил1ед** указывает на то, что от атрибута *заводской* в новом композите используется часть основы, так же, как и от субстантива *комитет*. При этом грамматический компонент атрибута утрачивается по той причине, что грамматическое значение атрибута «деградирует до уровня компонента синтаксической формы» [9, с. 18]. Комплекс **/-Прил2ед+Сущ2ед** является указанием на эллипс конструкта *профсоюзной организации*. В конце описания приводится пример употребления как исходной конструкции, так и композита в сходной позиции: *Коллектив был создан по инициативе председателя заводского комитета профсоюзной организации А. Масленникова* [Наше слово. – 11.07.07] – *Свою кандидатуру на пост председателя завкома я отвел* [www.fractal-

vortex.narod.ru/1996/letter_to_comrade.htm]. Таким образом лингвистом устанавливались все возможные модели универбализации.

Только у В. И. Теркулова они используются для описания только универбализационных композитов русского языка [15, с. 294], а мы их распространяем и на деривационные композиты, и на квазикомпозиты. Использование трехкомпонентной методики (модель исходной единицы – модель перехода – модель конечной структуры) абсолютно успешно применяется при описании последних. Более того, она зачастую позволяет преодолеть несколько унифицированный подход к разным по своей природе явлениям именно деривационного и квазикомпозитного типа. Например, деривационная суффиксация, которая в традиционных исследованиях обычно преподносится как гомогенное явление, на самом деле может относиться к разным структурно-ономасиологическим типам. Это может быть различие по типу исходного словосочетания. К примеру, нами отмечаются суффиксальные дериваты, образованные от конструкций с дополнением в форме винительного падежа (*правдолюбие – любить правду*), с дополнением в форме творительного падежа (*градобитие – бить градом*) и т.д. Это также может быть различие в структуре композита, касающееся как количественного состава конструкторов последнего, так и их качества. или целой основе (*почитать чины – чинопочитание*) и т.д.

Итак, описание различных типов сложных слов включает:

- 3) определение процесса преобразования продуцирующей единицы в композит;
- 4) описание модели продуцирующей единицы (конструкции);
- 5) описание модели образованного композита.

Если говорить о **процессах преобразования продуцирующей единицы в композит**, это универбализация, деривация, квазикомпозиция.

Модель продуцирующей единицы (конструкции) учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам композита, возникшего на её базе. В ней указывается на:

- количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции),
- там, где их больше одного – на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики. Например, *утоление боли (Сущ1ед+Сущ2ед)*, где Сущ – существительное, 1 – именительный падеж, 2 – родительный падеж, ед – единственное число.

Модель структуры композита для синтаксических композитов указывает на порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в сложной лексеме и словесное оформление последней. Для квазикомпозитов она настроена на указание схемы соединения производящего слова и аффиксоида с описанием структуры последнего.

Следует сказать, что примерно такому же описанию должны быть подвергнуты и деривационные композиты, с тем только уточнением, что объектом сопоставления здесь должна быть не пара «словосочетание – композит», а пара «словосочетание – основа композита», поскольку обязательным компонентом здесь будет явно увеличивающий число конструкторов словообразовательный формант.

Нами обнаружены следующие типы соответствия:

а) компонентный тип деривации, когда порядок следования компонентов производящего словосочетания полностью повторяется в конструктах композита, однако их количественного соответствия нет: в основе композита появляется интерфикс (*скалить зубы – скалозубство*);

б) метатезно-компонентный тип деривации, когда не отмечается изоморфизма ни в количестве, ни в порядке следования конструктов словосочетания и основы композита. Мы различаем три модели формирования количественного несоответствия:

- появление интерфикса, например, *строить парходы – парходостроение / забирати воду - водозабір*;
- появление интерфикса + утрата служебного слова, например, *плавать в море – мореплавание / плавати у морі - мореплавання*;
- появление интерфикса + утрата знаменательного слова, например, *рождать живых детенышей – живорождение / народжувати живих дитинчат – живородіння*.

Если говорить о **конструктах сложных слов**, то во всех разновидностях композитопостроения следует различать *базовые конструкты* (БК), имеющие в качестве эквивалентов полнозначные элементы исходных словосочетаний, и *вспомогательные конструкты*, выполняющие функцию оформителей композита и не обнаруживаемые в конструкции-источнике.

Мы различаем следующие способы реализации БК.

БК = **словоформе (набору словоформ)** компонента исходного словосочетания целиком, мы указываем частеречную принадлежность и грамматическую характеристику конструкта, например, для конструкта *понимание* композита *жизнепонимание – Сущ1ед / розуміння життя – життєрозуміння – Ім1одн*). Данная ситуация отмечается для универбализационных композитов (*жилищное строительство – жилстроительство*) и для квазикомпозитов универбализационного типа, образованных префиксоидным способом (*профилактика – серопрофилактика*). В качестве полной словоформы в составе универбализационного композита выступает главный компонент исходного словосочетания, в составе квазикомпозита – производящее слово.

БК = основе слова исходного словосочетания, в схемах перед полным описанием компонента исходного словосочетания ставится символ «Осн»; например, для конструкта *жизн-* композита *жизнепонимание житт-/життєрозуміння* в схемах будет дано описание «ОснСущ2ед» / «ОснІм2одн»). Данная ситуация отмечается и для универбализационных композитов (*истечение камеди – камедистечение / нафтопереробка*), и для деривационных композитов (*любить корысть – корыстолюбие*), и для квазикомпозитов универбализационного типа, образованных суффиксоидным способом (*мелиорация – лугомелиорация / плавання - повітроплавання*).

БК = усеченной основе компонента исходного словосочетания, которым считается любое сокращение основы исходного слова. Верхним пределом редуцирования является сокращение основы на один звук, например,

взаимовлияние (взаимное влияние), где сокращается только звук *-н-* основы слова *взаимное*; *взаємний вплив (взаємовплив)*.

БК может иметь вид:

а) части основы (в схемах – **Ч^{осн}**); данная ситуация отмечается для универбализационных композитов (*социальное страхование – соцстрах / спеціальне завдання - спецзавдання*), и для деривационных композитов у которых обычно сокращение основы осуществляется путем усечения глагольного интерфикса (*вращать стол – столовращение* / утрата интерфикса *а/*), и для квазикомпозитов универбализационного типа, образованных суффиксоидным способом (*авиация – авиастроительство / авіація - авіабудівництво*).

б) первой буквы основы (в схемах **Б¹**), например, буква **К** (**Б¹Сущ1ед**) в акрониме **НК** (<*Неразрушающий контроль*>); отмечается только для универбализационных композитов.

Особого внимания заслуживают случаи сокращения при универбализации основ сложных слов, входящих в исходные конструкции. Нами отмечены четыре модели вхождения таких единиц в новообразованные композиты:

а. конструктором является основа исходного композита целиком: *строить авиамоторы – авиамоторостроение*;

б. конструктором является **Ч^{осн}** всех составляющих исходного композита, например, *судебно-медицинская экспертиза – судмедэкспертиза*;

в. конструктором является **Б¹** всех составляющих исходного композита, например, *ультразвуковое исследование – УЗИ / магнітно-резонансна томографія - МРТ*;

г. конструктором является **Ч^{осн}** исходного композита целиком, либо реализующая один из его конструкторов: *потребление электроэнергии – енергопотребление / споживання електроенергії - енергоспоживання*, либо охватывающая оба: *аэрогеологическая съёмка – аэрогеосъёмка*.

Помимо базовых конструкторов в оформлении композита принимают участие и **вспомогательные конструкторы**, то есть единицы, не отмечаемые в исходных конструкциях и используемые для словесного оформления сложного слова. Вспомогательные конструкторы могут иметь структурную и структурно-семантическую значимость.

Структурные конструкторы выполняют не семантическую, а формальную структуроорганизующую функцию. В первую очередь это интерфикс. Семантика его «абстрактна и сводится <...> к “идее соединения” составляющих сложную основу простых слов (точнее, конструкторов – О.Б.)» [12, с. 35], например, интерфикс **о** в композите *газообразование* (<*образование газа*>).

Очень часто реализуется словообразовательный стереотип, при котором второй частью деривационного композита становится комплекс, включающий глагольный эквивалент и формант. Например, от глагола *строить / будувати* при помощи форманта [*ениј-(е)*] образовано достаточно большое количество композитов: *домостроение, кораблестроение, ракетостроение, тоннелестроение, турбостроение / кораблебудування, ракетобудування, турбобудування, турбінобудування, газотурбобудування* и т.д. Очевидно перед нами реализованный словообразовательный стереотип, который мы назовем **словообразовательным классом**. Определить, какое из указанных сложных слов

стало эталонным деривационным композитом, не представляется возможным, поскольку в достаточно большом количестве случаев новообразованная единица связывается в сознании носителей языка с продуцирующим (реально или условно) глагольным словосочетанием, например, *строить турбины – турбостроение*: *Хотя Субботин и его менеджеры наверняка предпочли бы такого шанса не иметь, а просто строить турбины – А у нового руководства завода есть возможность показать себя защитниками отечественного турбостроения* [<http://www.zavtra.com.ua/news/1/49565>]. *Місто Миколаїв — південний центр кораблебудування Російської імперії в XIX ст., було закладено 1789 р. князем Г. Потьомкіним на півострові при злитті Інгулу і Південного Бугу як флотське і корабельне місто* [<http://www.litopys.com.ua/encyclopedia/sots-alno-pol-tichna-modern-zats-ya-susp-lstva/mikola-v-tsentr-korablebuduvannya/>]. *Україна мусть будувати нові кораблі, інакше втратить статус морської держави – командувач ВМС* [<http://tsn.ua/ato/ukrayina-musit-buduvati-novi-korabli-inakshe-vtratit-status-morskoyi-derzhavi-komanduvach-vms-565270.html>]. Это и позволяет определить статус рассматриваемых единиц как деривационных композитов. В тех же ситуациях, когда найти продуцирующее словосочетание не представляется возможным, мы говорим о деривационных квазикомпозитах. При этом повторяющаяся часть единиц, входящих в квазикомпозитный подкласс словообразовательного класса, определяется как суффиксоид. Таковы, например, *авиаракетостроение*, *автотракторостроение* и некоторые другие, у которых финаль *строение* является суффиксоидом.

Точно так же, как и деривационные композиты, словообразовательные классы могут образовывать и универбаты.

Таков, например, словообразовательный класс *терапия*, в который входят лексемы *аэротерапия / аэротерапія, музыкотерапия, лазеротерапия, вакцинотерапия* и многие другие. Процедура очень напоминает выделение деривационных композитов. Отличие касается только статуса искомого словосочетания. Если у деривационных композитов производящее словосочетание семантически отличается от сложного слова, то у универбализационных – семантически абсолютно тождественно ему. Например, мы считаем универбализационным композитом *трудотерапия*, поскольку в рассмотренных нами текстах он употребляется параллельно с конструкцией *трудовая терапия*: *В ближайшее время туда отправится первая группа пациенток, которые в качестве трудотерапии примут участие в подготовке здания центра к зиме – Курс, рассчитанный как минимум на три месяца, включает лечебные процедуры, психологические тренинги и трудовую терапию* [<http://www.regions.ru/news/1632020/>]. В то же время сложное слово *вакцинотерапия* является квазикомпозитом, поскольку для него эквивалентного словосочетания обнаружить не удалось. Или, например, укр. *англоманія*, для которого мы также не обнаружили эквивалентного словосочетания. Таким образом, мы выделяем три типа моделей образования композитов – модели образования универбализационных композитов, модели образования деривационных композитов и модели образования квазикомпозитов.

ВЫВОДЫ

На основании указанных параметров осуществляется описание моделей структуры для синтаксических субстантивных композитов, обозначающих действие в русском и украинском языках. Данные параметры указываются в словарной статье составляемых русским и украинском словарях композитов.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Василевская Е. А. Словообразование в русском языке : учебн. пособие [для студ. вузов] / Е. А. Василевская. – М. : Учпедгиз, 1962. – 132 с.
3. Васильева О. Г. Субстантивні композити-бахувріхі як засіб смислопородження тексту (на прикладі антропосемічних одиниць у художніх та публіцистичних англійських текстах) / О. Г. Васильєва // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. – № 16. – С. 134-136.
4. Васильева О. Г. Функціонально-семантичні особливості посесивних найменувань особи (на прикладі субстантивних композитів-бахувріхі) / О. Г. Васильєва // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. – № 17. – С. 104-107.
5. Васильєва О. Г. Концептуальна семантика субстантивних композитів-бахувріхі (на матеріалі антропосемічної лексики сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня кандидата філол. наук / спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. Г. Васильєва. – К., 2006. – 20 с.
6. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология : На материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.
7. Голанова Е. И. О “мнимых сложных словах” / Е. И. Голанова // Лики языка : к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской : сб. научн. трудов. – 1998. – № 6 – С. 31-39.
8. Гудилова С. В. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке : на материале неологизмов второй половины XX века : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.01. / Гудилова Светлана Валентиновна. – М., 2005. – 306 с.
9. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
10. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
11. Кубрякова Е. С. Словообразование как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словообразования и вопросы создания сложных лексических единиц : межвузовский сб. научн. трудов. – Пятигорск : Пятигорский пед. ин-т иностр. языков, 1988. – С. 3-23.
12. Лопатин В. В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1975. – № 4. – С. 24-37.
13. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоцицентр, 2000. – 248 с.
14. Селиванова О. О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19-22.
15. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.

PRINCIPLES OF FORMATION OF MODELS FORMATION SUBSTANTIVE COMPOSITES WITH VALUES PROCESSUALITY

Bljumina O.V.

In the present paper we discuss the principles of formation of educational models substantive composites with a value processuality in Russian and Ukrainian languages. Description of the various types of compound words includes:

- 1) definition of the transformation process of producing units in the composite;
- 2) description of the model producing unit (structure);
- 3) description of the model formed by the composite.

Key words: derivation, kvazycomposites, composites, univerbation.

УДК 027.1:378.124.2

**«В ЗНАК ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ ОТ АВТОРА»
(Из истории формирования книжного собрания
Александра Илариевича Германовича)**

Калмыкова М. М.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь
E-mail:markalm@rambler.ru*

В статье освещены основные этапы научно-педагогической деятельности ученого-педагога А. И. Германовича. Рассматривается история формирования книжной коллекции, обращено внимание на интересные автографы, дарственные надписи и экслибрисы.

Ключевые слова: личное книжное собрание, история КФУ, Научная библиотека КФУ, автографы, дарственные надписи.

ВВЕДЕНИЕ

Среди имен, составивших славу Таврической академии, хотелось бы вспомнить имя Александра Илариевича Германовича (1896–1973), проработавшего в вузе без малого тридцать лет.

К сожалению, мне не удалось найти монографии или большой научной статьи, посвященной А. И. Германовичу. Многочисленные заметки в крымских газетах освящали лишь отдельные моменты жизни этого человека.

Небольшие статьи биографического характера были напечатаны в минском издании «Восточнославянские языковеды» [1], киевских изданиях «Учені вузів Української РСР» [2] и «Мовознавство на Україні за 50 років» [3]. В этом ряду надо вспомнить небольшую работу Евдокии Николаевны Сидоренко, которая представляет нам А. И. Германовича как ученого, прекрасного педагога и большого друга библиотеки [4]. Ценность этой работы заключается еще и в том, что в ней представлена библиография трудов А. И. Германовича (40 позиций) и литература о нем (31 позиция).

В последнее время интерес к личности А. И. Германовича значительно возрос. Определенную работу по возрождению имен профессоров, работавших в Таврическом университете, Крымском педагогическом институте, Симферопольском государственном университете проводят сотрудники Научной библиотеки. На сайте Научной библиотеки в разделе «Электронные ресурсы» представлена «Электронная энциклопедия «История университета в биографиях и портретах»». Одна из страниц энциклопедии посвящена А. И. Германовичу.

Не многие знают, что в фондах Научной библиотеке КФУ хранится личная библиотека ученого, о которой я хотела бы рассказать.

В 70-х годах XX века в библиотеку Симферопольского государственного университета (так тогда назывался наш вуз) была передано на хранение книжное собрание ученого. Это одна из первых трех личных библиотек, которые хранятся в фонде Научной библиотеки как

единая книжная коллекция. На сегодняшний день она насчитывает свыше семисот экземпляров. Большой объем составляют периодические издания, среди которых журнал «Русский язык в школе» за несколько лет.

Александр Илариевич Германович родился в марте 1896 году, в Белоруссии и местечке Родионовка. Свое образование Александр начал в Мстиславском духовном училище, затем была Могилевская духовная академия. Поработав несколько лет сельским учителем, Александр Илариевич продолжил образование в Неженском педагогическом институте. После его окончания он всецело посвятил себя научной работе в области русского языкознания.

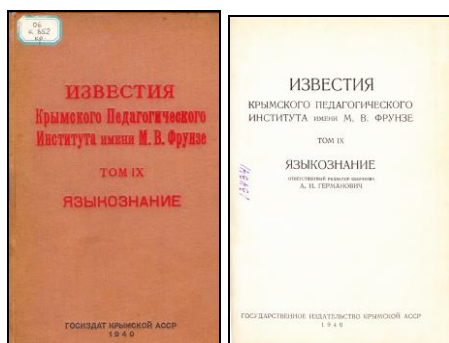
По окончании аспирантуры он занимался преподавательской деятельностью в пединститутах Казахстана и Новгорода. Одно время А. И. Германович возглавлял кафедру русского языка и литературы в Новгородском педагогическом институте. Просматривая в интернете материал, посвященный истории образования в Великом Новгороде, я наткнулась на интересный документ. Это фотография, на которой изображены студенты и преподаватели факультета русского языка и литературы педагогического института в Новгороде. В верхнем ряду справа без труда можно узнать Александра Илариевича Германовича. Фотография датирована 1937 годом.

Факультет русского языка и литературы (Нижний Новгород)

В конце 30-х годов Александр Илариевич приехал в Симферополь и приступил к работе в Крымском педагогическом институте имени М. В. Фрунзе.

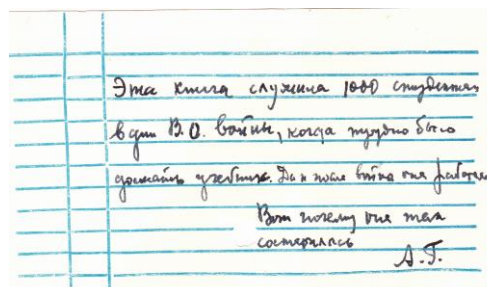
Уже в 1940 году его имя можно встретить среди редакторов печатного органа института. Это девятый выпуск (предвоенный) «Известий Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе». Выпуск был посвящен языкознанию и ответственным редактором был А. И. Германович.

Печатный орган Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе

Перед самой войной во втором номере за 1941 год журнала «Русский язык в школе» появилась небольшая работа А. И. Германовича «**Междометия как часть речи**».

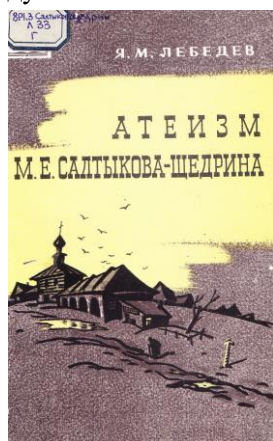
В период оккупации Симферополя немцами Александр Илариевич вместе с оставшимися преподавателями был эвакуирован в Дагестан, где продолжал преподавать. Вместе с ним уезжали и его любимые книги. В последние мирные дни в библиотеке ученого появилась небольшая книга А. С. Никулина «**Историческая грамматика русского языка**», изданная в Ленинграде в 1941 году. На книге сохранилась дарственная надпись автора: «*А. И. Германовичу с чувством глубочайшего уважения. Автор. Май 1941*». В тяжелые годы войны эта книга продолжала служить делу просвещения. При исследовании фонда в книге была обнаружена каталожная карточка, на которой рукой Александра Илариевича была сделана следующая надпись: «*Эта книга служила 1000 студентам в дни В.О. войны, когда трудно было достать учебник. Да и после войны она работала. Вот почему она так состарилась А. Г.*»

Книга А. С. Никулина и автограф А. И. Германовича

После освобождения Симферополя от немецких оккупантов, Крымский педагогический институт возвратился в родные пенаты. С этого момента и до конца своих дней Александр Илариевич трудился в стенах родного вуза. Вскоре возобновилось издание «Известий...» и с постоянной регулярностью в них появлялись работы ученого.

В 1962 году А. И. Германович получил степень доктора филологических наук. На это событие сразу же откликнулись его почитатели. *«Дорогому Александру Илариевичу Германовичу в знак душевного поздравления с присуждением ученой степени доктора филологических наук, с пожеланием здоровья и новых творческих успехов в наступающем 1962 году. 1.1.1962 Я. Лебедев»*, – такой поздравительный автограф обнаружен на книге Якова Мироновича Лебедева **«Атеизм М. Е. Салтыкова-Щедрина»**, вышедшей в Москве в издательстве «Академия» в 1961 году.

Автограф Я. М. Лебедева

*Дорогому Александру Илариевичу Германовичу
в знак душевного поздравления
с присуждением ученой степени
доктора филологических наук,
с пожеланием здоровья
и новых творческих успехов
в наступающем
1962 году
1.1.1962. Я. Лебедев.*

Свою библиотеку Александр Илариевич собирал всю жизнь. Она представляет собой типичную коллекцию книг ученого.

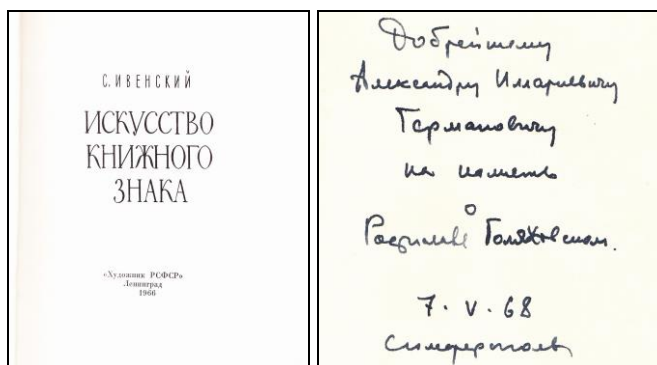
Отличительной особенностью этого книжного собрания является сюжетный экслибрис, который встречается на некоторых книгах.

В свое время, старейший сотрудник нашей библиотеки В. И. Канарш так описала его: *«... странный книжный знак с изображением на фоне стопки книг юноши в нарядном костюме, играющего на каком-то музыкальном инструменте, и ... петуха отчасти отражает научные интересы, библиофильские увлечения и характер владельца»*.

Книга – это понятно; исполнение же какой-то мелодии, очевидно, свидетельство любви А. И. Германовича к музыке. Петух, издавна признанный у разных народов самой бойкой птицей, – символ борьбы и боя» [5]. Можно

предположить, что этот книжный знак был создан одним из братьев Голяховский – Ростиславом. На эту мысль наводит дарственная надпись, обнаруженная на книге Семена Георгиевича Ивенского «**Искусство книжного знака**» (Л., 1966): «Добрейшему Александру Иллариевичу Германовичу на память о Ростиславе Голяховском 7.V.68 Симферополь». (Семен Георгиевич Ивенский (1924) – известный искусствовед, коллекционер, автор книг по истории экслибриса).

Автограф Р. Голяховском

В библиотеке ученого присутствуют книги по всем основным гуманитарным дисциплинам. Самое большое количество книг составляет отдел «Языкознания» – четыреста двадцать четыре экземпляра. Среди авторефератов и научных трудов XX века, встречаются интересные издания XIX века. Так в библиотеке А. И. Германовича было обнаружено три части «Грамматики языка славянского по древнему наречию» (СПб., 1833–1834) Иозефа Добровского, известного чешского просветителя, которого еще при жизни называли «патриархом» славистики.

А на книге крупнейшего русского и польского лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ «**Некоторые общие замечания о языковедении и языке**» (СПб., 1871) была обнаружена дарственная надпись автора ректору Санкт-Петербургского университета, доктору философии М. И. Владиславлеву: «*Михаилу Ивановичу Владиславлеву от уважающего автора.*»

Остановлюсь только на некоторых находках, которые были сделаны при беглом анализе библиотеки А. И. Германовича. Первое на что я обращала внимание, это всевозможные надписи и вложения, которые можно было встретить в книгах.

Среди многочисленных надписей, обнаруженных на книгах, особое внимание заслуживает автограф Н. Г. Порфиридова, известного историка, музейного работника[6].

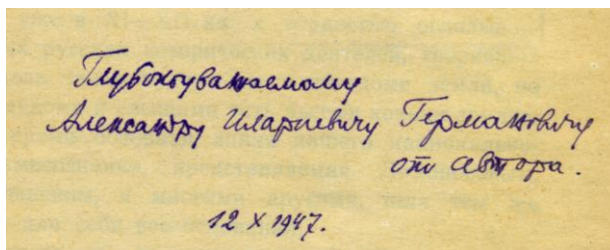
Николай Григорьевич Порфиридов (1893–1980) родился в с. Большое Замошье, Новгородского уезда. И на протяжении всей своей жизни он с теплом и любовью вспоминал о своей родине. После окончания Новгородской духовной семинарии, он поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию на кафедру археологии и истории искусства. Первая его работа называлась «**Стенные фресковые росписи новгородских церквей**».

Свое образование Николай Григорьевич продолжил в Археологическом институте (Петроград), по окончании которого

был направлен на работу в Новгород. С этого времени Новгород поселился в душе ученого. До войны он был хранителем музея Древностей, возглавлял комитет по делам музеев при Новгородском ГубОНО. В 20-е годы прошлого столетия Николай Григорьевич последовательно становился научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры, научным сотрудником Государственного института истории искусства по отделу изобразительного искусства. В период с 1936–1938 годы он преподавал в Новгородском педагогическом институте. В это же время кафедру русского языка и литературы педагогического института возглавлял молодой А. И. Германович. Встреча этих людей впоследствии переросла в дружбу. После войны Н. Г. Порфиридов поселился в Ленинграде. В Русском музее ему предложили заведовать отделом древнерусского прикладного искусства. Но история и культура Древнего Новгорода были основными темами его научных публикаций. В 1947 году он выпустил книгу «**Древний Новгород: очерки из истории русской культуры XI-XV века**». Это довольно объемный труд, который содержит триста семь страниц. Этим же годом (1947) датирован и автограф на книге: «*Глубокоуважаемому Александру Илариевичу Германовичу от автора. 12.X.1947*».

Автограф Н. Г. Порфиридова

Перелистывая страницы книги, я обнаружила небольшой листок бумаги. Это оказалось письмо Н. Г. Порфиридова Александру Илариевичу. Датировано оно тем же числом, что и автограф на книге «Древний Новгород». Привожу его целиком.

«12.X.1947

Глубокоуважаемый Александр Илариевич!

Посылаю вам свою книгу о Новгороде, вышедшую недавно в свет. Кроме моего уважения к Вам, хочется дать эту работу в руки человека, интересующегося одинаковыми вопросами. Книга озаглавлена «Древний Новгород», но ставит по существу более широкие вопросы русской культуры, и разрешать их пытаюсь я на материале несколько более широком, чем обычно практикуется. Не знаю, насколько мне это удалось; но знаю, что за некоторые положения рецензенты будут ругать.

Интересно было бы узнать Ваше мнение по части освещения в работе таких вопросов, как просвещение, идеологические движения в средневековом обществе, связь искусства XIII-XIV вв. с сдвигами в мировоззрении. Эти вопросы – о связи художественных форм с формами мировоззрения – пробую еще яснее ставить в небольшой книжке специально о древнерусском искусстве, которая издается нашим Музеем.

Как Вы живете? Как использовали минувшее лето? Выезжали - куда-либо из Крымских пределов. Не случилось ли побывать на чрезвычайно интересных раскопках П. Н. Шульца, которые производятся недалеко от Симферополя, он открывает поразительные новые материалы по культуре Тавро-скифов. Продолжаете-ли нынче нести тягостные административные обязанности по факультету?

Побывал я нынче летом опять в Новгороде. Не привыкнуть к его горестному виду. Бедный Институт стоит в прежнем запустении и не слышно, чтобы скоро принялись за его восстановление. Очень тяжелое впечатление от уничтоженной прекрасной рожи.

Желаю вам всего доброго. Прошу передать привет вашей супруге.

Ваш Н. Порфиридов».

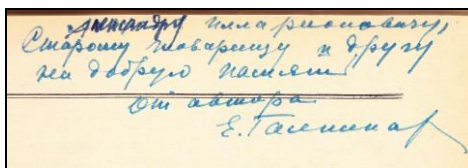
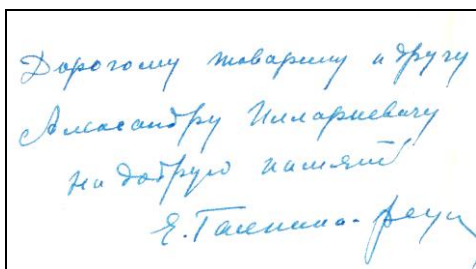
Замечу, Павел Николаевич Шульц – известный археолог и историк. Еще учась в Петроградском университете, он предпринял археологическую экспедицию в Крым. А после войны Павел Николаевич возглавил так называемую Тавро-скифскую экспедицию. В Симферополе он занимался раскопками Неаполя Скифского. Как раз об этой экспедиции и идет речь в письме Николая Порфиридова. О пребывании П. Н. Шульца в Крыму сохранились теплые воспоминания О. А. Махневой [7].

В библиотеке А. И. Германовича было обнаружено два автографа Е. М. Галкиной-Федорук. Евдокия Михайловна Галкина-Федорук (1898–1965) – известный филолог, профессор, доктор филологических наук – родилась в 1898 году в Тверской области. Ее имя, прежде всего, ассоциируется с учебником **«Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология»**. Более десяти лет Евдокия Михайловна работала в журнале «Русский язык в школе», сначала была членом редколлегии, а затем стала главным редактором журнала.

Ее интересовали вопросы русской фразеологии, диалектологии, стилистики. Евдокия Михайловна являлась автором глав и разделом в таких известнейших учебниках, как «Современный русский язык. Синтаксис», «Современный русский язык. Ч.2 : Морфология, синтаксис», «Грамматика русского языка»

Теплом и уважением проникнуты слова, оставленные Евдокией Михайловной на книгах, подаренных А. И. Германовичу: *«Дорогому товарищу и другу Александру Иллариевичу на добрую память»* (Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958) или *«Александру Иллариевичу, старому товарищу и другу на добрую память»* (Современный русский язык. Лексика. М., 1954).

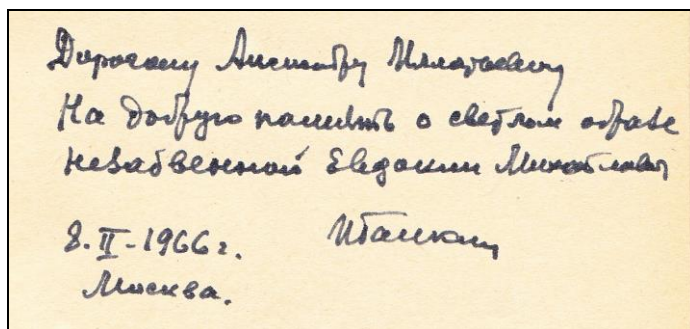

Автографы Е. М. Галкиной Федорук

Уже после смерти Евдокии Михайловны в библиотеке Александра Иллариевича появилась еще одна работа известного автора **«О стиле поэзии Сергея Есенина»** (М., 1965), подаренная мужем Евдокии Михайловны Ильей Саввичем – известным советским историком, историографом. Свой подарок он сопроводил добрыми словами: *«Дорогому Александру Иллариевичу на добрую память о светлом образе незабвенной Евдокии Михайловны. И. Галкин. 8.И. 1966 г. Москва»*.

Автограф И. С. Галкина

Теплые и дружеские отношения связывали двух книголюбов: А. И. Германовича и А. И. Анушкина (1903–1978). В библиотеке А. И. Германовича было обнаружено пять книг последнего. В книговедческих кругах имя Александра Ивановича Анушкина хорошо известно. Родился он в 1903 году. После окончания Московского института журналистики, его первые публикации стали появляться в газете «Ленинградская правда». Затем судьба забросила его в Казахстан, где он работал в Алма-Ате в журнале «Большевистская правда». После Алма-Аты он оказался в Татарии, где долгое время работал в Татарской республиканской газете «Красная Татария», сначала в должности ответственного секретаря, заместителя редактора, редактора и, наконец, главного редактора.

После войны он оказался в Литве и в течение десяти лет работал в газете «Советская Литва». С этого момента Анушкин начинает собирать материал по истории издательского дела, в частности по истории зарождения книгопечатания в Литве. Его можно было встретить в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, где в Отделе рукописей он изучал «Евангелие» Петра Мстиславца, напечатанное в Вильне в 1575 году. И как результат этого кропотливого труда в 1970 году в Вильнюсе была напечатана его книга «**На заре книгопечатания в Литве**». «Написанная по-журналистски легко, она сразу привлекла внимание читателей. Вместе с тем этот труд – плод многолетней исследовательской работы», – так пишет об этой работе А. И. Анушкина известный ученый, книговед Е. Л. Немировский [8, С. 118]. В библиотеке А. И. Германовича сохранилось это издание с дарственной надписью автора: «Глубокоуважаемому и дорогому Александру Илларионовичу Германовичу с большой признательностью от всего сердца. А. Анушкин 1970.»

В конце 60-х годов XX века Александр Иванович переехал в Ялту, несколько лет работал в «Курортной газете» заместителем редактора. В это же время по приглашению А. И. Германовича он приезжал в Симферополь, посещал библиотеку имени И. Я. Франко и библиотеку Симферопольского государственного университета, где знакомился с редкими старопечатными изданиями. В 1978 в издательстве «Таврия» вышла книга А. И. Анушкина

«Рассказы о старых книгах». Некоторые её страницы посвящены интересным находкам, сделанным в нашей библиотеки.

Еще одно свидетельство дружбы было найдено в книге «Энциклопедия славянской филологии» – это почтовый конверт, отправленный Анушкиным из Ялты в Симферополь Германовичу.

Александр Илариевич был прекрасным педагогом, о чем свидетельствуют авторефераты переданные ученому со словами благодарности.

И закончить я хочу словами из статьи, напечатанной в «Крымской правде» в 1956 году, в год 60-летия Германовича: «Сотни учителей вырастил А. И. Германович. По всему Крыму и далеко за его пределами трудятся воспитанники т. Германович, среди которых есть немало кандидатов и докторов наук. Нет в нашей области такого учителя-словесника, который не знал бы А. И. Германовича, не обращался бы к нему за помощью и советом».

Список литературы

1. Булахов М. Г. Германович Александр Илариевич // Восточнославянские языковеды : библиогр. словарь. – Минск, 1977. – Т. 2. – С. 154–155.
2. Германович Олександр Ларіонович // Учені вузів Української РСР. – К., 1968. – С.209–210.
3. Іжакевич Г. П. Наукова розробка питань російського мовознавства на Україні // Мовознавство на Україні за 50 років. – К., 1967. – С.252.
4. Сидоренко Е. Н. Александр Илариевич Германович (8 марта 1896–6 августа 1973): очерк жизни и научной деятельности / Крымский центр гуманитарных исследований ; Крымское общество русской культуры. – С., 1996. – 32 с. – Серия «Ученые Крыма».
5. Канрш В. И. «Благосклонному читателю ...» / В. Канрш // Таврические ведомости. – 1993. – № 6(64).
6. Николай Григорьевич Порфиридов // Российская музейная энциклопедия / ред-колл. В. Л. Янин и [др.] ; Российский ин-т культурологии МК РФ и РАН. – Т. 2 : Н–Я. – М., 2001. – С. 107.
7. Махнева О. А. Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце / О. А. Махнева // У Понта Евксинского : памяти Павла Николаевича Шульца. – Симферополь, 2004. – С. 241–243.
8. Немировский Е. Л. По следам первопечатника / Е. Л. Немировского. – М., 1983. – 215 с.

«WITH THE SIGN OF GRATITUDE FROM THE AUTHOR» (FROM THE HISTORY OF FORMATION OF ALEXANDER ILARIEVICH GERMANOVICH'S BOOK COLLECTION)

Kalmykova M. M.

The main stages of the scientific and pedagogical activities of scientist-scholar A. I. Germanovich are lightened. History of the book collection formation is being examined, interesting autographs, gift inscriptions and ex-libris are paid attention to.

Key words: personal book collection, history of CFU, Scientific library of CFU, autographs, gift inscriptions.

УДК 81'282.4

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ ДО ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ¹

Маркина-Гурджи М. Г.

*Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Симферополь
E-mail: magoni1@yandex.ru*

Статья посвящена выявлению функциональной специфики перевода в формировании коммуникативной компетентности учащихся на уроках русского языка в АР Крым до 2014 года. Функционирование и преподавание русского языка в Республике Крым до воссоединения с Российской Федерацией характеризовалось рядом особенностей и сопровождалось комплексом факторов, которые как положительно, так и отрицательно влияли на развитие языка в целом и на уровень владения русским языком, грамотности у населения, в частности.

Доказывается тезис, согласно которому реализация функции текста-перевода – это презентация оригинала в новой кодовой позиции, что выражается в отнесенности к иной лингвокультурной ситуации. Следовательно, адекватным переводом в настоящем исследовании признается такой, в котором выражены функционально значимые подсистемы исходного текста (непосредственно воздействующая подсистема и подсистема, обеспечивающая возможность воздействия), «стержневые», «опорные» элементы оригинала, необходимые для формирования адекватного оригиналу содержания текста. Функционально адекватный оригиналу переводной текст должен оказывать такое же воздействие на реципиента, что и исходный текст.

Рассмотрены и проиллюстрированы задания на уровнях слова, словосочетания, предложения и текста. Охарактеризованы особенности учебников по русскому языку коллектива крымских авторов. Использование упражнений на перевод направлено на развитие и совершенствование речевых умений и навыков.

Ключевые слова: АР Крым, учебник по русскому языку, перевод, функциональный подход, грамотность, семантика, уровни заданий для учащихся.

ВВЕДЕНИЕ

Острая необходимость в сохранении и развитии русского языка в АР Крым, в совершенствовании уровня коммуникативной компетентности у носителей русского языка обусловила поиск новых, эффективных методических приемов и форм работы, направленных на повышение качества обучения русскому языку в общеобразовательных учебных заведениях. Особое место в ряду таких форм работы занимают упражнения по созданию текстов-переводов на русский язык.

В своих работах [9; 10 и др.] мы отстаиваем функциональный подход к переводу и предлагаем такое описание текста-перевода как занимающего особое место в ряду исходных текстов, которые, как отметил У. Эко, представляют «наиболее очевидный пример того, как посредством другой системы знаков пытаются сказать то же самое» [19, с. 273].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00114 «Русский язык в Республике Крым до и после воссоединения с Российской Федерацией».

Цель предлагаемой статьи – характеристика функциональной специфики перевода в формировании коммуникативной компетентности учащихся на уроках русского языка в АР Крым до 2014 года и иллюстрация использования данного подхода при составлении заданий по уровням слова, словосочетания, предложения и текста.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Значительным шагом в развитии переводоведческого направления в лингвистике стали определения перевода, предложенные Г. Егером [1] и О. Каде [2], именно на этой теоретической основе впоследствии строились теории А. Д. Швейцера и В. Н. Комиссарова. Так, А. Д. Швейцер на основе опыта своих предшественников попытался в своем определении отразить в рамках коммуникативного подхода наиболее существенные признаки перевода, отличающие его от других видов языкового посредничества. Согласно А. Д. Швейцеру, перевод может быть определен как «однонаправленный и двухфазный (первый этап – анализ оригинала, второй этап – создание текста перевода. – М. М.) процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [18, с. 75].

Определение перевода, предложенное В. Н. Комиссаровым, является традиционным, отражает современный взгляд на перевод и принимается в качестве рабочего в исследованиях большинства лингвистов, среди которых нам известны работы Т. А. Казаковой [3; 4]. Перевод представляет собой «вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноценной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему» [6, с. 44]. При этом «коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [5, с. 45]. Анализ дефиниций свидетельствует о том, что результатом поисков дифференциального признака перевода стало, в конечном счете, признание за ним, в отличие от других видов неисходного текста, функции выступать полноценной заменой текста исходного, но в условиях функционирования другого языка. По словам А. Д. Швейцера, «имитация оригинала» – это и есть сущность перевода, репрезентирующего оригинал в другом лингвокультурном контексте» [18, с. 66].

Если учитывать, что перевод называют особым видом языкового посредничества или межъязыковой коммуникацией, то его функцию выступать исходным текстом следует понимать как необходимость обеспечения коммуникации между носителями разных языков [5, с. 37; 7, с. 8 и др.].

Решение проблемы функции перевода видится в тезисе, согласно которому функция перевода определяется функцией оригинала. Как пишет У. Эко, перевод представляет собой «одну из форм истолкования <...> он всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести <...> намерение текста: то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором появился» [19, с. 16]. Следовательно, перевод, выполняя «актуальную функцию посредника между оригинальным текстом и неким

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

обобщенным читателем-современником перевода» [12, с. 98], необходим для того, чтобы исходный текст имел возможность реализовать свою функцию (коммуникативную) в иноязычной среде. Однако отождествление функциональности с коммуникативностью не дает возможности признать представленное выше толкование текста-перевода соответствующим той методологии, которая положена в основу нашей работы.

Согласно функциональному подходу к исследованию языка и его единиц, всякий создаваемый текст, будучи единственно воспринимаемой формой существования языка, понимается как «инструмент непосредственного воздействия на собеседника, на адресата, на партнера» [13, с. 306]. В нашем исследовании, вслед за А. Н. Рудяковым, будем считать функцией языка регулятивную функцию, т.е. «реалиепорождающим», основным функциональным качеством языка является воздействие с помощью знаковой системы на сознание другого человека. Другие функции языка (коммуникативная, когнитивная, метаязыковая и пр.) признаются важными функциональными качествами языка, но не могущие быть квалифицированными как «реалиепорождающие», что в целом соответствует функционально-прагматическому направлению в современном языкознании [8]. Коммуникация – форма (обязательная!) осуществления данного воздействия. Поэтому возникает очевидный вопрос: «Каким образом тот или иной текст может выполнить свою функцию, если адресат является носителем иного языка?». Только посредством перевода. Создавая текст перевода, необходимо стремиться к тому, чтобы «воспроизвести функции переводимого текста с учетом их иерархии и степени важности, обращая основное внимание на доминантную функцию» [17, с. 109]. Доминантная функция текста «заключается в создании определенного коммуникативного эффекта, то есть в оказании определенного прагматического воздействия на получателя текста» [17, с. 109], а значит, это – регулятивная функция. Об этом же пишет и уже цитируемый в работе У. Эко, по словам которого, «переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить (не преобразовать исходный текст, что важно, а создать новый – М. М.) такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом... – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремится текст-источник» [19, с. 16]. Таким образом, функцией текстов-переводов в настоящем исследовании признается функция межъязыковой регуляции. Принимая данный тезис в качестве исходного, утверждаем, что переводной текст должен обеспечить то регулятивное воздействие на картину миру реципиентов, которым обладает исходный текст и к которому стремился его автор. Осуществить воздействие на понятийную систему иноязычного получателя информации – функция перевода, то, для чего осуществляется данный процесс.

Делая вывод, дадим принципиально новое понимание перевода: определим его с позиций лингвистического функционализма как вид исходного текста, реализация регулятивы в котором осуществляется в форме инструмента межъязыковой регуляции и представляющий собой интерлингвистическую замену исходного текста.

Исходя из утверждения, что необходимость воздействия на мир с помощью языка требует существования развернутой системы номинативных средств и соответствующих законов, по которым эти средства комбинируются в процессе построения текстов, считаем, что в процессе создания текста перевода особую роль сыграют разработанные функциональной лингвистикой положения относительно сферы номинации (область «функциональной семантики») и сферы регуляции (теория текста).

В концепции функциональной семантики слово не является единицей системы номинации (рассматривается лишь как элемент системы), поскольку одно и то же понятие может быть выражено не только однословно, но и с помощью устойчивого и свободного словосочетания, фразовой номинации. В качестве единицы лексики в данной теории выступает семантема – сложное единство языкового понятия, вербализируемого набором сем, и микрополя разноструктурных средств именованья, каждое из которых обладает функциональной тождественностью [14].

Возможность перевода в данном случае объясняется существованием, всеобщей (характерной для всех существующих языковых коллективов) языковой картины мира, наличием универсального набора семантем, имеющих место в картине мира каждого языкового коллектива. Различия наблюдаются в актуальности/неактуальности данной семантемы для определенного коллектива, в существовании развернутой/неразвернутой системы вариантов реализации семантемы, в знаковых единицах (словах и словосочетаниях), репрезентирующих данное понятие.

Для выражения семантемы в разных языках используются совершенно разные языковые средства, разный набор вариантов. Один из основных вопросов сводится к тому, чтобы определить, какие средства в языке перевода будут воздействовать на те же когнитивные структуры, что и средства, используемые в оригинале, то есть найти *межъязыковые варианты семантемы*. Что, отнюдь не означает, что вариант, используемый в оригинале, и вариант, выбранный в переводе, будут тождественны по ценности. Иными словами, вариант, используемый в оригинале, может, допустим, формировать ядерную зону реализации семантемы своего языка, а вариант, употребляемый в переводе, формировать периферийную зону. Воздействие же, осуществляемое обоими вариантами, при этом может быть аналогичным.

Таким образом, семантема определяется нами как минимальная единица перевода.

Само же воздействие, как нами уже было отмечено, осуществляется посредством особым способом организованной речи, что воплощается в конкретном тексте. Например, в поэтическом тексте истинный смысл скрыт от читателя и доступен лишь при особом его (текста) прочтении, что определяет одну из основных сложностей, возникающих перед переводчиком – правильное определение, а вследствие этого передача в переводном тексте этого, скрытого от поверхностного чтения смысла. Регулятивное видение текста: выделение в его (тексте оригинала) структуре двух подсистем – воздействующей части и «средства доставки» [см. 13; 15 и др.] этой части к объекту воздействия есть первый шаг к осуществлению адекватного перевода. Так как от умения переводчика «увидеть» в

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

исходном тексте эти «части» и найти в языке перевода *свои* средства для их выражения зависит «успешность» переводного текста, его функциональность.

Реализация функции текста-перевода – это презентация оригинала в новой кодовой позиции, что выражается в отнесенности к иной лингвокультурной ситуации, к иным ментальным коннотациям. Следовательно, адекватным переводом в настоящем исследовании признается такой, в котором выражены функционально значимые подсистемы исходного текста (непосредственно воздействующая подсистема и подсистема, обеспечивающая возможность воздействия), «стержневые», «опорные» элементы оригинала, необходимые для формирования адекватного оригиналу содержания текста. Функционально адекватный оригиналу переводной текст должен оказывать такое же воздействие на реципиента, что и исходный текст.

Таким образом, адекватный текст-перевод должен «дать читателю ту же возможность, которой располагал читатель исходного текста, возможность «разобрать устройство», понять, какими способами производится воздействие, и получить от них удовольствие» [19, с. 353]. При этом основным принципом должен стать принцип использования свойственных данному языку перевода вариантов реализации семантем, выраженных в исходном тексте. Определяется следующая последовательность шагов: 1) выявление номинативных элементов исходного текста; 2) определение, вариантами каких семантем являются данные номинативные элементы; 3) определение места семантем в иерархии языковых понятий исходного текста; 4) нахождение вариантов реализации данных семантем для конкретной позиции в языке перевода, т.е. подбор номинативных элементов в языке перевода, могущих оказывать такое же воздействие на читателя, что и номинативные элементы языка оригинала.

Имеет также значение, что создание перевода на основе поиска в языке перевода вариантов реализации семантем представляет возможность снять «лингвотнический барьер», в результате чего данный текст «представляет носителям ИЯ и носителям ПЯ лишь объективно равные возможности восприятия и интерпретации сообщения в его исходном и переводном вариантах, включая возможность одинаково реагировать на него» [7, с. 36].

Изложенные выше теоретические положения особо актуальны и представляют интерес для методики преподавания языков, в том числе и для методики преподавания русского языка в условиях его функционирования наряду с другими языками в регионе. Учитывая, что русский язык в Республике Крым до воссоединения с Российской Федерацией имел статус языка национального меньшинства, что накладывало определенные ограничения на его использование и развитие, и функционировал наряду с государственным украинским языком, то особую методическую ценность на тот период представляли задания на перевод текстов с украинского языка на русский. Такие задания не только позволяют увидеть различия и сходства между языками, их языковыми средствами, но и отлично стимулируют учащихся к поиску в языке перевода соответствующих вариантов реализации семантем, помогают акцентировать внимание на явлениях межъязыковой омонимии. Использование упражнений на перевод в целом направлено на развитие и совершенствование речевых умений и навыков,

формируют коммуникативную компетентность у учащихся на уроках русского языка.

В учебниках по русскому языку, о которых шла речь в одной из наших статей [11], широко введены упражнения на перевод. Среди них можно выделить три группы упражнений. Особо следует отметить, что все они напрямую связаны с темой параграфа и направлены на отработку соответствующего теоретического материала.

К первой группе относятся **упражнения на уровне слова и словосочетания**. Примерами таких упражнений являются следующие [16] (рис. 1 и рис. 2).

272 Перевод

Переведите слова на русский язык. Запишите перевод.

Горобці, мурахи, солов'ї, вулики, струмки, свині.

Рис. 1. Упражнение на уровне слова

326 Перевод

1. Переведите словосочетания с украинского языка на русский.
2. Придайте переведённым словосочетаниям противоположный смысл, используя подходящие по смыслу слова из материала *для справок*. Словосочетания с противоположным значением запишите.

Високий будинок, знаходитись далеко, сильна спека, гіркий плід, важкий пакет, жорсткий характер, стежина вела вгору, до побачення, прийти рано, сумний настрій, відповісти письмово.

Для справок: холод, весёлое, здравствуйте, сладкий, низкий, мягкий, поздно, лёгкий, вниз, близко, устно.

3. С тремя словосочетаниями составьте предложения. Подчеркните в них все члены предложения.

Рис. 2. Упражнение на уровне словосочетания

Выполнение упражнений на уровне слова и словосочетания ориентируют обучающихся на работу с отдельными семантемами (расширение лексического запаса), а также развивают навыки по трансформации элементов свободного словосочетания при использовании русских вариантов семантем (отработка валентностных свойств тех слов, морфологические и лексические признаки которых в двух языках отличаются).

Ко второй группе упражнений относятся **упражнения на уровне предложений** (рис. 3):

341 Перевод

1. Прочитайте предложения на украинском языке. Объясните лексическое значение выделенных слов. Какая ошибка может возникнуть при переводе этих слов на русский язык?

2. Переведите предложения с украинского языка на русский, обращая внимание на перевод межъязыковых омонимов.

1. Я катаюся на роликах уже другий рік. 2. Кожної неділі ми з родиною гуляємо в парку. 3. Тато допомагає мені збудувати велику модель літака. 4. Коли граєш у шахи, треба бути дуже пильним. 5. Мені подобається фотографувати людей з усмішками.

По-українски

другий
неділя
родина
великий
пильний
усмішка

По-русски

второй
воскресенье
семья
большой
внимательный
улыбка

Рис. 3. Упражнение на уровне предложения

Отличительной чертой второй группы упражнений является сознательное использование так называемых «ложных друзей переводчика» (межъязыковых омонимов или паронимов). В данном случае контекст ориентирует обучающегося прежде всего на поиск адекватного ситуации понятия и последующий подбор номинативного варианта в языке перевода найденной в результате этого анализа семантемы.

К третьей группе относятся **упражнения на уровне текста** (рис. 4).

72 Перевод

1. Прочитайте текст. Переведите его на русский язык. Запишите перевод.
2. Найдите предложения, в которых подлежащее и сказуемое выражены именами существительными. Подчеркните их как члены предложения.

Хліб — найбільш значущий продукт харчування. В Україні завжди віддавали перевагу житньому хлібу, а пшеничний випікали на великі свята — Різдво, Пасху, весілля.

Історія хліба велична, довга й цікава. З давніх часів у всіх народів хліб — найбільша цінність. Споконвіку хліб — символ радості, здоров'я та багатства. Батьки привчали дітей берегти хліб.

Кожна країна світу має свою історію хліба та свої традиційні рецепти.

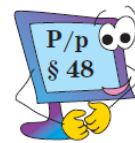
За С. Крижко

3. Из данных вариантов заголовка текста выберите тот, который наиболее точно передаёт его тему.

1. Хліб у нашому житті.	3. Найцінніший продукт.
2. Бережіть хліб.	4. Хліб — усьому голова.

116 Перевод

1. Переведите текст с украинского языка на русский. Определите его тему и основную мысль. Озаглавьте текст.
2. Запишите перевод. Подчеркните однородные члены предложения. Отметьте слово, к которому они относятся.

Україна — це наша земля, наш рідний край, наша країна із славною багатовіковою історією та мудрими талановитими людьми, із чарівною піснею, що дивує весь світ, багатючими народними традиціями, із мальовничою природою.

Україна... Вона в усьому, що нас оточує: у місяці, зорях, у кожному камінчику, деревці. Все це рідне й близьке кожному з нас. І червона калина, що росте на подвір'ї біля вашої оселі, і рушничок, вишитий старенькими бабусиними руками.

Л. Ткачук

Рис. 4. Упражнение на уровне текста

Выполнение упражнений на уровне текста ориентирует обучающихся на работу с целыми фрагментами речи, задания формулируются с целью мотивирования для поиска семантически близких или тождественных понятий. Таким образом, формируются не только навыки анализа текста, но и его синтеза —

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

операции, позволяющей соотносить элементы различных частей текста с последующим формулированием на язык перевода темы или идеи.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим **выводам**:

1. Выполнение типовых упражнений дает возможность учащимся расширить свой словарный запас, акцентировать внимание на лексических, грамматических особенностях русского языка. С их помощью удалось не только показать сходства и различия между украинским и русским языками, но и предотвратить ошибки, связанные с явлением межъязыковой интерференции.

2. Задания и упражнения на перевод, предложенные в учебниках крымских авторов, были направлены на достижение основной цели обучения русскому языку – формирование коммуникативной компетентности.

3. Перевод как вид деятельности и как форма работы на уроках русского языка в Республике Крым до воссоединения с Российской Федерацией служил цели сохранения и развития русского языка на полуострове, повышения уровня грамотности у носителей русского языка, формирования навыков анализа и синтеза элементов речи.

Перспективой исследования является описание концепции учебников по русскому языку, использование которых в Крыму ориентировано на обучающуюся аудиторию после 2014 г., т.е. в условиях образовательного пространства Российской Федерации.

Список литературы

1. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 137–156.
2. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : [сборник статей]. – М., 1978. – С. 69–90.
3. Казакова Т. А. О психосемиотическом аспекте перевода / Т. А. Казакова // Перевод и интерпретация текста : [сборник научных трудов]. – М., 1988. – С. 7–20.
4. Казакова Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Т. А. Казакова. – СПб. : Издательство Союз, 2000. – 296 с.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 188 с.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : ВШ, 1990. – 251 с.
7. Латышев Л. К. Перевод : Теория, практика и методика преподавания : учебное пособие / Л. К. Латышев, А. С. Семенов. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 191 с.
8. Лещак О. В. Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология / О. В. Лещак. – Тернополь, 2008. – 231 с.
9. Маркина М. Г. О функциональном определении перевода, или проблема перевода в свете регулятивности языка / М. Г. Маркина // Культура народов Причерноморья: научный журнал. – Симферополь, 2007. – №110. – Т. 2. – С. 279–281.
 1. Маркина М. Г. Проблема перевода в функциональной лингвистике / М. Г. Маркина // Русский язык в поликультурном мире : международная научно-практическая конференция, 5-10 июня 2007, Ялта : материалы конференции. – Симферополь : СОНАТ, 2007. – С. 317–323.
 2. Маркина-Гурджи М. Г. Учебники по русскому языку крымских авторов как фактор сохранения и развития родного языка в Республике Крым / М. Г. Маркина-Гурджи // VII

Международный лингвистический конгресс «Язык и мир»: Международный конгресс (Ялта, 5-8 октября 2015): Сборник научных докладов. – Симферополь, 2015. – С. 225-228.

3. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / Ю. Л. Оболенская. – М. : Высшая школа, 2006. – 335 с.

4. Рудяков А. Н. За словом ли «лезет в карман говорящий», или о функциональном определении текста / А. Н. Рудяков // Функциональное описание языка и его единиц : XI Международная конференция по функциональной лингвистике, Ялта, 4–8 окт. 2004 г. : сборник научных докладов. – Симферополь, 2004. – С. 305–307.

5. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.

6. Рудяков А. Н. О знаковых «орудиях труда» / А. Н. Рудяков // XII Международная конференция по функциональной лингвистике. – Ялта, 2005. – С. 294-295.]

7. Рудяков А. Н. Русский язык: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учеб. заведений с русским языком обучения / А. Н. Рудяков, Т. Я. Фролова, М. Г. Маркина-Гурджи. – К. : Грамота, 2013. – 272 с.

8. Сдобников В. В. Теория перевода : [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков] / В. В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 448 с.

9. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 211с.

10. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко. – СПб. : «Симпозиум», 2006. – 574 с.

ROLE OF TRANSLATION IN FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF PUPILS AT RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN THE CRIMEA BEFORE THE REUNIFICATION WITH THE RUSSIAN FEDERATION

Markina-Gurdzhi M. G.

The article is devoted to identifying the functional specificity of the translation in the formation of the communicative competence of pupils at lessons of the Russian language in the Crimea before 2014. The functioning and teaching of the Russian language in the Republic of Crimea to reunification with the Russian Federation was characterized by a number of features and accompanied by a set of factors that both positively and negatively affect the development of language in general and on the level of the Russian language, literacy among the population, in particular.

We prove the thesis that the implementation of the function, the translation of the text – it is the presentation of the original code in the new position, which results in assignment to a linguistic and cultural situation. Consequently, the adequate translation in this study recognizes that in which expressed functionally important subsystem of the source text (directly affecting the subsystem and subsystem, providing the possibility of exposure), "stem", "support" of the original elements necessary for the formation of an adequate content of the original text. A translation text, functionally adequate to original, should have the same effect on the recipient as the original text.

Tasks of such levels as level of words, of phrases, of sentences and of texts are examined and illustrated in the article. Features of the Russian language textbooks written by Crimean authors are characterized. Using exercises for translation is aimed at development and improvement of speech skills.

Keywords: Crimea, Russian language textbook, translation, functional approach, literacy, semanteme, task levels for pupils.

**К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ВОКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ
(на материале художественной прозы А. П. Чехова)**

Моисеева-Пронь Н. В.

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
e-mail: legora@list.ru*

В статье рассматриваются грамматические и смысловые особенности вокативных предложений, позволяющие отграничить данные конструкции от сходных с ними конструкций обращений и номинативных предложений. Материалом исследования послужили рассказы и повести А. П. Чехова, дающие наиболее совершенные образцы использования вокативных предложений во всей палитре их изобразительно-выразительных возможностей.

Ключевые слова: вокативное предложение, обращение, номинативное предложение.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о вокативных предложениях относится к недостаточно разработанным. Нет обобщающих работ, где был бы дан всесторонний анализ предложений этого типа. Очень мало работ, специально посвященных исследованию отдельных свойств вокативных предложений. Это статья А.С. Попова «Обращения-предложения в современном русском языке» [7], в которой сделана попытка дать грамматическую характеристику вокативных предложений и предлагается их семантическая классификация, и работа В.К. Кузьмичевой «Интонация вокативных предложений в современном русском литературном языке» [5], представляющая результаты экспериментального исследования специфической интонации анализируемого типа предложений.

Сведения самого общего характера представлены в ряде учебных пособий по синтаксису. Особо выделяются вокативные предложения лишь в пособии по синтаксису А.Н. Гвоздева в разделе «Междометные предложения» [3] и в учебнике Ф.К. Гужвы в разделе «Односоставные предложения» [4].

Впервые на особый характер вокативных предложений, передающих сложную мысль, обратил внимание академик А.А. Шахматов, которому и принадлежит термин «вокативное предложение» [10]. Он рассматривает их как особый вид односоставных предложений. Со ссылкой на Шахматова выделял их С.И. Абакумов [1]. Особой группой односоставных предложений, вслед за А.А. Шахматовым, считают вокативные предложения А.С. Попов, В.В. Бабайцева, Ф.К. Гужва, потому что названные предложения имеют единственный главный член – название лица, к которому обращена речь. Но это не просто название лица в именительном падеже, а название, которое произносится говорящим с особой интонацией, способной вызвать сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли содержится упрек, укор, сожаление, мольба, негодование, возмущение, презрение, ненависть, пренебрежение.

На том же основании, как уже говорилось выше, рассматривает вокативные предложения как разновидность номинативных предложений А.Г. Руднев. Этой

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ВОКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

точке зрения противостоит взгляд на вокативные предложения А.Н. Гвоздева, который выделяет их как тип междометных предложений.

В.В. Бабайцева, включая вокативные предложения в односоставные, в то же время отмечает, что они все-таки не являются типичными односоставными конструкциями, что создает потенциальную возможность вокативным предложениям переходить в разряд нечленимых слов-предложений и междометно-восклицательных при утрате лексической значимости существительных.

А.А. Шахматов первый указал на историческую близость вокативных предложений и обращений. Эта идея академика была принята всеми лингвистами. Все они признают, что вокативные предложения — это обращения, являющиеся одновременно предложениями благодаря обогащенному содержанию, которое концентрируется в обращении. Эти сложные обращения получают новые формальные свойства. Такое осложненное обращение не только называет адресата речи, но одновременно передает содержание возможной речи.

М.К. Милых принадлежит мысль о том, что вокативные предложения входят в прямую речь, являются частью конструкции с чужой речью. Вокативные предложения как деталь сложной конструкции обладают еще в большей мере, чем побудительные предложения, свойствами восклицательности. [6].

Одной из наиболее обстоятельных работ о вокативных предложениях в современном русском языке, как уже отмечалось, является статья А.С. Попова «Обращения-предложения в современном русском языке» [7]. В этой статье впервые делается попытка дать семантическую классификацию вокативных предложений, автор дает сравнительный анализ обращений и «обращений-предложений». Попов А.С. полагает, что обращения-предложения содержат не только адресата речи, но и наполнены содержанием определенной эмоциональной тональности. В этом автор статьи видит существенное отличие вокативных предложений от обращений. По мнению А.С. Попова, вокативные предложения не обнаруживают семантико-грамматической расчлененности. Главный член таких предложений не имеет грамматического сходства ни с подлежащим, ни со сказуемым.

Таким образом, нет единства во взглядах ученых на вопрос о том, к какому типу предложений отнести вокативные предложения.

Материалом исследования послужили рассказы и повести А.П. Чехова, вокативные предложения которых являются одним из средств создания главного эффекта чеховского повествования — изображения мира во всем его многообразии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В какой же мере свойства предложения присущи предложениям вокативным? Роль интонации особенно ярко проявляется в определении коммуникативной направленности и эмоциональных проявлений таких предложений, грамматическая структура которых не отличается большим разнообразием.

В.К. Кузьмичева, экспериментально исследуя интонацию вокативных предложений, приходит к выводу, что каждая смысловая группа характеризуется своей интонацией: «В условиях общения предложения такого типа являются

полноценными речевыми единицами и не нуждаются в конкретизации дополнительными словами» [5, с. 89].

Интонационную выразительность вокативных предложений создают все интонационные средства в целом (частота основного тона, интенсивность произнесения, время звучания). Интонация способна выражать модальность этого типа предложений, т.е. не только какое-то объективное содержание, но и отношение говорящего к этому содержанию, придавая своеобразный оттенок высказыванию: сомнение, необходимость, долженствование и т.д. И каждое вокативное предложение имеет свою особую интонацию и определенный модальный оттенок, например:

1. — *Батюшка! Павел Иванович!* – удивляется токарь, видя перед собой доктора. — *Благодетель!* (А.П. Чехов. Горь. Т. 3., с. 194)

В вокативном предложении «*Павел Иванович!*» ясно слышна интонация удивления, радостного изумления простоватого токаря, и это подтверждается авторской ремаркой. Предложение произносится с повышением тона, и между отдельными частями всего этого отрывка делается пауза.

А вот в другом примере вокативного предложения меняется модальный оттенок, меняется и интонация:

2. — *Ах, Дарья Даниловна!* – вздыхает кто-то укоризненно. — *Радоваться надо, а вы это бог знает что выдумали.* (А.П. Чехов. Свадьба. Т.1., с.596)

Интонация этого вокативного предложения отличается понижением тона и замедлением речи. Вокативное предложение способно передавать посредством соответствующих оттенков интонации характер эмоционально-волевой реакции говорящего, которая выступает в единстве с мыслительным процессом.

Характерной особенностью вокативных предложений, по мнению А.Н. Гвоздева [3], является наличие восклицательной интонации при проявлении радости и приятного изумления. Для такой интонации характерно продление ударного гласного, произносимого на высоких тонах, например:

3.— *Ольга Ивановна!* — *взвизгнула она, тяжело дыша от волнения.*

— *Голубушка моя родная!* (А.П. Чехов. Степь. Т.5, с. 184)

Совсем иная интонация, передающая тревожное состояние говорящего, звучит в другом примере:

4. — *А-га-фья!* – *донесся из деревни чей-то глухой голос — Агафья! То вернувшийся и встревоженный муж искал по деревне свою жену.* (А.П. Чехов. Агафья. Т.1, с.250)

Первое вокативное предложение произносит герой рассказа «Агафья» по слогам, чтобы звук раскатился дальше. Ударный гласный [а] звучит долго, с напряжением голоса, и по интонации этих вокативных предложений можно узнать о тревожном состоянии вернувшегося мужа Агафьи.

Фамильярное, небрежное, снисходительное отношение генерала к своему спутнику заметно в следующем вокативном предложении:

5. — *Ах, батенька!* – *говорит генерал, берясь за вожжи.* — *Какую прекрасную штучку я прочел сегодня за кофе! Пустячок, в две странички, но какая прелесть! Жаль, что вы не владеете французским языком, я дал бы вам прочитать.* (А.П. Чехов. Весной. Т.1., с. 256)

**К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ВОКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Автор объясняет причину такого обращения генерала к Макару: «Будь Макар Денисыч только писарем или младшим управляющим, то никто бы не посмел говорить с ним таким тоном снисходительным, небрежным, но он «писатель», он бездарность, посредственность!» Еще прежде чем автор скажет о том, что небрежное отношение к Макару Денисычу объясняется тем, что он «писатель», вокативное предложение «*Ах, батенька!*» позволит читателю понять это.

Говоря о структуре вокативных предложений, следует остановиться на соотносительности этих предложений с обращениями и номинативными предложениями. Так, Д. Э. Розенталь [9] полагал, если обращение находится в начале предложения, то ему присуща особая звательная интонация (усиление ударения), и в таком положении обращение образует предложение-обращение (вокативное предложение), например:

6. — **Ваня!** – *позвала она.*

— **Иван Андреевич!** *Ответа не было.* (А. П. Чехов. Дуэль. Т. 4., с. 418.)

В этих вокативных предложениях-призывах называется адресат речи с целью привлечь его внимание. Семантика этих предложений близка к обращениям. В таких предложениях функция обращения усилена, потому что степень эмоциональной взволнованности не очень высока.

Вокативные предложения, по мнению В. П. Проничева [8], обладают, как и обращения, уникальной возможностью передавать обращения к адресату по званию, по должности, по профессии, по принадлежности собеседника к определенной возрастной группе или какой-то общности людей, например:

7. — *Глубоко, бесконечно жаль, что мы с тобой разны мыслим.*

— **Ах, Алеша, Алеша, брат мой милый!** (А. П. Чехов. Три года. Т. 7., с. 488.)

В данном примере вокативное предложение состоит из имени собственного и обращения по родству.

Очень трудно отличить вокативное предложение от обращения особенно в тех случаях, когда в вокативном предложении усиливается функция обращения, например:

8. — *Как зачем? Да ведь банк лопнул!*

— *Шутки! Стара песня... и прежде пугали...*

— *Так вам еще неизвестно? Батенька! **Серapiон Егорыч!** Да ведь это... это... это... читайте!* (А. П. Чехов. Идиллия — Увы и ах! Т. 1., с. 470.)

Одним из способов разграничения вокативных предложений и обращений, как представляется, может служить метод трансформации, т. е. соотносительности вокативных предложений с синонимичными предложениями, позволяющий выявить их объективное содержание. В сознании слушающего происходит своеобразная расшифровка содержания мысли, заключенной в вокативном предложении, например:

9. *Раскатанные бревна уже не горели, но сильно дымили; студент, работая кишкой, направлял струю на эти бревна, то на мужиков, то на баб, таскавших воду.*

— **Жорж!** — *кричали ему девушки укоризненно и с тревогой.*

— **Жорж!** (А. П. Чехов. Мужики. Т. 6., с. 212.)

Вокативные предложения в данном отрывке можно заменить синонимичными: «Жорж, не делайте этого!» или «Жорж, перестаньте!»

В каждом вокативном предложении кроме адресата речи содержится еще и некая пресуппозиция, выраженная или не выраженная вербально, поэтому эти предложения выполняют определенную коммуникативную функцию в речи, т. е. они являются средством общения: кроме объективного обобщенного содержания, заключают еще оценку говорящего, что очень важно для квалификации данной конструкции. Каждый говорящий вкладывает в вокативное предложение определенный смысл и свое отношение к этому смыслу и невольно или специально демонстрирует свое эмоциональное состояние. Тот, к кому обращено вокативное предложение, как правило, безошибочно определяет не только содержание высказывания, но и его смысл, и отношение говорящего к нему, и психическое состояние собеседника, например:

10. — *Ах, ах!* — *послышалось из одного вагона.*

— *Варя с мужем вышли нас встретить! Вот они! Варенька!.. Варечка! Ах!* (А. П. Чехов. Дачники. Т. 1., с. 75.)

В этом примере содержатся вокативные предложения-призывы обратить внимание Вареньки, что «дорогие» родственники приехали. Уменьшительно-ласкательные суффиксы имени собственного позволяют говорить о восторженном чувстве говорящих и о преувеличенно нежном отношении к молодой женщине.

Вокативные предложения сходны не только с обращениями, но и с номинативными предложениями, представляющими собой односоставные предложения, имеющие в своей структуре всего один главный член. В роли главного члена номинативных предложений выступает имя существительное или словосочетание в именительном падеже или сочетание именительного падежа с родительным, например:

11. — *В прошлом году на Петьке Точкове висла, теперь на этого, прости господи, дьявола повисла... Тьфу! Пора понимать, кто ты! Жена! Мать!* (А. П. Чехов. Живой товар. Т. 1., с. 381.)

В данном примере односоставные номинативные предложения, выражающие различные модальные значения-утверждения, употреблены в диалоге. По интонации и целевой направленности эти номинативные предложения являются восклицательными. Номинативные и вокативные предложения относятся к односоставным с главным членом — существительным в именительном падеже, но имеют, как правило, специфическую интонацию. Несомненно, порой трудно определить, каким типом предложения является та или иная структура, но номинативные предложения отличаются смысловой и грамматической природой: в смысловом отношении номинативные предложения связаны с выражением утверждения или отрицания бытия явлений, предметов, состояний в настоящем времени или вне времени. Вокативные же предложения только называют адресата речи и одновременно передают отношение к нему, эмоциональное восприятие его действий: укор, похвалу, сожаление и т. д. Именная структура вокативного предложения при этом не соотносится ни с подлежащим, ни со сказуемым, а в номинативных предложениях главный член, будучи одинаково морфологически

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ВОКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

выраженным, может тяготеть или к функции подлежащего, или к функции сказуемого.

В этом плане односоставные номинативные предложения можно трансформировать в двусоставные, например:

12. — *Грехи! Грехи! Душа моя окаянная, ненасытная утроба чревоугодная!*
(А. П. Чехов. Недоброе дело. Т. 5., с. 101.)

Главный член «грехи» номинативного предложения обозначает причину указанных ранее явлений, состояний, событий. Эти предложения легко превратить в двусоставные со связкой: «Это грехи!» или «Это есть грехи!»

ВЫВОДЫ

Итак, сопоставление структуры вокативных предложений со структурами обращений и номинативных предложений доказывает, что вокативные предложения — это самостоятельная единица, имеющая свои, только ей свойственные грамматические и семантические особенности.

Список литературы

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык / С. И. Абакумов. — М., 1942.
2. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. — М., 1967.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык / А.Н. Гвоздев. — М.: Просвещение, 1968.
4. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык / Ф.К. Гужва. — К., 1971.
5. Кузьмичева В.К. Интонация вокативных предложений в современном русском языке / В. К. Кузьмичева. — К., 1966.
6. Милых М.К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе / М. К. Милых. — Х., 1956.
7. Попов А.С. Обращения-предложения в современном русском языке / А. С. Попов // Русский язык в школе. — 1958. — №5.
8. Проничев В. П. Синтаксис обращения / Проничев В. П. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
9. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — М., 1968.
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — М., 1941.

TO THE QUESTION OF THE DELIMITATION VOCATIVE SENTENCES FROM SIMILAR LANGUAGE CONSTRUCTS (based on the fiction of A. P. Chekhov)

Moiseeva-Pron N. V.

The article discusses the grammatical and semantic features vocative sentences that allow to distinguish these structures from similar structures of appeals and nominative sentences. The research is based on the stories and novels of Anton Chekhov, giving the most perfect specimens of use vocative sentences in the whole range of expressive possibilities.

Keywords: vocative sentence, appeal, nominative sentence.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аржанцева
Татьяна Викторовна кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
- Ачилова
Вера Павловна кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
- Басовская
Евгения Наумовна доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой медиаречи Института Массмедиа Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия
- Блюмина
Ольга Валентиновна кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего языкознания Образовательной организации высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
- Волокитин
Дмитрий Юрьевич ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
- Вольская
Наталья Павловна кандидат культурологии, доцент Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Герасименко
Ирина Анатольевна доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта, Россия

Гончарова Юлия Васильевна	магистрант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Зябрева Галина Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Калмыкова Марина Михайловна	кандидат исторических наук, замдиректора Научной библиотеки ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Капустина Светлана Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Клюева Наталья Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного университета путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия
Косолокина Елизавета Алексеевна	магистрант кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия
Курьянова Валерия Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Лутов Виктор Андреевич	магистрант Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта, Россия

Макаренко Светлана Игоревна	аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Малярчук-Прошина Ульяна Олеговна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Маркина Юлия Валерьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного университета путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия
Маркина-Гурджи Мария Геннадьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования, г. Симферополь, Россия
Моисеева-Пронь Наталья Валерьевна	кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия
Мокренцов Денис Сергеевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта, Россия
Османова Мавиле Рефатовна	магистрант кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Пелипась Николай Иванович	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Регрут Светлана Николаевна	Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия магистрант Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялта, Россия
Сипко Елена Сергеевна	заведующая фотовидеостудией гуманитарного факультета Ростовского государственного университета путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия
Сметанина Мария Олеговна	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
Шамова Надежда Александровна	магистрант кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волокитин Д. Ю. ЗАМЫСЕЛ ЖУРНАЛИСТСКОГО МАТЕРИАЛА: ИДЕЯ, МЕДИАПОТЕНЦИАЛ, ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД, ФОРМУЛИРОВАНИЕ	3
Маркина Ю.В. КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ	11
Сипко Е.С. ПОПУЛЯРНОСТЬ ВЛОГОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	20
Сметанина М.О. ТЕМАТИКА МАТЕРИАЛОВ «ТАВРИЧЕСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» И «ТАВРИЧЕСКОГО ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВЕСТНИКА», ПОСВЯЩЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ В РОССИИ В 1905-1907 И 1917 ГОДАХ.....	26

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Зябрева Г. А., Капустина С. В., ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИИ.....	33
Курьянова В. В. РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДОМЫСЛА В ВОЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ Л. Н. ТОЛСТОГО	41
Макаренко С. И. СЮЖЕТ О ВАЛЕНТИНЕ КОЗИНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. КРИШТОФ: ОТ ОЧЕРКА К ПОВЕСТИ.....	48
Мокренцов Д. С., Резрут С. Н., Лутков В. А. ТВОРЧЕСТВО ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «ПОЛУОСТРОВ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ.....	63
Пелипась М.І. ХАРАКТЕРИСТИКА МОВНИХ ОСОБЛИВОСТЕЙ ТВОРЧОСТІ ІВАНА ФРАНКА І ЛЕСІ УКРАЇНКИ У РОЗДУМАХ МАКСИМА РИЛЬСЬКОГО	67

**СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Аржанцева Т. В., Османова М. Р. ФОРМИРОВАНИЕ ИНТРИНСИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	73
Басовская Е. Н. ОТ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ К ТЕОРИИ ДИСКУРСА – И ОБРАТНО.....	81
Вольская Н. П. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЦВЕТ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОРАТИВА «КРАСНЫЙ»).....	89
Герасименко И. А. КОГНИТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА А. ЧЕХОВА	93
Шамова Н. А. КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ АНАЛИЗЕ КИНОДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА КИНО).....	97

ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Аржанцева Т. В., Гончарова Ю. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ	103
Клюева Н.Ю. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СПОРТИВНЫХ РЕПОРТАЖАХ ДМИТРИЯ ГУБЕРНИЕВА	113
Косолюкина Е.А. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ТЕРРОРИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ).....	122
Малярчук-Прошина У.О. К ВОПРОСУ О РОЛИ МЕДИАТЕКСТОВ КАК ТРАНСЛЯТОРОВ ЦЕННОСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ	129

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Ачилова В. П. ТАКИЙ НЕПРОСТЫЙ ЗБИГ	134
Блюмина О. В. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ СУБСТАНТИВНЫХ КОМПОЗИТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ.....	140
Калмыкова М. М. «В ЗНАК ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ ОТ АВТОРА»	146
Маркина-Гурджи М. Г. РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ ДО ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ	156
Моисеева-Пронь Н. В. К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ВОКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ	166
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	172